

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

**Восточно-Сибирского государственного
института культуры**

2019/4(12)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№4(12)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2019

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 74824 от 21 января 2019 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е.Ю. Перова, кан. эконо. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И.С. Цыремпилова, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р социол. наук,
проф.; Н.Б. Дашиева, д-р ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед.
наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.;
З.А. Серебрякова, д-р филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд.
пед. наук, доцент; С.П. Татарова, д-р социол. наук, проф.;
Е.В. Банзаракцаева, канд. ист. наук, доцент (отв. секретарь);
Л.М. Хобракова, канд. филол. наук, доцент; Н.Д. Хосомоев,
канд. филол. наук, проф.; А.В. Чебунин, д-р филос. наук, проф.

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного
института культуры : научный журнал по искусствоведению,
культурологии, историческим наукам. – Улан-Удэ :
Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2019. –
№4(12). – 176 с.**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 24.12.2019. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 13,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 2382. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Гомбожапов А. Д. РАННИЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСУДАРСТВА	5
Цыренов Ч. Ц. МАНЬЧЖУРСКИЕ КАЗЕННЫЕ ПЕЧАТИ ЭПОХИ АБАХАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ «ЦИН ШИЛУ» («МАГАД ХУУЛЬ»)	13
Аюшеева М. В. БУРЯТСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ В ЛИЧНОМ ФОНДЕ С. П. БАЛДАЕВА	19
Цыпилова С. С. МАТЕРИАЛЫ ПО СЕМЕЙНО-БРАЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ФОНДЕ С. П. БАЛДАЕВА	25
Плеханова А. М. ЖИЛИЩА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ В 1920-е гг.: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	31
Хомяков С. В. АТРИБУТЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1923-1926 гг.)	37
Бураев А. И. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАСТИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ	44
Дикий Я. В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КЯХТИНСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ	52
Базаров В. Б. МОНГОЛО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ к. XX - н. XXI вв.: ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО «ТРЕТЬЕГО СОСЕДА» МОНГОЛИИ	62
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	69
Лощенков А. В. УМ КАК ОБЪЕКТ МЕДИТАЦИИ В ТРАДИЦИИ ЛАМРИМ	69
Базаров Б. В., Нолев Е. В. ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ НА ЗАРЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЦИН	75
Бураева С. В. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В ЛОКАЛЬНОЙ КНИЖНО-РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ТУВЫ И ЗАБАЙКАЛЬЯ)	84
Амгаланова М. В. ФЕНОМЕН ПРОТИВОРЕЧИЙ В КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	92
Дандарон М. Б., Бату-Цыренова И. Д., Цыденова А. Д. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЧЕРЕЗ ЭМПАТИЙНЫЙ ПОДХОД	97

Добрынин С. А. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОДЮСИРОВАНИЯ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ФОРМ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ	101
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ.....	104
Чимитдоржиева Г. Н., Отгонтуул Т. ЗАКОНЫ ОБ ОДЕЖДЕ, УКРАШЕНИЯХ И ЭСКОРТЕ В ТЕКСТЕ «МАГАД ХУУЛЬ»	104
Протасова Л. И. ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ БУРЯТСКОГО БАЛЕТА (К 60-ЛЕТИЮ II ДЕКАДЫ БУРЯТСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В г. МОСКВЕ).....	112
Русинова О. А. ОПЫТ ПОЛИФОНИЗАЦИИ БУРЯТСКОГО ФОЛЬКЛОРА ВО ВТОРОМ (БУРЯТСКОМ) КВАРТЕТЕ В. НАГОВИЦЫНА	119
Уранчимэг Доржсурэн СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МОНГОЛИИ: ПРОЕКТЫ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ В МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. ЗАНАБАЗАРА.....	125
Каржаубаева А. И. ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ.....	130
Воронцова Л. С., Солнцева Г. Н. ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ ГОРОДА УЛАН-УДЭ	135
Санжиева Л. Н. О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ МУЗЫКОВЕДА	140
ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА.....	144
Нимаева И. Б. АНАЛИЗ НРАВСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ФАКТОР УГЛУБЛЕНИЯ ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ.....	144
Степанова С. Г. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА	148
Езова С. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОТЕКАРЕЙ.....	153
Батуева Э. Б., Миронова Л. В. СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ НАПРАВЛЕНИЯ «ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО» В СОЗДАНИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА.....	159
РЕЦЕНЗИИ.....	164
Курас Л. В. МОНГОЛИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ.....	164
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	173

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-4-12-5-12

УДК 94(510)

Гомбожаров А. Д.

Gombozharov A. D.

РАННИЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

THE EARLY STAGE OF THE MANCHU STATE FORMATION

В статье рассмотрен ранний этап становления маньчжурского государства. Показана роль Нурхаци в формировании оригинальных государственных институтов власти в чжурчжэньском обществе. Обращено внимание на противоречивые тенденции в политогенезе чжурчжэньского общества, отражавшие борьбу политических интересов племенной знати и зарождающегося государства.

The article considers the early stage of the Manchu state formation. The role of Nurhachi in forming the original state institutes of authority in the Jurchen society is shown. The author draws attention to the contradictory trends in the politogenetic processes of the Jurchen society reflecting the struggle of the political interests of the tribal nobility and the emerging state

Ключевые слова: Нурхаци, маньчжурское государство, чжурчжэни, политогенез.

Keywords: Nurhaci, Manchu state, the Jurchen, politogenetic processes.

В конце XIV в. – начале XV в. наблюдались массовые перемещения чжурчженских вожеств, причиной которых послужили не только внутренние неурядицы, но и внешняя обстановка. Рухнувшая вместе с Юаньской династией пограничная система управления привела к политической дестабилизации региона. Монгольские кочевники стали притеснять чжурчжэней, которые были вынуждены уходить на юг, к границам Минской империи, в поисках защиты и установления порядка [5, с. 257].

Согласно описанию авторов минских источников, в начале XVII в. чжурчженские общности делились на три большие группы: чжурчжэни Цзяньчжоу и Маолия (建州女真), чжурчжэни Хайси (海西女真) и дикие чжурчжэни (野人女真). Все они представляли вожества и племена, находившиеся на разной стадии общественного развития [15, с. 26].

Чжурчжэни Цзяньчжоу (Маньчжурское объединение) представляли собой крупную конфедерацию, на основе которой был создан приграничный округ. Чжурчжэни Хайси (Хулуньское объединение) населяли земли северо-западнее от племен Цзяньчжоу, севернее Мукдена. Проживавшие в небольших городищах и поселениях, они занимались земледелием, ремеслом и подсобными видами хозяйственной деятельности. Их владения были богаты природными ресурсами. Большим спросом на приграничных рынках пользовались, добываемые на их территории жемчуг, яшма, соболиные меха, женьшень и т.д. Близость к границам предопределила тесные торговые и политические связи с империей Мин этих групп чжурчжэньских племен [7].

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (ХП.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4)

Так называемые «дикие чжурчжэни», жившие севернее, соответственно более удаленные от границ Минской империи, были собирательным именем для многочисленных небольших племен, в этническом отношении представлявших народности эвенкийской и тунгусо-маньчжурской группы (чжурчжэни, солоны, нанайцы, эвенки, дауры, дючеры и др.). Практически для всех групп «диких чжурчжэней» был характерен подвижный образ жизни, связанный с их основными занятиями: охотой, рыболовством, собирательством [15].

Дальнейшее развитие чжурчжэней было связано с углублением социальных противоречий, обусловленных усложнением общественных отношений. Стали появляться более сильные и влиятельные родовые группы, которые начали концентрировать в своих руках общественные функции управления, военного дела, а также религиозные обязанности. Все это привело к острой борьбе и междоусобным войнам среди чжурчжэньских вожеств, в ходе которых возникали отношения зависимости и подчинения между отдельными племенными группами и общинами [15].

В описании источников это выглядело следующим образом: «...В те времена во всех землях царил смута. Маньчжурский народ состоял из племен, проживающих в районе рек Сугсукэ и Хуньэ, племен ванцзя, дунью, чжэчэн, нэинь и ялущян на Чанбайшане, воцзи, варка, хурха у Восточного моря, ула Хулуны, хада, ехэ, а также хойфа. Повсюду поднялись роем воры и грабители. Оспаривая старшинство, ханы, нойоны и сановники воевали меж собой во главе своих айлов и племен. Брат убивал брата, сильный угнетал слабого...» [2, с. 1]. Как можно видеть, картина является «среднестатистической» и была типична для народностей, находящихся на стадии формирования собственной государственности.

Пограничное положение с Китаем, совершенно очевидно, не могло не отразиться на политическом и социально-экономическом развитии чжурчжэньских племен. Политика Минской империи по отношению к чжурчжэням исходила из главной цели – обеспечить спокойствие на ее границах [15; 18]. Ситуация межплеменной борьбы и межродовой разобщенности была выгодна китайскому государству, которое умело используя и поддерживая противоречия между различными группами чжурчжэней, старалось не допустить усиление одной из них. Через создание специальных округов – вэй-шу (*wei-so*) достигалось подчинение вождей чжурчжэньских племен Минскому двору. К периоду Ваньли (1573-1620 гг.) число округов – вэйев достигло количества 384 [17]. Подкрепленная существенными торговыми привилегиями для племенной верхушки, система вэев подрывала процессы объединения чжурчжэней и удерживала их в рамках системы многочисленных вожеств.

Чжурчжэньские вожди, назначавшиеся на должности командующих округами, наделялись военными чинами и получали официальную печать, которая позволяла им вести торговлю как в приграничных крепостях, так и в столице империи. В их функции входила охрана границ, поддержание порядка и удержание местного населения от грабежей и нападений на жителей Ляодунской провинции [8]. Этими обязательствами исчерпывалось вассальная служба чжурчжэньских вождей.

Вполне логичным выглядело стремление чжурчжэньских вождей стать «данниками» династии Мин. При показной внешней покорности главы вожеств оставались самостоятельными в проведении своей внутренней политики. Обязанности, налагаемые должностью в системе приграничных караулов, не были обременительны, а выгоды, приносимые товарообменом в ходе ежегодных поездок с данью к китайскому двору, были вполне очевидными. В условиях племенных междоусобиц и постоянной необходимости утверждения власти среди родовичей, наличие китайских должностей и чинов поднимало престиж и авторитет чжурчжэньских вождей и старшин внутри рода, племени, а также придавало дополнительный статус в межплеменных отношениях. При этом чжурчжэньские старшины и вожди в борьбе со

своими соперниками старались привлечь военные силы китайских наместников [13]. Китайские власти, внимательно следившие за обстановкой в приграничных округах, время от времени принимали участие в этой борьбе, совершая карательные экспедиции, целью которых было не допустить объединения племен или усиления одного из них.

Консолидация чжурчжэньских племен была связана с деятельностью одного из племенных вождей Нурхаца. Род Айсинь Гиоро (Нингутабэйлэ), к которому относился Нурхаца, будущий основатель Цинской империи, принадлежал племенному объединению маньчжоу, которое в сравнении с остальными племенными общностями чжурчжэней не выделялось ни многочисленностью, ни военной силой, ни богатством [7; 16].

В одной карательной экспедиции, осуществленной совместно с одним из вождей сукхэского племени Никан-Вайланом, погибли дед Гиочанга и отец Нурхаца по имени Такши. Китайское правительство подтвердило наследственную передачу Нурхаца должности начальника пограничного округа, которую занимал его дед, тем самым сохранив за ним место вождя племени [2].

Первое, с чего начал молодой вождь племени маньчжоу, была месть Никан-Вайлану. Принципиально важным был сам акт кровной мести, который показал бы родственникам Нурхаца, что он способен быть главой своего рода [13, с. 49]. До тех пор, пока Никан-Вайлан был жив, Нурхаца не мог пользоваться авторитетом среди своих родовичей. В обществе, где господствовали традиции и обычаи родоплеменного строя, гибель деда и отца Нурхаца должна была восприниматься как обида, нанесенная всему роду. Тот факт, что при нападении на городок-крепость погибли сразу и дед, и отец Нурхаца лишь усугубил положение Никан-Вайлана. С точки зрения традиционного права в глазах общества Нурхаца имел не только право на кровную месть, но это было и его прямой обязанностью. Поэтому неудивительно, что Никан-Вайланом предпринимались действия, чтобы нейтрализовать Нурхаца.

Из маньчжурских и китайских источников известно, что предпринимались неоднократные попытки покушения на жизнь молодого вождя. В «Маньчжоу шилу» есть упоминания о двух таких попытках, совершенных в 1584 г. [19]. Несмотря на то, что, судя по тексту, в обоих случаях удалось задержать виновных в покушении, Нурхаца решил их отпустить.

Очевидно, что Нурхаца не был уверен в своих силах в случае военных действий со стороны соседей, для начала которых он не хотел давать повод. Существование института кровной мести, представлений о равном возмездии и принципа коллективной ответственности, характерных для традиционного общества, вполне могли служить оправданием для открытых военных действий соперников Нурхаца в случае казни преступника. С другой стороны, в глазах соплеменников решение отпустить без наказания покусившихся на жизнь их вождя могло показать слабость главы племени маньчжоу. В этом противоречивом моменте решение Нурхаца выглядит более чем разумным.

Авторитет Нурхаца как вождя племени держался на успешном выполнении экономических обязанностей, а именно сохранении и распределении материальных благ. Важной статьей доходов была торговля на приграничных рынках. Ввиду этого полнота власти вождя зависела в том числе и от способности организовать и обеспечить условия для торговли с Китаем. Вожди чжурчжэньских племен прилагали немало усилий для того, чтобы получить разрешение торговать на приграничных рынках. Вот почему Нурхаца стремился получить как можно больше лицензий на право торговли на приграничных рынках. Известно, что в ходе поездок в Китай для поднесения дани Нурхаца привозил в большом количестве даннические грамоты,

подтверждающие права на получение «даров», которыми он награждал своих сподвижников.

Далеко не последнюю роль сыграло знакомство Нурхацы с китайской культурой. По сведениям некоторых китайских источников, покинув в 19 лет отцовский дом из-за разлада с мачехой, он несколько лет жил при дворе Ли Чэнляна [9], минского наместника на Ляодунском полуострове, сопровождал его в официальных поездках, выучил китайский язык и получил некоторые знания в области китайской истории и военного дела [10, с. 16]. Как нам кажется, именно этим следует объяснить те нестандартные «инновационные» решения Нурхацы, которые резко контрастировали с методами и средствами племенной политики. Обладая незначительными ресурсами, Нурхацы приходилось рассчитывать не столько на военные методы, сколько на дипломатические средства.

После того как Нурхацы сумел отомстить своему обидчику Никан-Вайлану, имея всего 13 латников, его престиж и авторитет резко возрос не только внутри, но и среди других чжурчжэньских племен [13]. Это способствовало добровольному переходу на сторону Нурхацы некоторых родовых старшин, который сопровождался произнесением клятв и заключением договоров, в честь чего устраивались многодневные пиры [16]. Они были окружены внимательным и равным отношением, им оказывали всемерное уважение и почет. Не скупился Нурхацы и на щедрые подарки для того, чтобы расположить к себе племенных вождей. Выбранная Нурхацы тактика находит аналогии с методами и средствами политики китайского двора в отношении «северных варваров», для которой церемония «дарения» и «отдаривания» племенных вождей была характерной чертой [18].

С укреплением своих сил Нурхацы начал покорение малочисленных и слабых племен. Процесс консолидации чжурчжэньских племен проходил в рамках зарождающегося маньчжурского государства. Конкретный механизм кооптации родов и племен был очень сложен. Общность языка и быта была условием наиболее важным, но явно недостаточным. На фоне типичной картины междоусобиц: разоренных хозяйств, увода в плен и дальнейшего порабощения, политика, проводимая Нурхацы, явно отличалась. Для большинства населения, захваченного маньчжурами, создавались благоприятные условия для их обустройства на новом месте, им предоставлялись земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь [15]. Племенная верхушка, старейшины и главы родов не были ущемлены в своем статусе, а органично встраивались в общую структуру управления.

Успехи Нурхацы, усилившие цзяньчжоуское объединение, в условиях даннической системы Мин не могли не вызвать беспокойства у соседних племен. Округ Цзяньчжоу занимал выгодное политическое и экономическое положение. По территории этого округа пролегали торговые маршруты к приграничным рынкам Китая. Посредничество Нурхацы в отношениях с Китаем не отвечало интересам остальных племенных вождей. В 1593 г. коалиция из 9 племен во главе с Ехэ напала на владения Нурхацы, но была отбита. Это событие подняло авторитет и значительно усилило влияние Нурхацы на чжурчжэньские племена [7].

Дальнейший рост экспансии был направлен на присоединение всех чжурчжэньских племен и был связан не только с политическими, но и обусловлен экономическими причинами. Увеличение собственной экономической базы было постоянно в повестке зарождающегося государства. В первую очередь, это касалось людских ресурсов, в которых постоянно испытывался недостаток [12].

С 1583 по 1626 гг. большинство чжурчжэньских племен были объединены под властью маньчжуров. Расширение и включение большого количества разноплеменного населения потребовало реорганизации системы управления. Попытки удержать власть и утвердить ее над племенами привели к тому, что прежний принцип

конфедеративности был постепенно сменен на более централизованную власть. Политическая организация чжурчжэньского общества усложнялась в сторону образования государства вместе с ее военными успехами и расширением территории [14].

В 1601 г. Нурхацци провел реформу системы военного и административного управления. Были созданы крупные соединения войск, так называемые знамена. Первоначально было четыре знамени (желтое, красное, белое и синее), которые затем в 1614 г. с созданием еще четырех так называемых пограничных знамен, были преобразованы в восьмизнаменную армию [11; 3]. Во главе этих знамен Нурхацци назначил своих сыновей Дайсая, Мангултая, Хунтайцзи и племянника Амина (второй сын Шурхацци, младшего брата Нурхацци). Эта система знамен удачно совмещала в себе как военные, так и гражданские элементы управления. Как отмечает Г. В. Мелихов, «это была специфическая маньчжурская система, зачаток той системы государственного управления, которая позднее развилась у маньчжуров, уже при заимствовании определенных реалий у соседнего минского Китая» [15, с. 40–41].

Основной единицей знаменной системы стали ниру. Они представляли собой сложную военно-хозяйственную организацию [1]. Численность ниру составляла 300 солдат, куда причислялись также члены их семей. Слово «ниру» в переводе с маньчжурского языка означает «стрела». Изначально это было названием группы людей, задействованной при проведении облавной охоты, которая была вооружена луками и стрелами. Из 15 ниру составлялся один чжалан (или полк). В свою очередь 5 чжаланов образовывали знамя. Фактическое количество часто не совпадало с номинальным, временами существенно отличаясь [6, с. 25]. «В тот год под власть хана пришло много племен. Из 300 мужчин формировали одну роту, в каждой роте назначался командир. Испокон веков в нашем народе, отправляясь в поход или выступая на облавную охоту, привлекались все роды и семьи, независимо от количества людей. Во время облавной охоты каждый имел стрелы, над каждым десятью человеками назначался командующий, и каждый придерживался своей (роты). Тот назначенный человек стал называться командиром роты, впоследствии это название закрепилось за командующим офицером» [2, с. 3].

В отличие от Г. В. Мелихова, Д. Фаркуар подчеркивает, что источником многих наиболее важных нововведений маньчжуров, связанных с их первоначальными завоеваниями, была вовсе не китайская культура управления, а монгольские институты XVI века и более раннего времени [4]. Он опровергает мнение о происхождении знаменной организации от минской приграничной оборонительной системы вэй-шу и обращает внимание на схожесть ключевых подразделений знаменных войск с монгольскими. Так, в частности, «ниру» находит аналогии с монгольским «хошунном» XIII–XIV вв. Слово ниру означает «стрела» и в этом наименовании для воинского подразделения не было известно в Восточной Азии. Но среди монгольских народов стрела является атрибутом власти и символом верности произнесенной клятве. Знамя (*gusa*) по устройству было идентично с монгольским хошунами уже в XVI веке. Это выражалось в том, что как знамя, так и хошуун представляли собой неопределенное количество боеспособных мужчин родового коллектива. Точная численность воинов в знамени было установлено только к 1615 году. Как и глава знамени (бэйлэ), предводителем хошууна был назначаемый ханом ближайший родственник. Должности аппарата управления знамени такие, как амбань (*amban*), бэйдэши (*beidesi* или *dutiesi*) и бакши (*baksi*) были смоделированы по монгольскому образцу и находили аналогии с существовавшими у монголов чинами сайд (*sayid*), жаругачи (*jarugaci*) и багши (*baysi*) соответственно [4, с. 15]. По мнению Е. И. Кычанова корни знаменной организации можно проследить еще в период иноземных династий Ляо и Цзинь [14, с. 65].

К этому хотелось бы добавить широко практиковавшийся в военном и административном управлении принцип деления на две части, то есть на правое и левое крылья. Двухкрыльная структура в устройстве Цинской империи отражает давнюю политическую традицию центральноазиатских народов степного пояса [20]. Очевидно, что она была воспринята маньчжурами самым непосредственным образом в период господства монголов в Китае. Двухчленное деление пронизывало весь властный аппарат с самых его низов и было распространено в том числе на области северо-восточного Китая, где проживали чжурчжэньские народы.

Действенность и жизнеспособность созданной знаменной системы заключалась в том, что в условиях племенной организации чжурчжэньского общества она снимала противоречия, возникавшие в процессе объединения. Она также заложила прочный фундамент для формирования маньчжурского этноса. Нурхаци, столкнувшись с проблемой объединения разрозненных племен, принял простое, но в то же время очень эффективное решение. Формирование знамен разрушало племя как крупную общественную структуру, что предотвращало племенной сепаратизм и выстраивало надплеменную систему. С другой стороны, более мелкое подразделение «ниру» состояло из членов кровно-родственного коллектива. Эта форма не нарушала единства более мелкой клановой организации. Во главе ниру оставались вожди или старейшины завоеванных или присоединенных племен и родов [12; 16]. При этом, вошедшие в состав государства племена, как отмечалось выше, уравнивались в правах с маньчжурским населением.

Такая организация войск должна была, несомненно, сплотить разнородные в этническом и культурном плане племенные группы, предложив им объединиться вокруг общеполитической цели нового маньчжурского государства, таким образом сняв имевшиеся среди племенных групп чжурчжэней противоречия.

Бесспорно, что становление маньчжурского государства происходило на фоне углублявшихся внутренних проблем Минского Китая. В то же время говорить об исторической предрешенности политогенеза в сторону образования крупного государства не приходится. При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать сложившуюся в XVI – начале XVII в. историческую обстановку и подробно рассматривать собственно внутренний опыт государственного строительства маньчжуров. В массе вероятностей исхода событий ключевую роль сыграл фактор личности. Необходимо отдать должное прирожденным качествам основателя маньчжурского государства Нурхаци. Именно благодаря его храбрости, проницательному уму, незаурядным организаторским способностям и военному таланту племя маньчжоу встало на путь обретения государственности. Организация власти на новых принципах выразилась в постоянной борьбе между представителями племенной аристократии, возглавлявшими знамена и ратовавшими за автономию и самим государством, которое требовало единства власти в руках императора.

Примечания

1. Ch'en Wen-shih. The Creation of the Manchu Niru Chinese studies in History. 1981. Vol. 14. (4). P. 11-46.

2. Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli [True records of the Mongols of the Qing Empire. Vol. 1. In Mongolian.] Hohhot : The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013. 1236 p.

3. Elliott M. C. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford : Stanford University Press, 2001. 608 p.

4. Farquhar D. M. Mongolian Versus Chinese Elements in the Early Manchu State // Ch'ing-shih wen-t'i. 1971. T. 2, №. 6. P. 1-23.

5. Huang P. New Light of the Origins of the Manchus // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1990. Vol. 50, N. 1. P. 239-282.
6. Lee R. H. G. *The Manchurian frontier in Ch'ing history*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1970. 229 p.
7. Li G. R. *State Building Before 1644 // The Cambridge History of China*. 2002. Vol. 9. №. Part 1. P. 9-72.
8. Serruys H. *Sino-jürčed relations during the Yung-lo Period*. Harrassowitz, 1955. 118 p.
9. Stary G. From "Clan-Rule" to "Khan-Rule": Some Considerations about the Relations between Nurhaci and Šurhaci // *Central Asiatic Journal*. 2015. T. 58, №. 1-2. С. 149-154.
10. Swope K. M. *The Military Collapse of China's Ming Dynasty, 1618-44*. Routledge, 2014. 292 p.
11. Wakeman F. E. *The great enterprise: The Manchu reconstruction of imperial order in seventeenth-century China // Univ. of California Press*, 1985. Vol. 1-2.
12. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб. : Ин-т восточных рукописей, 2009. 488 с.
13. Кузнецов В. С. Нурхаци – основатель маньчжурского государства // *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. С. 48-53.
14. Кычанов Е. И. *Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. С. 44-67.
15. Мелихов Г. В. *Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.)*. М. : Наука, 1974. 246 с.
16. Мелихов Г. В. *Некоторые вопросы консолидации маньчжурской народности при Нурхаци и Абахэе (1591-1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 111-116.
17. Мелихов Г. В. *Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402-1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье*. М., 1970. С. 251-271.
18. Мясников В. С. *Империя Цин и Русское государство в XVII в.* 2-е изд., доп. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1987. 512 с.
19. Пан Т. А. *Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII-XVIII вв.* СПб. : Петерб. Востоковедение, 2006. 228 с.
20. Трепавлов В. В. *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*. М. : Вост. лит., 1993. 168 с.

References

1. Chen Wen-shih. *The Creation of the Manchu Niru Chinese studies in History*. 1981. Vol. 14. (4). Pp. 11-46 [In Engl.].
2. Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli [True records of the Mongols of the Qing Empire]. Volume 1. Hohhot, 2013. 1236 p. [In Mong.].
3. Elliott M.C. *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, 2001. 608 p. [In Engl.].
4. Farquhar D. M. *Mongolian Versus Chinese Elements in the Early Manchu State // Ch'ing-shih wen-t'i*. 1971. V. 2. №. 6. Pp. 11-23 [In Engl.].
5. Huang P. *New Light of the Origins of the Manchus // Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1990. Vol. 50, No. 1. Pp. 239-282 [In Engl.].
6. Lee R. H. G. *The Manchurian frontier in Ching history*. Cambridge, MA, 1970. 229 p. [In Engl.].

7. Li G. R. State Building Before 1644 / The Cambridge History of China. 2002. Vol. 9. №. Part 1. Pp. 9-7 2 [In Engl.].
8. Serruys H. Sino-žurčed relations during the Yung-lo Period: Göttinger asiatische Forschungen. 1955 [In Engl.].
9. Stary G. From "Clan-Rule" to "Khan-Rule": Some Considerations about the Relations between Nurhaci and Šurhaci // Central Asiatic Journal. 2015. V. 58. №. 1-2. Pp. 149-154 [In Engl.].
10. Swope K. M. The Military Collapse of China's Ming Dynasty, 1618-44. Routledge, 2014. 292 p. [In Engl.].
11. Wakeman F. E. The great enterprise: The Manchu reconstruction of imperial order in seventeenth-century China // Univ. of California Press, 1985. Vol. 1, 2. 1337 p. [In Engl.].
12. Barfield T. Dzh. Opasnaja granica: kochevye imperii i Kitaj (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.) [Dangerous frontier : nomadic empires and China (221 BC-488 AC)] / transl. by D. V. Rukhlyadeva, B. V. Kuznetsov. St-P., 2009. 488 p. [In Russ.].
13. Kuznetsov V.S. Nurhachi - osnovatel' man'chzhurskogo gosudarstva [Nurhachi – the founder of the Manchu state] // Dalnij Vostok i sosednije territorii v srednije veka [The Far East and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1980. Pp. 48-53 [In Russ.].
14. Kychanov Ye.I. Formy rannej gosudarstvennosti u narodov Central'noj Azii [Forms of the Central Asia peoples' early statehood] // Severnaja Azija i sosednije territorii v srednije veka [The northern Asia and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1992. Pp. 44-67 [In Russ.].
15. Melikhov G. V. Manchzhury na Severo-Vostokey (XVII v.) [The Manchus in the North-East]. M., 1974. 246 p. [In Russ.].
16. Melikhov G. V. Nekotorye voprosy konsolidacii manchzhurskoj narodnosti pri Nurhacii i Abakhae (1591-1644 gg.) [Some issues of consolidation of the Manchurian ethnos at Nurhachi and Abahai (1591-1644)] // Man'chzhurskoje vladychestvo v Kitae [The Manchu ruling in China]. M., 1966. Pp. 111-116 [In Russ.].
17. Melikhov G. V. Politika Minskoj imperii v otnoshenii chzhurchzhjonej (1402-1413 gg.) [The politics of the Minsk empire towards the Jurchen (1402-1413)] // Kitaj i sosedi v drevnosti i srednevekov'je [China and neighbors in the ancient times and middle Ages]. M., 1970. Pp. 251-271.
18. Myasnikov V.S. Imperija Cin i Russkoje gosudarstvo v XVII v. [The Qing empire and the Russian state in the XVIIth century]. 2nd ed., enlarged. Khabarovsk, 1987. 512 p. [In Russ.].
19. Pan T. A. Man'chzhurskije pis'mennye pamjatniki po istorii i kul'ture imperii Cin XVII-XVIII vv. [The Manchu written monuments in the history and culture of the empire Qing in the XVIIth-XVIIIth centuries]. St.-P., 2006. 228 p. [In Russ.].
20. Trepavlov V.V. Gosudarstvennyj stroj Mongol'skoj imperii XIII v. Problema istoričeskoj preemstvennosti [The state structure of the Mongolian empire of the XIIIrd century. The problem of historical continuity]. M., 1993. 168 p. [In Russ.].

Цыренов Ч. Ц.

Tsyrenov Ch. Ts.

**МАНЬЧЖУРСКИЕ КАЗЕННЫЕ ПЕЧАТИ ЭПОХИ АБАХАЯ
ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ «ЦИН ШИЛУ»
(«МАГАД ХУУЛЬ»)¹**

**MANCHURIAN OFFICIAL SEALS OF АВАНАЯ'S EPOCH
ON THE MATERIALS OF HISTORICAL CHRONICLES «GING SHILU»
(«MAGAD KHUUL»)**

В статье приведены и проанализированы цитаты из исторической хроники китайской «Цин шилу», связанные с историей появления государственных печатей, как важнейшего символа государственности, средства легитимизации власти и удостоверения подлинности приказов. Сделан вывод о том, что первые чжурчжэньские монархи династии Поздняя Цзинь и Цин быстро осознали важную роль чиновничьих печатей и переняли у китайской империи Мин эффективную систему централизованного управления, делопроизводства и документооборота, включавшую в себя набор государственных печатей для всех гражданских и военных ведомств нового государства.

The article cites and analyzes the quotations from the Chinese historical chronicle “Qing Shilu” connected with the history of the state seals appearance as the most important symbol of statehood, means of legitimizing authority and of verifying the authenticity of the orders. It is concluded that the first Jurchen monarchs of the Late Jin and Qing dynasty quickly realized the important role of the official seals and adopted an effective system of centralized management, records keeping and documents circulation from the Chinese empire Min, which included a set of state seals for all civil and military establishments of the new state.

Ключевые слова: «Цин шилу», казенные печати, сфрагистика, пайцзы, делопроизводство.

Keywords: «Qing shilu», official seals, sphragistic studies, paizi, clerical work.

Позднее средневековье – необычайно интересный и важный период в истории Китая и Северо-Восточной Азии. Он характеризуется очень сложной динамикой взаимоотношений различных, этнических и социальных групп населения. Речь идет о международных отношениях китайского позднесредневекового этноса, с одной стороны, и монголо-маньчжурскими народами, с другой. Наличие разработанной системы казенных печатей является одним из показателей уровня общественно-го развития.

В деле изучения и анализа содержания исторических источников, связанных с чжурчжэньским этносом до сих пор есть немало малоизученных и спорных вопросов. Одним из таких вопросов является вопрос, связанный с историей развития государственных чиновничьих печатей как средства заверения государственных до-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-59-94006, «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи)»).

кументов, изданных правителем и его помощниками.

Как известно, маньчжурская письменность («письменность без точек и кружков») была разработана ученым Эрдэни-бакши и министром Гагай-заргучи в 1599 г. по указанию 40-летнего родового вождя чжурчжэньского союза племен по имени Нурхацци (1559-1626 гг.) на основе монгольской вертикальной письменности и распространена на территории Поздней Цзинь.

Одним из важнейших источников по истории раннего маньчжурского завоевания Китая является историческая хроника «Дай Цин Тайцзун шилу», в которой отражены крупные ключевые события, произошедшие при втором маньчжурском монархе Абахай (годы жизни: 1592-1643 гг., годы правления: 1626-1643 гг.). Данная хроника входит в колоссальный по объему корпус исторических хроник под названием «Дай цин ли чао ши-лу». Изучением данного корпуса хроник и периодом правления Абахая занимались отечественные и зарубежные ученые [1; 2; 4; 5; 7; 8; 9; 10].

Данная историческая хроника состоит из 65 свитков (цзюаней) и основана на исторических документах, сохранившихся в государственных архивах первых императоров династии Цин. Следует отметить, что Абахай как и все его преемники принимали традиционный высший монгольский титул – Богдыхан. Работа над данной официальной хроникой была начата в 1652 г. в период правления сына Абахая по имени Фулинь (годы жизни: 1638-1661 гг., годы правления: 1643-1661 гг.). В 1683 г. в период правления внука Абахая по имени Канси (храмовое имя – Шэн-цзу, годы жизни: 1654-1722 гг., годы правления: 1661-1722 гг.) была начата переработка текста сочинения, был внесен целый ряд изменений. В 1734 году (эпоха императора Юнчжэна) хроника вновь подверглась переработке. Окончательный вариант хроники был сформирован в 1735 году, который приходится на 1-й год правления праправнука Абахая по имени Цяньлун (годы жизни: 1711-1799, годы правления: 1735-1796 гг.).

Как известно, Абахай, сын обедневшего, но удачливого потомственного чжурчжэньского аристократа и военачальника Нурхацци, смог преумножить славу своего отца и расширил границы маньчжурской империи за счет южных и восточных монгольских ханств, а также северо-восточных пограничных земель минской империи. Необходимо сказать, что вожди больших и малых оседлых чжурчжэньских племен позднего периода династии Мин проживали в укрепленных острогах и крепостях, вокруг которых располагались сельские поселения с зависимым от них местным населением. Совокупность всех объективных и субъективных факторов позволили Нурхацци основать в 1616 году государство Поздняя Цзинь (后金, 1616-1635 гг.) со столицей под названием Синцзин. Такое название получил первый столичный чжурчжэньский город Хэтуалла, основанный отцом Абахая – Нурхацци. Иными словами, с помощью иероглифа «цзинь» Нурхацци подчеркнул прямую политическую преемственность с исторически первой чжурчжэньской империи – династии Цзинь (金, 1115-1234 гг.), основанной за пять веков до Нурхацци чжурчжэньским племенным вождем по имени Агуда (храмовое имя Цзинь Тай-цзу, годы жизни 1068-1123 гг.) и уничтоженное монгольской конницей Чингис-хана в 1234 г.

Производство печатей восходит своими корнями к седой древности. Каждое племя в древние времена имело свой тотем - священное животное или растение, изображение которого наносилось на разнообразные предметы и могло служить как идентификатор принадлежности к той или иной этнической общности.

Ниже мы приводим три фрагмента, относящихся к разным годам правления Абахая из «Цин шилу», в которых упоминаются казенные печати в различных контекстах, а также краткий анализ их содержания:

1. Фрагмент от 1633 года (7-й год правления Абахая).

«Ранее [хан] отправил Джиргалан-нойона и Сахальян-нойона к внешним монголам с целью разбора судебных дел и установления порядка. Он передал с ними для Ашидархана письмо на 20 страницах с личной печатью. Ашидархан отдал письмо на хранение Нихану, тот в свою очередь – своему слуге. В результате было потеряно девять страниц. Это дело сначала было передано для разбирательства в государственную канцелярию, оттуда – в министерство работ. За небрежное хранение письма с ханской печатью Нихану было назначено 100 плетей, которые были заменены штрафом. Ашидархан также подвергся штрафу за передачу письма» [3, с. 87].

Из данного фрагмента видно, что механизмы передачи и исполнения указов хана на тот момент еще не были до конца сформированы в обширной растущей империи Поздняя Цзинь, а Абахай применял карательные санкции против своих подчиненных за небрежное отношение к ханским письмам для монгольских вассалов.

2. Фрагмент от 1635 года (9-й год правления Абахая, весна).

Ранее монгол по имени Ян догнал на хребте Хинган и убил пятерых преступников из северных племен, убивших на дороге посла нашего государства. Одобрив его геройский поступок, в тот день хан удостоил Яна титула дархан-хатунбагатура и вручил ему грамоту с печатью, согласно которой, его не следует называть настоящим именем, в военном походе он имеет право следовать впереди, а в облавной охоте – в середине.

День белой лошади. В благодарность за благополучную доставку супруги чахарского хана хан наградил чахарского сановника Дони-хулуга лошадью в доспехах. Он наделил его титулом дурагал-дархан-нойона, вручив грамоту с печатью, согласно которой, он получал право на суточное довольствие при передвижении в пределах государства, право в военном походе следовать впереди, в облавной охоте – в середине. Также он освобождался от повинности предоставлять подводу и довольствие из поколения в поколение. [Хан] повелел не называть его настоящим именем, нарушение повлечет наказание [3, с. 121- 122].

Из данного фрагмента видно, что маньчжурский хан Абахай щедро вознаграждал монгольских сановников и рядовых подданных за усердное исполнение поручений хана путем пожалования грамот с печатью, которая фактически свидетельствовала о вассальном статусе тех, кто принимал подобные подарки.

3. Фрагмент от 1635 года (9-й год правления Абахая, зима)

Хан передал Хаогэ подданных восьми рот, Абатаю – подданных трех рот. Также он раздал земельные угодья, имущество и скот. [Истинно] синее знамя он присоединил к высшему императорскому знамени, образовав из них два. Командиром [истинно] желтого знамени был назначен младший брат эрхин-гуна Янгуриэфу Тантай, командиром желтого с каймой знамени – турул-ун Байнту. Командир [истинно] синего знамени Гиоро Сэлэ был понижен до дзанги фланга, заместителя Байнту. Когда произвели обыск в доме Мангултая, были обнаружены 16 деревянных печатей, которые оказались ханскими печатями империи Цзинь [3, с. 140-141].

В данном фрагменте хроники очень кратко приведен довольно интересный эпизод с обнаружением 16 деревянных печатей эпохи Золотой империи Цзинь (1115-1234 гг.) у маньчжурского аристократа и военачальника по имени Мангултая, который приходился Абахая сводным братом и был обвинен в покушении на высшую власть в Поздней Цзинь. Интересно то, что упомянутые печати эпохи Цзинь, которым было тогда уже около пяти веков, были сделаны из дерева, а не из камня или железа, несмотря на то, что это были личные печати чжурчжэньского хана. В связи с этим уместно привести фрагмент о чжурчжэньских печатях из исторической

хроники о династии Цзинь под названием «История золотой империи» (запись от 1214 года): «В седьмой месяц государь Сюань-цзун утвердил печати: для чиновников шу-ми-юань – с изображением оленя, для чиновников сюань-фу-сы – с изображением рыбы; для тун-цзюнь-сы – с изображением тигра» [6, с. 347]. Упомянутый здесь Сюань-цзун (宣宗) был восьмым по счету из двенадцати императором чжурчжэньской династии Цзинь (чжурчжэньское имя – Ваньянь Сюнь, годы правления: 1213-1223 гг.). Что касается изображений животных на печатях, то, скорее всего, данный факт связан с традицией тотемных животных чжурчжэньских племен.

Из приведенных фрагментов видно, что Абахай отчетливо осознавал важность оформления формально-юридической стороны всех сфер государственного управления разнородным по своему этно-культурному составу населением создаваемой империи. Можно сказать, что учреждение стройной системы официальных чиновничьих печатей молодого маньчжурского государства во всех уголках новой империи наряду с другими элементами государственной символики – герба, флага, орденов и т.д. стало важнейшим элементом мягкой силы маньчжурской этнической элиты над всеми покоренными народами. Сам оттиск от поставленной ханской печати с его величественной надписью на государственном документе являлся символом и визуальным образом всего могущества нового нарождающегося государственного образования.

В вышеприведенных фрагментах казенные печати прилагались к пожалованным грамотам и являлись символом власти представителя маньчжурского монарха, которые выдавались покоренным вассалам в качестве символа высшей государственной власти.

Таким образом, на основе указанных сведений о раннем периоде развития маньчжурской империи, а также выдержек из исторической хроники «Дай Цин Тай-цзун шилу» можно сделать вывод о том, что широкое использование печатей в маньчжурской империи свидетельствует о довольно высоком уровне культуры делопроизводства и документооборота и динамичном развитии культурно-политических и экономических отношений молодого маньчжурского государства с соседними народами и государствами. Первые маньчжурские монархи несмотря на острую борьбу с соседними восточно-монгольскими ханствами и китайским государством обращали также пристальное внимание на создание системы государственных казенных печатей и тем самым утвердили основы маньчжурской государственности на покоренных территориях.

Примечания

1. Biggerstuff K. Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu // Harvard Journal of Asiatic studies. 1938. № 3. С. 296 – 297.

2. Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first Half of the Ch'ing Dynasty // The Journal of the Tibet Society. 1984. N4.

3. Dajchin ulsyn mongolyn magad huul'. (Pravdivye zapisi o mongolah Cinskoj imperii. Т. 1. Нух-Ното : Prosveshhenie, 2013. 1236 р.

4. Доронин Б. Г. Китай XVII-XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения : учеб. пособие. Л., 1988. 177 с.

5. Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII-XVIII вв. Отечественные исследования. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2002. 388 с.

6. История Золотой империи / пер. Г. М. Розова ; коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.

7. Кузнецов В. С. Нурхаци. Новосибирск : Наука, 1985. 188 с.

8. Кузнецов В. С. От стен Новой столицы до Великой стены. Новосибирск : Наука, 1987. 176 с.
9. Кычанов Е. И. Абахай. Новосибирск : Наука, 1986. 149 с.
10. Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб. : Петерб. лингвист. о-во, 2010. 363 с. (Nomadica).
11. Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М. : Вост. лит., 2005. 712 с.
12. Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII-XVIII вв. / отв. ред. Е. И. Кычанов. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006. 228 с.
13. Пюрбеев Г. Ц. Феодальные титулы в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха джирум» // Проблемы востоковедения. 2011. №3 (53). С. 62-66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feodalnye-tituly-v-pamyatnike-mongolskogo-prava-xviii-v-halha-dzhirum> (дата обращения: 14.10.2019).
14. Се Гуйань. «Цин шилу» яньцзю (Исследования по «Правдивым записям династии Цин»). Шанхай : Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013.

References

1. Biggerstuff K. Some Notes on the Tung–hua lu and the Shih–lu // Harvard Journal of Asiatic studies. 1938. № 3. Pp. 296–297 [In Engl.].
2. Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first Half of the Ching Dynasty // The Journal of the Tibet Society. 1984. N.4 [In Engl.].
3. Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1). Hohhot, 2013, 1236 p. [In Mong.].
4. Doronin B. G. Kitaj XVII-XVIII vekov. Problemy istoriografii i istochnikovedenija. Uchebnoe posobije [China of the XVIIth-XVIIIth centuries. Problems of historiography and source studies. Manual]. L., 1988. 177 p. [In Russ.].
5. Doronin B. G. Istoriografija imperatorskogo Kitaja XVII-XVIII vv. Otechestvennyje issledovanija [Historiography of imperial China of the XVIIth-XVIIIth centuries. National research]. St.-P., 2002. 388 p.[In Russ.].
6. Istoriija Zolotoj imperii [The history of the Golden empire] / transl. by G.M. Rozov, comment. by A. G. Malyavkin. Novosibirsk, 1998. 288 p. P. 174 [In Russ.].
7. Kuznetsov V. S. Nurhachi. Novosibirsk, 1985. 188 p. [In Russ.].
8. Kuznetsov V. S. Ot sten Novoj stolitsy do Velikoj steny [From the walls of the New capital to the Great Wall]. Novosibirsk : Hayka, 1987. 176 p. [In Russ.].
9. Kychanov Ye. I. Abahaj [Abahai]. Novosibirsk, 1986. 149 [In Russ.].
10. Kychanov Ye. I. Istoriija prigranichnykh s Kitaem drevnikh i sredvekovykh gosudarst (ot gunnov do manchzhurov) [History of ancient and middle-aged states bordering China (from the Huns to the Manchus). St.-P., 2010. 363 с. [In Russ.].
11. Nepomnin O. E. Istoriija Kitaja: Epokha Cin. XVII – nachalo XX veka. [History of China. The epoch of Ging. The XVIIth – beginning of the XXth century]. M., 2005. 712 p. [In Russ.].
13. Pan T. A. Manchzhurskije pis'mennyje pamjatniki po istorii i kul'ture imperii Cin XVII-XVIII vv. [The Manchu written monuments in history and culture of the Ging empire of the XVIIth-XVIIIth centuries] / chief ed. E. I. Kychanov. St.-P. 2006. 228 p. [In Russ.].
14. Pyurbееv G. Ts. Feodal'nyje tituly v pamjatnike mongol'skogo prava XVIII v. «Khalha dzhirum» [Feudal titles in the monument of the Mongolian law of the XVIIIth century «Khalha dzhirum» // Problemy vostokovedenija. 2011. №3 (53). Pp. 62- 66.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feodalnye-tituly-v-pamyatnike-mongolskogo-prava-xviii-v-halha-dzhirum> (14.10.2019).

15. Xie Guian. Issledovanija po «Pravdivym zapisjam dinastii Cin [Qing shilu» yanjiu]. Shanhaj, 2013 [In Chinese].

*Аюшеева М. В.**Ayusheeva M. V.***БУРЯТСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ
В ЛИЧНОМ ФОНДЕ С. П. БАЛДАЕВА¹****THE BURYAT GENEALOGIES IN S. P. BALDAYEV'S PRIVATE ARCHIVE**

В статье рассмотрено архивное наследие С. П. Балдаева, крупного фольклориста, этнографа и собирателя, хранящееся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Отдельное внимание обращено на записи ученого, отражающие родо-племенную структуру бурятского общества, происхождение родов и ветвей, родословные.

The article considers the archival heritage of S.P. Baldaev, a great folklorist, ethnographer and collector, stored in the funds of the Center of oriental manuscripts and xylographs of the IMTBS SB RAS. Special attention is paid to his notes concerning the tribal structure of the Buryat society, the origin of clans and genealogies.

Ключевые слова: С. П. Балдаев, личный архив, генеалогии, буряты, ЦВРК.
Keywords: S. P. Baldayev, private archive, genealogy, the Buryats, COMX.

В 2019 г. исполняется 130 лет со дня рождения Сергея Петровича Балдаева (1889-1978), крупного фольклориста, гэсэроведа, этнографа и собирателя устного народного творчества бурят. На протяжении многих лет Сергей Петрович скрупулезно собирал и фиксировал сведения о своем народе. В поиске материала он объехал практически всю этническую Бурятию. Свои первые этнографические записи он начал выполнять еще будучи учащимся Иркутской учительской семинарии.

Обширное научное наследие охватывает разные темы по истории и культуре бурятского народа, это фольклор, литература, история, музыка, песни, танцы, образование, обряды, шаманство, происхождение и расселение бурятских родов и многое другое. Безусловно, две дисциплины занимали его больше другого, это фольклор и этнография. Две тематики, тесно переплетенные между собой в собрании С. П. Балдаева. В «Руководстве по собиранию бурятского фольклора», составленном в соавторстве Г. О. Туденовым и С. П. Балдаевым, сказано: «Записывая тексты обрядовой поэзии, собиратель поневоле должен стать этнографом, ибо без подробного описания совершаемого обряда трудно понять и словесный материал» [1, с. 49]. Исследователи подчеркивали, что исчезающая культовая поэзия представляет известные трудности для молодых собирателей и для ее записи следует привлекать научно подготовленных и опытных сотрудников. При этом особое внимание при записи культовой поэзии следовало уделять происхождению онгонов, родословным аханутов (старших шаманов), эженов гор, долин и перевалов, заянов и заянок, шаманов, тодэев-бабушек родов.

Много внимания С. П. Балдаев уделял шаманским призываниям, обрядам, поскольку в текстах призываний хранились сведения о давней истории бурятских родов и племен. Ведь именно в них зафиксированы не только имена легендарных родоначальников, но и места поклонений прежних кочевий, на основе анализа дан-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-030011 «Исследование корпуса бурятских родословных в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН».

ных текстов возможно проследить процессы миграции и расселения бурятских родов.

Фиксируя улигеры и другие жанры устного народного творчества, исследователь всегда обращался к истории, ему было важно записать все то ценное, чем владели знатоки-тухешины, шаманы, рапсоды. Обязательно отмечал происхождение информанта, его родословную, краткую биографию.

В Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН хранится его личный архив № 36, 1443 единиц хранения. Материалы фонда были систематизированы в 8 крупных блоках с многими подразделами: 1) материалы к биографии фондообразователя; 2) письма к С. П. Балдаеву и от Балдаева С. П.; 3) материалы по служебной и общественной деятельности; 4) творческие материалы; 5) материалы, собранные фондообразователем; 6) библиография; 7) фотоматериалы и 8) материалы из газет.

Документы по истории бурят, а именно родовые легенды и предания, генеалогические записи, представлены в разделе «Творческие материалы С. П. Балдаева» в подразделе «История». Так, дела за №№ 768-817 включают «Материалы по истории бурят», дела №№ 818-859 «Бурятские племена и роды», дела №№ 860-876 «Роды бурят», дела №№ 877-902 «Генеалогии бурятских родов», а дела №№ 903-936 «Родословные бурят». Стоит заметить, что выделение отдельно дел №№ 860-876 подразумевало разграничение обобщающих или описательных работ от описаний конкретного рода. Например, дело № 860 посвящено алагуевскому роду, а в деле 872 описаны улейские буряты. В фонде представлено сравнительно небольшое количество собственно генеалогий, выделенных на отдельные листы. Записи родословных ветвей перемежаются с генеалогическими легендами и преданиями о происхождении родов либо с каким-либо памятным событием из истории улуса, конкретного человека. Исследователь скрупулезно фиксировал все, что мог сообщить ему информатор.

Важность фиксации и исследования бурятских не только легенд и преданий, но и родословных, генеалогических таблиц не раз подчеркивалась исследователями бурятской культуры. Как писал проф. Б. Петри в 1925 г., необходимо было немедленно зафиксировать изустные предания, хранящиеся в сокровищнице народной памяти. Ведь, в отличие от археологических находок и архивных документов, именно эта часть духовного и культурного наследия подвергается утрате быстрее остального. «Революция ускорила движение европейской культуры в степи. Новые идеи быстро завоевывают улусы и люди новой формации сменяют патриархальных знатоков преданий и седой старины. Пока еще живы эти старики, на нашей обязанности лежит записать то, что они знают: мы единственные их наследники» [4, с. 42]. В приведенной «Инструкции для составления родословных» изложены 17 пунктов-рекомендаций, где следует обратить особое внимание на запись этнографических подробностей, а не простую фиксацию имен. Собранный материал, как полагал проф. Б. Петри, «послужит для будущих историков источником для составления истории заселения края, прироста населения, для установления причин, вызвавших переселение, даст ценные сведения по организации и родового быта и для многого другого» [4, с. 42].

Б. Петри отмечает, что «почтенному и уважающему себя буряту стыдно не знать всех своих предков подряд, начиная от отца и кончая родоначальника. Повторяя весь свой ряд предков часто во время молитвословий и религиозных обрядов, они обычно хорошо их помнят» [Там же]. Сохранению этой памяти помогали «зимние собеседования» – рассказы о прошлом в долгие зимние вечера, детей приучали знать свою родословную, что следовало общемонгольской традиции. На это указывал еще Рашид-ад-дин: «У всех [этих племен] четкое и ясное родословное древо

[шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия [насаб] каждого появившегося на свет ребенка ... по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [кабилэ] и происхождения» [5, с. 13] и «обычай монголов издревле таков, что они блюдут [память] о своем происхождении и о родословной» [5, с. 29].

Г. Н. Румянцев обращал внимание на критическое изучение источников по истории бурятского народа и по возможности наиболее полный охват всех доступных видов источников, выделяя среди собственно исторических (или письменных) следующие категории: 1) летописи и хроники; 2) путешествия; 3) генеалогические таблицы; 4) архивные документы; 5) легенды; 6) эпиграфические памятники» [10, л. 14]. Ученый подчеркивал ценность бурятских родословных (удха узуур) как исторических источников. «Вокруг таких родословных группируются легенды, связанные с возникновением новых родов. В настоящее время этот обычай забывается, бурятская молодежь, как правило, уже не знает своих предков. Людей знающих родословные и старинные легенды становится все меньше и меньше. Поэтому неотложной задачей наших фольклористов и историков должно быть, пока еще есть время, собирание и изучение этих ценнейших остатков живой старины. Недоверчивое отношение части исследователей к родословным должно быть решительно отброшено. В правильном подходе к изучению фольклорных материалов вообще, к родословным в частности, выясняются приемлемость сведений, сообщаемых ими, и согласованность с историческими данными. При достаточном накоплении материалов, даваемых генеалогиями бурятских родов, облегчается разрешение вопросов хронологических и этнических взаимоотношений» [10, л. 14].

Собиранию «изустной истории», родословных, легенд и преданий посвятил долгие годы своей творческой и научной деятельности Сергей Петрович Балдаев. Благодаря его кропотливой работе до наших дней сохранились уникальные образцы фольклора, ценные исторические и этнографические сведения.

В 1959 г. согласно плановой работе «Мифы, легенды и предания бурят» им было подготовлено 4 тома (60 п. л.). С. П. Балдаев много переживал, что собранный им огромный материал так трудно находит дорогу к изданию. Он считал, что эти материалы имеют большое значение для историков, особенно занимающихся древней историей бурят, тем более, что среди них представлены легенды и предания родов и племен бурят нигде до сего времени не опубликованные [6, л. 30]. К сожалению, пока не обнаружен план-проспект данной работы.

Среди отчетов о проделанной работе и планов есть письмо С. П. Балдаева в издательскую секцию БКНИИ от октября 1965 г., в котором ученый сожалел, что многие его записи и материалы, в том числе подготовленные к изданию, не публикуются. По его словам, к материалам по шаманству проявляли интерес ученые из разных стран. Он высылал их проф. Поухо (Чехолосвакия), проф. Лигити и Диосеги (Венгрия), академикам Ц. Дамдин-Суруну и Б. Ринчену (Монголия). Венгерская сторона была готова издать собранный материал по шаманству целиком. Как отмечал исследователь, собирание и записывание материалов стоило огромных трудов, а главное то, что материалы – уникальны, ведь записывать больше не у кого. По оценке С. Балдаева «материалов по шаманству будет около 2 пудов, я давно перестал оценивать свой архив листажем» [6, л. 31].

Лишь в 1970 г. увидела свет монография под названием «Родословные легенды и предания бурят. Булагаты и эхириты» [2]. В данную книгу вошли легенды о происхождении родов эхиритов и булагатов, а также других родов, проживающих совместно с указанными племенами. Тогда же, по свидетельству Т. Е. Санжиевой, была подготовлена и сдана в Буриздат вторая часть книги, но до сих пор она не об-

наружена [3, с. 5]. В 2010 г. Т. Е. Санжиева опубликовала труды С. П. Балдаева под названием «Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты» [3].

Как отмечал автор предисловия к изданию 1970 г. А. И. Уланов, в книгу вошли не все варианты преданий, записанные у знатоков старины в разных местах, предания о батарах и мэргэнах, шаманах, тайшах и других выдающихся людях. Объем книги также не позволил передать все генеалогические таблицы, а приводимые родословные имеют сокращенный вид по одной ветке. В книге более подробно описан готольский род, но согласно архивным данным, С. П. Балдаев готовил отдельную монографию, посвященную этому роду. А. И. Уланов также пишет о предполагаемой к печати второй части, в которой будут опубликованы предания и легенды о хоринском и хонгодоровском племенах с необходимыми приложениями.

Сергей Петрович готовил ряд публикаций, посвященных отдельным родам. В его архиве материалы систематизированы по родо-племенному и территориальному признакам. Например, сбор материалов по ольхонским бурятам он начал еще в начале XX в., продолжил в 40-е и 60-е годы. В каждый свой приезд он обращал внимание на разные стороны духовной и материальной культуры бурят. Так, в 1941 г. он записывал улигеры и сведения по шаманизму.

В отчетах за 1962-1963 г. С. П. Балдаев указывает, что участвовал в двух экспедициях. В 1962 г. в составе Ольхонской фольклорно-этнографической экспедиции посетил улусы Турангиский, Тэенский, Куядский, Харахужирский, Таловский, Нарин-кунтинский, Еланцынский, Борсойский, Хушэлгинский, 1 Куркутский, 2 Куркутский, Сахюртинский, Сарминский, Хурминский, на острове Ольхон им были обследованы следующие улусы: Хадайский, Харанцайский, поселок Харанцайский и улус Хужирский. Собранный материал был систематизирован и передан в Рукописный отдел БКНИИ.

В 1963 г. участвовал в экспедиции по маршруту Кяхта–Бичура–Мухар–Шибирь, по результатам которой был собран материал на 87 машинописных листах. Как отмечает Сергей Петрович, в данных экспедициях он занимался исключительно родами бурят, их легендами и преданиями. Исследователь сообщает, что «в настоящее время в моем архиве имеются все данные о происхождении и расселении бурятских родов и племен» [6, л. 36]. На основе собранных материалов ученый считал, что буряты вышли их Халхи и Джунгарии, что об их автохтонности не может быть и речи [6, с. 27].

Как отмечал С. Балдаев по итогам работы в составе Байкало-Кударинской экспедиции: «Из жанров фольклора особенно хорошо сохранились исторические легенды и предания о происхождении и расселении родов и племен. Они пользуются всеобщим вниманием и любовью. Тухешины с особой любовью и подробностью рассказывают слушателям о происхождении того или иного рода, племени, улуса» [6, л. 57]. В экспедиции 1940 г. по Алари исследователь также фиксировал заметное изменение в отношении к певцам, улигершинам и знатокам старины, подчеркивая, что теперь они окружены общим вниманием и заботой общественности. Изменилось отношение и к собирателям-фольклористам, этнографам, как пишет С. Балдаев, они стали желанными гостями. «Прежде собиратель искал знатоков, а теперь улигершины и онтохожины сами приходят и предлагают свои услуги» [8, л. 9а].

За период краткосрочных экспедиционных работ (полевые работы длились в лучшем случае месяц или два) исследователь записывал колоссальный объем материала. Например, согласно краткому отчету С. П. Балдаева, члена Ольхонской фольклорно-этнографической экспедиции, с 20 июня по 20 июля 1962 г. были записаны сведения о роде алагуя, включавшие родовые легенды и предания, генеалогические таблицы, а также сведения о будалах улусов Туранги, Бугульдейки. В качестве информантов были опрошены Даханов Дарба, Боргеев Боронцогой, Михаил Бураев и Романов Андрей Абагалов.

вич. Также со слов сказителей и тухешинов были записаны легенды о происхождении и расселении родов ольхонских бурят. В ходе экспедиции среди ольхонских бурят были зафиксированы следующие роды: 1) баендаевский; 2) алагуевский; 3) абазаевский; 4) шоноевский 1, 2, 3, 4, 5 и 6, 5) хэнгэлдуровский. Среди данных родов племени эхирит и булагат, между ними были описаны роды: цэгэновский, галзут, хайталский и харбатский и нойод-халдай. Записаны родословные названных родов с краткими легендами и преданиями. И это лишь часть выполненной работы. Как отмечает сам собиратель, им было передано в рукописный отдел БКНИИ 175 машинописных листов собранного материала. Среди материалов данной экспедиции имеется список «Знатки старины Ольхонского района», в котором перечислено 60 имен. К сожалению, список, представленный на 13 страницах явно неполный, и должно быть еще продолжение. Имена улигершинов-тухешинов даны с указанием, из какого улуса знаток, какой информацией владеет, что от него было записано и даже пространные отступления о роде прежних занятий и т.п. Например: «2. Андриянов Роман Дмитриевич, улус Харасата, Олзонова рода, знает родословную, легенды и предания Ольхона. ... 27. Осодоев Булгаг, улус Хара-Хужар, Шоноева 2 рода, знает песни, шаманские призывания, пословицы, поговорки, загадки, улигер «Шоролтор Мэргэн»; улигер рассказывает, не поет. Отец его пел улигеры. От него записал мелкие жанры фольклора Жамцарано в 1903 г. Член РКП(б) с 1920 г.» [9, л. 234, 238].

Сергей Петрович Балдаев много работал в архивах и библиотеках, дополняя и конкретизируя свой материал. В планах на 1961 г. он отмечает, что для завершения работы «Происхождение и расселение бурятских племен и родов» ему необходимо поработать в архивах Санкт-Петербурга и Москвы, в частности в Историческом архиве Ленинграда (ныне РГИА), архиве АН СССР (Архив РАН) и Рукописном фонде ИВ АН [7, л. 5].

Более 60 лет отдал ученый изучению, собиранию и систематизации «изустной» истории бурятского народа. Фольклорные и этнографические материалы С. П. Балдаева в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН отражают разносторонность интересов ученого. Сложно переоценить научную значимость и уникальность материалов, собранных неутомимым исследователем С. П. Балдаевым. Его творческое наследие является весомым вкладом в сохранение, изучение истории и культуры бурятского народа. Еще предстоит вдумчивое и тщательное исследование его творческого наследия и публикация бесценного собрания.

Примечания

1. Балдаев С. П., Туденов Г. О. Руководство по собиранию бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1959. 105 с.
2. Балдаев С. П. Родословные легенды и предания бурят. Эхириты и булагаты. Улан-Удэ, 1970. 362 с.
3. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / отв. ред. и сост. Т. Е. Санжиева. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2013. 710 с.
4. Петри Б. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами // Бурятияеведение. 1925. № 1. С. 41–44.
5. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персид. О. И. Смирновой. Т. 1, кн. 2. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 316 с.
6. ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). ЛАФ № 36. Оп. 1. Д. 32. 75 л.
7. ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ № 36. Д. 38. 41 л.
8. ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ № 36. Д. 45. 17 л.
9. ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ № 36. Д. 53. 253 л.
10. ЦВРК ИМБТ. СО РАН. ЛАФ № 17. Оп. 1. Д. 155. 15 л.

References

1. Baldayev S. P., Tudenov G. O. Rukovodstvo po sobiraniju buryatskogo fol'klora [Guidance on collecting the Buryat folklore]. Ulan-Ude, 1959. 105 p. [In Russ.].
2. Baldayev S. P. Rodoslovnyye legendy i predaniya buryat. Ekhirity i bulagaty [Tribal legends of the Buryats. The Ekhirits and Bulagats]. Ulan-Ude, 1970. [In Russ.].
3. Baldayev S. P. Rodoslovnyye predaniya i legendy buryat [Tribal legends of the Buryats] / chief editor and compiler T. Ye. Sanzhiyev. Ulan-Ude, 2013. 710 p. [In Russ.].
4. Petri B. Programma dlja sobiranija predanij po istorii zaselenija Pribajkal'ja buryatami [Program of collecting stories on the Buryats' inhabiting Pribaikalye] // Buryatijevedenije [The Buryats' study]. 1925. № 1. Pp. 41–44. [In Russ.].
5. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of chronicles] / transl. from Persian by O.I. Smirnova. V. I. Book 2. M.; L., 1952. 316 p. [In Russ.].
6. CVRK IMBT (Centr vostochnykh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN [COMX IMBTS (Centre of oriental manuscripts and xylographs of the Institute of Mongolian, Buddologist and Tibetan Studies of the SB RAS)]. PAF. 36. Inv. 1. C. 32. 75 l. [In Russ.].
7. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. PAF № 36. C. 38. 41 l. [In Russ.].
8. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. PAF № 36. C. 45. 17 l. [In Russ.].
9. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. PAF № 36. C. 53. 253 l. [In Russ.].
10. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. PAF № 17. Inv. 1. C. 155. 15 l. [In Russ.].

Цыпилова С. С.
Tsypilova S. S.

МАТЕРИАЛЫ ПО СЕМЕЙНО-БРАЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ФОНДЕ С. П. БАЛДАЕВА¹

MARITAL RELATIONS MATERIALS IN THE FUND OF S. P. BALDAEV

В статье дан краткий обзор архивных материалов о семье и браке бурят в фонде С. П. Балдаева. Личный фонд известного ученого хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Архивные материалы, собранные С. П. Балдаевым во время полевых экспедиций и из разных источников, представляют собой ценный источник по изучению семейно-брачных отношений бурятского народа.

The article gives a brief review of the archival materials about the marital relations of the Buryat people in S.P. Baldaev's fund. The private fund of the famous scientist is kept at the Center of oriental manuscripts and xylographs of the IMBTS SB RAS. The archival materials collected by S.P. Baldaev during the field expeditions and from various sources are a valuable resource for studying marital relations of the Buryat people.

Ключевые слова: Балдаев С. П., семья, брак, буряты, архивные материалы.
Keywords: Baldaev S. P., family, marriage, the Buryats, archival materials.

В современном мире все сферы жизнедеятельности человека претерпевают изменения под влиянием процессов глобализации. Брачно-семейные отношения также испытывают значительную трансформацию. Ценность семьи и брака утрачивает свое значение, уступая место новым нравственным ориентирам. В результате происходящих процессов, общество сталкивается с определенными явлениями – изменением характера взаимоотношений поколений, трансформацией полоролевых моделей поведения мужчин и женщин, насилием в семье, увеличением числа разводов. Современная бурятская семья также трансформируется и сталкивается с рядом проблем. Исследования семейно-брачных отношений у бурят становятся актуальными. Сведения о бурятских семьях, свадебных обрядах, быте встречаются в работах путешественников, этнографов, историков XIX в. и представляют собой большую научную ценность [6, 8]. Фундаментальный труд Басаевой К. Д. стал первым историко-этнографическим исследованием по истории семейно-брачных отношений у бурят. В нем были рассмотрены формы и структуры семьи, внутрисемейные отношения, воспитание детей и связанные с ними обычаи и обряды, свадебная обрядность [2]. В отечественных исследованиях нашли отражение гендерные аспекты брачно-семейных отношений в традиционной культуре бурят [3; 5].

В данной статье автором дан краткий обзор архивных материалов из фонда С. П. Балдаева, касающихся семейно-брачных отношений бурят. Архив известного ученого состоит из 1443 дел и охватывает широкий круг научных дисциплин: литература, фольклор, филология, история, этнография. Особый интерес для нас представляет подраздел этнографии «Семья, брак, свадебные обряды», он включает в се-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5)

бя 30 единиц хранения. В основном здесь представлены черновые материалы к монографии Балдаева С. П. «Бурятские свадебные обряды», 1959 [1]. Территориально представленные материалы по свадебной обрядности охватывают: агинских бурят (№ 996 Свадебные обряды Агинских бурят (сватание, бэлэг табилган, ехэ наадан, уусын дуун, песня молодухи); № 997 Свадебные обряды Агинских бурят); иволгинских бурят (№ 998 Свадьба бурят Иволги); джидинских бурят (№ 1000 Свадебные обряды и песни джидинских бурят); байкало-кударинских бурят (№ 1001 Свадебные обряды байкало-кударинских бурят), некоторые элементы подготовки к свадьбе ольхонских бурят (№ 994 Ольхон. Подготовка приданого для девушки; № 995 Наряды невесты ольхонских бурят). Также имеется машинописный экземпляр научного труда С. П. Балдаева «Бурятские свадебные обряды» с незначительными правками (№ 981).

Дело № 1004 «Материалы по большой семье и браку» представляет собой рабочую тетрадь С. П. Балдаева, датирована 1943 г. и содержит информацию на 40 листах. Материалы структурированы следующим образом: 1) пережитки большой семьи, 2) авункулат, 3) брак, 4) названия родства, 5) свадебные термины и слова. Данный фактический материал нашел отражение в монографии Сергея Петровича. Отметим, что исследование системы родства у монгольских народов актуально и сегодня в антропологии и истории [4; 7]. У многих древних и (как пережиток) у некоторых современных народов был распространен авункулат, то есть обычай, устанавливающий права и обязательства между дядей с материнской стороны и племянниками. Он позволял сохранять связь детей с родом матери в эпоху патриархата. Авункулат у западных бурят-монголов, пишет С. П. Балдаев, как «система не сохранилась в развернутом виде, а как пережиток далекого прошлого» [12, л. 15]. Родные братья матери играли важную роль в жизни детей обоего пола своих сестер. Характер отношений племянников и дядей по матери хорошо передается в фольклоре. Народная мудрость говорит: «Наратай газар дулаан, нагасатай хүн баян» (перевод «солнечное место теплое, иметь дядю (по материнской линии) хорошо» [12, л. 14 об.]. Вплоть до второй половины XX в. у западных бурят существовал обычай, согласно которому дяди по материнской линии должны были подарить сыну сестры на свадьбу лошадь, корову, овцу, козу. Девушка, вышедшая замуж в другой род, после рождения первенца должна была вместе с родственниками мужа поехать к своим родственникам. Дяди по линии матери были обязаны подарить первенцу деньги, лошадей, коров, овец, коз. Этот обычай носил название «түрхэлхэ» [12, л. 16].

Когда приходило время жениться племяннику, дяди должны были помогать выплатить калым, а также брали на себя свадебные расходы. С. П. Балдаев вспоминал, что о свадьбе его брата в 1905 г. была оповещена вся родня по линии матери и бабушки. В итоге одни из дядей привели лошадей, коров, овец, а другие дали деньги и подарки [12, л. 16].

Сыновья девушек, вышедших замуж в другой род, при достижении зрелого возраста специально ездили в гости к родственникам матери. Принимали их с особым уважением. Молодых людей называли «зээ хүбүүн», а девушек – «зээ басаган». В целом, у бурят дядя по материнской линии пользовался большим уважением независимо от возраста и общественного положения [12, л. 17].

Среди архивных материалов была обнаружена неопубликованная рукопись С. П. Балдаева № 982 «Семейно-брачные отношения у бурят-монголов». Это рукопись представлена в одном экземпляре на 57 страницах, без указания даты. По предварительному плану работа должна была состоять из 16 частей: 1) зачатие, 2) рождение ребенка и связанные с ним обряды, 3) пища и питье ребенка / воспитание ребенка, 4) детские жертвоприношения, 5) детские игры и забавы, 6) труд и развлечения юношества, 7) жертвоприношение юношей, 8) сватовство и калым, 9) девичник

(наадан), 10) свадебные обряды, 11) выдел сына, 12) бесплодные супруги, 13) суд старших над бесплодными супругами, 14) многоженство у бурят-монголов, 15) смерть, 16) похоронные обряды.

Как пишет Сергей Петрович, «наша работа является первой попыткой систематизации материалов, относящихся к семейно-бытовым отношениям бурят-монгольского народа» [11, л. 3]. Исследование было основано на многочисленных экспедиционных материалах, записанных во всех районах БМАССР, в Иркутской и Читинской областях. В данной рукописи представлены только первые три части работы: зачатие ребенка и связанные с ними обряды; рождение ребенка и связанные с ними обряды; пища и питье ребенка.

Как отмечает С. П. Балдаев, для бурятского народа характерна любовь и привязанность к ребенку. «Дети для них составляют большое счастье. Чем больше детей, тем счастливее семья. Многие супруги при наличии своих детей усыновляют чужих детей, воспитывают их наравне с собственными» [11, л. 5]. Нередки случаи, когда собственные взрослые дети отделяются, а родители остаются жить с усыновленным ребенком. В связи с этим бездетность считалась «большим несчастьем и непоправимым позором» [11, л. 5]. Бездетные супруги обращались к шаманам, знахаркам. Сначала они приносили жертвы родовым и улусным бурханам со стороны мужа, если это не помогало, то приглашали шаманов из рода жены. В своей работе ученый приводит ряд описаний шаманских обрядов и призываний для рождения ребенка. Например, сообщается, что первым онгоном, которым обзаводилась молодая семейная пара, является онгон чадородия. Хозяином его является Эргил буга ноен тунхэй. Он был большим шаманом и происходил из хангинского рода племени харамонголов. Для установления онгона нужно было подготовить шкуру хорька, жестяную фигуру человека, барана, три котла тарасуна и молоко. В определенный день приглашали шамана и родственников. Молодая супружеская пара садилась, и перед ними ставили две емкости с тарасуном и молоком. Из жести стариком вырезалась фигура человека и пришивалась к груди шкурки хорька. Шаман брал в руки китайскую чашку, а хозяин понемногу капал ему в чашку жертвенным подношением. Шаман произносил призывание, небольшой отрывок из которого приводится ниже:

«Спустившийся с градом с неба,
Родившийся от Мэлэга девочки,
Великий Эргил буга,
Господин Тунхэй бешенный ...
Человек, именуемый Сергеем,
С женой, взятой из чужбины...
Поднимает Вам
Барана с жирным курдюком,
Подносит Вам
Тарасуна, равносильный <ливню>!
Просят и молят Вас,
Сотворить им сына,
Продолжающего их имя,
Молятся и кланяются Вам,
Благословить их дочь, и
Прославляющую их прозвище.
Сөөг!» [11, л. 9, 10].

При этих словах шаман брызгает тарасуном в потолок юрты. Затем он берет полную чашу тарасуна и делает подношение хозяину домашнего очага Сахядаю и его жене Сахалу. Затем ему наливают еще одну полную чашу тарасуна, он возжигает пихтовую веточку и освящает вновь установленный онгон, говоря:

«Шүрэг, шүрэг, шүрэг!
Всеосвящающий можжевельник
С десяти густых тайг,
Все заставляющий благоухать кедр
С двадцати непроходимых тайг!» [11, л. 10].

После этого хозяева, сделав подношение хозяевам очага, также притрагиваются к молочному подношению. Затем тарасун передают старикам и старушкам, они его распивают. После того как шаман освящает жертвенного барана, молодежь закалывает барана по бурятскому обычаю. Мясо варят и отделяют от костей. На жертвенник складывают голову, четыре ноги, мочевого пузыря и внутренние органы. Обряд проводится шаманом совместно со стариками, призывания повторяются те же. После этого обряда все присутствующие едят мясо, а остатки сжигают на жертвеннике.

Установив онгон, шаман поднимает его вверх над столом, хозяева в это время молятся, а он произносит следующее: «В юрте с забагом Вы сделайтеся заяном, в юрте с порогом Вы сделайтеся бурханом» [11, л. 10]. Затем выходит во двор и вешает онгон по правую сторону двери. На этом обряд завершается. Отметим, что в тексте указано «забаном», но вероятно здесь имеется в виду «забаг», что в переводе с бурятского означает «щель в юрте между войлоком стены и крышей, используемая как полка».

С рождением ребенка также связано много обрядов и поверий. Например, пуповину обрезали ножом или ножницами, в зависимости от пола новорожденного. Действие происходило при полном молчании всех присутствующих. Это было связано с поверьем, что если во время родов кто-нибудь будет разговаривать, то ребенок вырастет неспособным, крикуном и беспокойным человеком [11, л. 39].

Данная рукопись представляет интерес с точки зрения изучения традиционного бурятского общества и роли детей в них. Требуется провести научно-техническую обработку архивного дела, после чего ввести источник в научный оборот.

Кроме вышеуказанных материалов, несколько дел было обнаружено в других разделах личного фонда ученого. Например, дело № 962 «Материал о пережитках матриархата у бурят» было датировано 1916 г. Информация была записана со слов Архипа Михеева из второго Бубаева рода, проживавшего в улусе Корсук, Иркутского уезда. В данном случае ученым были записаны пояснения некоторых терминов. Так, некоторые термины у западных бурят восходили к эпохе матриархата (уезлнэ – уезлэнгуут, бүлэ – булөөлэнгүүт, база – базаалингуут), когда термин применялся сначала к женщинам, происходившим из одного рода, а потом перенесся и на мужчин одного клана, женатых на женщинах одного рода. Для обозначения детей замужней дочери по отношению к родне матери использовали термин «зээ - зээнүүд», а правнуков называли «зээнсэрнүүд» (дети, рожденные дочерьми дочерей по отношению к родне матерей). Родственников жены называли «хадам - хадамуут», родственников жены по материнской линии «тай хадамуут». Родственников по материнской линии сначала называли «хаяла – хаялангуут», впоследствии так стали называть родственников по отцовской линии. Кроме того, были получены данные о правилах поведения невестки. Согласно обычаям бурят невестка не должна была обращаться к старшим родственникам мужа по имени, используя дополнительные имена. Например, шара аха, ута аха, охорхон аха, хара аха. Также ей следовало избегать встречи и общения со старшими, сидеть босиком, без головного покрова, передавать что-нибудь непосредственно своей рукой, переспрашивать сказанное, пересекать дорогу старшему, наступать на тень старших [10, л. 1, 2].

Другое дело – № 810 содержит материалы о браках бурят, о происхождении бурят, статистические данные о бурятах и тунгусах. Всего имеется 7 тетрадей фор-

мата А4, все экземпляры машинописные. В тетради № 7 представлен список девушек, выданных замуж в разные рода, всего указано 251 имя. В некоторых случаях приводятся имена девушек и их отцов, наименование улуса и рода, в который были выданы замуж. Встречаются данные, где указано только имя девушки. Территориально список охватывает в основном улусы Боханского района Иркутской области. Документ датирован 1952 г., г. Ленинград. Данный список имеет большую ценность, так как информация о женщинах, их имена, родовая принадлежность встречается крайне редко.

Личный архив С. П. Балдаева содержит значительное количество материала по семейно-брачным отношениям у бурят. Ввод их в научный оборот необходим для изучения истории и культуры бурятского народа, лучшего понимания происходивших процессов.

Примечания

1. Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959.
2. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ, 1991.
3. Замураева П. Б. Реализация гендерных представлений в семейно-брачных отношениях бурят (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Мир науки, культуры, образования. Барнаул, 2014. № 6 (49). С. 472 – 474.
4. Намсараева С. Б. Кто такие "русский нагаса" и "монгольский зээ"? Авункулат как метафора для выражения социального родства и неравенства у бурят // Tartaria Magna. 2012. № 2. С. 98 – 127.
5. Очиров В. О. Мужчина в традиционном бурятском обществе (XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2013.
6. Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Т. 4. СПб., 1883.
7. Содномпилова М. М. "Река начинается с родника, а родство – с дяди по матери": группа нагасанар в монгольском социуме // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 100 – 109.
8. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. / Сиб. отд-ние АН СССР. Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-т ; под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958-1959.
9. ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 810.
10. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 962.
11. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 982.
12. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1004.

References

1. Baldaev S. P. Buryatskije svadebnyje obrjady [The Buryat wedding rituals]. Ulan-Ude, 1959 [In Russ.].
2. Basaeva K. D. Sem'ja i brak u burjat [The Buryats' family and marriage]. Ulan-Ude, 1991 [In Russ.].
3. Zamuraeva P. B. Realizacija gendernykh predstavlenij v semejno-brachnykh otnoshenijakh buryat (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX vv.) [Gender perceptions of the Buryats' marital relations (the second part of XVIIIth – the first half of the XIXth centuries)] // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [The world of science, culture, education]. Barnaul, 2014. № 6 (49). Pp. 472-474 [In Russ.].
4. Namsaraeva S. B. Kto takije "russkij nagasa" i "mongol'skij zee"? Avunkulat kak metafora dlja vyrazhenija social'nogo rodstva i neravenstva u buryat [Who are «the

Russian nagasa» and «the Mongolian zee»? Avulunkulat as a metaphor for expressing the Buryats' social kinship and inequality] // Tartaria Magna [Tartaria Magna]. 2012. № 2. Pp. 98-127 [In Russ.].

5. Ochirov V. O. Muzhchina v tradicionnom burjatskom obshchestve (XIX - nachalo XX veka) : Dis. na soiskaniye uchjenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [A man in the traditional Buryat society (the XIXth – beginning of the XXth centuries) : dissertation thesis ... candidate of historical sciences. Ulan-Ude, 2013 [In Russ.].

6. Potanin G. N. Ocherki severo-zapadnoj Mongolii [Essays about the northern-western Mongolia]. St.-P. V. IV. 1883 [In Russ.].

7. Sodnompilova M. M. «Reka nachinaetsja s rodnika, a rodstvo - s djadi po materi»: gruppа nagasanar v mongol'skom sociume [«A river starts from the spring but the kinship – from the uncle from the mother's side» : the group of nagasanar in the Mongolian society] // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geoarkheologija. Etnologija. Antropologija [The news of Irkutsk state university. Series : Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2014. T. 8. Pp. 100-109 [In Russ.].

8. Khangalov M. N. Sobranije sochinenij [Collection of works]: in 3 volumes / Sib. branch of the AS SSSR. The Buryat complex research institute; ed. by G. N. Rumyantsev. Ulan-Ude, 1958-1959 [In Russ.].

9. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. F. 36. Inv. 1. C. 810 [In Russ.].

10. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. F. 36. Inv. 1. C. 962 [In Russ.].

11. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. F. 36. Inv. 1. C. 982 [In Russ.].

12. CVRK IMBT SO RAN [COMX IMBTS SB RAS]. F. 36. Inv. 1. C. 1004 [In Russ.].

*Плеханова А. М.**Plekhanova A. M.***ЖИЛИЩА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ В 1920-е гг.:
ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ¹****DWELLINGS OF THE RURAL POPULATION OF BURYATIA IN THE 1920s:
COMMON TRENDS AND ETHNIC FEATURES**

В статье исследуются разные типы сельских поселений и жилищ с принципиально отличительными чертами структурной организации жилого пространства, обусловленные неоднородностью этнического состава населения Бурятии, разнообразием хозяйственно-культурных форм и религиозных верований. Сделан вывод о том, что в 1920-е гг., несмотря на усилия властей, жилище, его тип и особенности функциональных зон, независимо от национальной принадлежности его владельца, формы и способов ведения им хозяйства, в большинстве своем оставалось традиционным.

The article studies different types of rural settlements and dwellings with the distinctive features of the structural organization of living space conditioned by the heterogeneity of the ethnic composition of the population of Buryatia, variety of economic and cultural forms and religions. The author comes to the conclusion that in the 1920s the dwelling, its types and peculiarities of the functional zoning regardless of its owner's nationality, forms and ways of the housekeeping remained traditional despite the efforts of the authorities.

Ключевые слова: Бурятия, жилище, дом, изба, юрта.

Keywords: Buryatia, dwelling, house, izba, yurt.

В российской истории 1920-е годы – важнейший переходный период, который характеризуется трансформацией хозяйственных, политических и социальных сфер, ломкой устоявшихся в прежние годы традиционных представлений. Сложный социально-исторический и социально-психологический процесс усвоения новых социальных форм, экономических отношений и ценностных представлений, диктованных советской властью, приводил к изменению сознания в соответствии с большевистской парадигмой социалистического общества. Данные процессы, аналогичные всей остальной территории Советского Союза, в Бурят-Монгольской АССР активизировались постепенно не только в связи с более поздним окончанием Гражданской войны и иностранной интервенции, но главным образом в силу этнокультурной и хозяйственной специфики.

Республика представляла собой территорию взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп, которые проживали в непосредственной близости друг от друга, но при этом сохраняли собственный традиционный образ жизни. В столице республике – Верхнеудинске – интериоризация советской модели происходила быстрее, чем в сельской местности. Это объясняется не только отдаленным положением некоторых деревень и улусов, но и большей устойчивостью в сельской местности традиционного образа жизни. Кроме того, многие поселения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630А «Плавильный тигель» социализма: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920-е – 1930-е гг.)»

(например, старообрядцев) представляли собой закрытые сообщества, изначально считавшие все нововведения враждебными и чуждыми. Поэтому однотипные действия властей в старообрядческом селе, бурятском улусе или в городском пространстве Верхнеудинска, направленные на внедрение нововведений, воспринимались позорному и требовали выработки специфических для каждого отдельного случая мер.

Становление нового типа общества, которое происходило в постреволюционную эпоху, повлекло за собой изменения во всех сферах повседневного бытия, в том числе в материальной среде обитания сельских жителей. В 1920-е гг. в сельской местности Бурятии проживало абсолютное большинство жителей. Численность населения республики в 1923 г. составляла 451 869 чел., из которых 418 798 чел. проживали в селах и улусах (92,6 %). В 1926 г. при общем увеличении численности населения до 491 266 чел., процент сельского населения несколько уменьшился, составляя – 90,7 % (445 700 чел.). По Всесоюзной переписи 1926 года сельское население Бурятии по национальному составу было представлено следующим образом: русских – 49,8 %, бурят – 45,1 %, тунгусов (эвенков) – 0,6 %, прочих – 4,5 % [1, л. 9-10].

Хозяйственные формы населения Бурятии, зависевшие от разнообразных естественных условий и бытовых навыков, были представлены бродячим охотничьим хозяйством в Баргузинской тайге, кочевым скотоводческим хозяйством в Агинском аймаке, большим разнообразием полукочевых форм хозяйств в Эхирит-Булагатском, Хоринском аймаках, типичными оседлого типа хозяйствами в Верхнеудинском, Мухоршибирском, Кабанском районах. Около 54 % всех хозяйств были оседлого типа, из них 10 % бурятских; полукочевые хозяйства составляли чуть больше 40 % из них 78,6 % были бурятскими и эвенкийскими; кочевые хозяйства составляли 5,7 % или 11% от общего количества бурятских и тунгусских хозяйств, бродячих хозяйств насчитывалось 0,3 % [1, л. 11].

Неоднородность этнического состава населения Бурятии, разнообразие хозяйственно-культурных форм и религиозных верований в сочетании с природным фактором обусловили наличие различных принципов организации жилого пространства. Жилищно-поселенческий комплекс был представлен разными типами поселений и жилищ с принципиально отличительными чертами структурной организации жилого пространства. Русские и другие группы оседлого населения жили крупными селениями, бурятское население – улусами (мелкими населенными пунктами), которые отличались от русских деревень. В них не было ни улиц, ни правильно расположенных усадеб. Характерной чертой бурятских поселений являлась их большая разбросанность, что было обусловлено характером хозяйственной деятельности. Так, в 1922 г. в Бурят-Монгольской автономной области РСФСР на 100 населенных мест приходилось: поселений до 5 дворов у бурят – 8, у русских – 21; от 5 до 24 дворов у бурят – 51, у русских – 41; от 50 до 99 дворов у бурят – 11, у русских – 12; от 100 до 189 дворов у бурят – 2, у русских – 6; среди 200 и более дворов бурятских поселений не было, у русских их было 3. Русская часть населения проживала не только в крупных поселениях, значительная часть их жила на заимках, выселках и др. [6, с. 21].

В сельской местности Бурятии в середине 1920-х гг. числилось 2 360 населенных пунктов, из которых селения русского типа составляли 613 (26 % от общего количества населенных пунктов), бурятские улусы – 1 713 и дацаны – 21 (73,4 %), прочие населенные пункты – 13 (0,6 %). На один населенный пункт приходилось у русских и прочих 422 чел., у бурят – 125 [1, л. 7].

По количеству дворов в населенных пунктах большее количество приходилось на группу до 40 дворов – 1 573 населенных пункта (67 %), до 80 дворов – 372 (16 %), от 120 дворов – 121 (9 %), до 420 дворов – 11 (0,5 %), до 1 000 дворов – 6

(0,3 %) [1, л. 6, 8]. Следует отметить, что населенные пункты были расположены на достаточно большой территории и в основном это были малодворовые деревни и улусы.

Основной чертой первых постреволюционных лет стало начало социалистического преобразования деревни и улуса, которое затронуло жилищные условия сельского населения. Деревня будущего идеологами партии виделась организованной по типу города. Предполагалось, что крестьяне, объединенные в коммунах, будут жить в больших домах-общежитиях. Индивидуальные кухни, бани, хозяйственные постройки должны были уйти в прошлое. Вместо них планировалось построить общественные столовые, прачечные, бани, магазины, аптеки, коллективные хозяйственные комплексы. Предполагаемые мероприятия должны были изменить и улучшить жилищно-бытовые условия крестьянства, приблизив их к городским. В подобных поселениях проще было решать проблемы со снабжением, предоставлением культурно-бытовых услуг и организацией досуга.

На деле же все происходило иначе. Созданию нового быта во многом препятствовали недостаток финансовых и материальных ресурсов, а также тяжелые условия жизни. Преобладающая часть жилищного фонда – это старые здания, в массе своей не отвечавшие элементарным санитарно-гигиеническим нормам. Прежними оставались тип и конструкция жилищ, часто с земляными полами, с пребыванием мелкого скота вместе с людьми, освещением лучиной.

Войлочные юрты сохранились у агинских, еравнинских, баргузинских и закаменских бурят, но они уже часто имели вспомогательное значение, выполняя функции только летнего жилища. Вот как описывает бытовые условия агинских бурят доктор Н.В. Жинкин: «Жилище их – войлочная юрта. Она служит и для летнего, и для зимнего пребывания. Юрта состоит из деревянного остова, построенного из березовых или ивовых палок, связанных между собой ремнями (*канны*). Установленная клетка представляет собой короткий цилиндр, закрытый конусообразной кровлей с отверстием посередине для дымохода. Клетка и кровля по бокам обтянута войлоком и скреплена веревками... Юрты круглые, средний диаметр составляет 4,4 метра, высота посередине от 2,0 до 2,3 метра... полы в основном земляные. Обычными предметами в юрте были один, два или три *орона* (дощатые кровати), прямо, напротив входа, у стены *Богдо Шэрэ* (шкаф для бурханов), два или три переносных столика, сундуки под одежду, другой мебели нет. У входа в юрту стоит кухонная посуда. Некоторые юрты оборудованы швейными машинками и железными кроватями. Среднее количество живущих – 4 человека, средняя площадь юрты составляет 15,2 м². Помимо такого рода юрт существуют для жилья еще деревянные строения, представляющие из себя род сараев, сделанных из досок» [2, с. 67-57].

В Бурятии усилия властей были направлены на вытеснение деревянных юрт и их замену срубными домами, которые значительно превосходили размерами традиционные жилища бурят, были теплее из-за наличия печи, строившейся по русскому образцу [7, с. 17]. Преимущественно этого удалось достичь в среде западных бурят, поскольку еще в начале XX в. по своему внешнему облику их жилище – срубная юрта – приближалось к избе русского типа, что было обусловлено более тесными контактами с русским населением. «На зимниках живут теперь в просторных и высоких избах русско-сибирского типа, щеголевато выглядывающих своими резными наличниками и ставнями, окрашенными обязательно в белый цвет» [4, с. 44].

Займствуя быт русского населения, западные буряты усовершенствовали свое жилище, оно мало чем отличалось от крестьянского как по внешнему облику, так и по внутреннему убранству. В первой половине 1920-х гг. население Боханского аймака проживало в четырехстенных домах, крытых иногда тесом, иногда драньем, длина домов в большинстве 3½, а ширина 3 сажени, высота 3¼ аршина, 4-5

окон. Наличники и рамы иногда красили. Летом население проживало в восьмиугольных юртах. Типичной обстановкой в доме крестьянина-средняка были «два стола, четыре – пять стульев местного производства, деревянный крашенный диван, чайник, чашка на каждого члена семьи, полдюжины ножей, столько же тарелок, и у верующих в переднем углу *заян*, изображение так называемых «хоринских девиц» [8, с. 86]. Главной особенностью происходивших изменений стало наличие в жилище деревянной мебели – полатей, лавок.

В целом в период первых преобразований советской власти жилище коренного населения не претерпело значительных изменений, менялись лишь его некоторые элементы. Партийные, советские и комсомольские организации, женорганизаторы активно пропагандировали в улусах новый быт. В избах-читальнях, красных юртах, домах буряток и домах крестьянок читались доклады о новой жизни, гигиене и культуре, соблюдении чистоты. Однако внедрить новые представления и навыки в жизнь и быт бурятской семьи, особенно в восточных аймаках, было затруднительно в связи с высоким уровнем бедности.

Типичная домашняя обстановка бурятской семьи в восточных, забайкальских, аймаках республики была представлена низенькими деревянными койками (*жабдан*) с войлочными тюфяками, сундуками (*абдар*) и деревянными ящиками (*ухэг*) с домашней рухлядью. Главное место в доме занимала божница на деревянных подставках, которая обычно располагалась у противоположной от входа стены. В некоторых зажиточных домах около божницы стояли низкие кресла (*сынты*) с мягкими войлочными подушками (*олбок*). В правом от двери углу располагались печь и кухонная утварь. Эта часть дома считалась женской половиной. В левом углу в небольших загородках помещали ягнят, козлят и телят, а также хозяйственные предметы: седла, уздечки, веревки, сбрую и т.д. Сидели обычно на полу, подстлав небольшой войлочный потник (*шэрдэк*). Перед гостями ставили миниатюрные столики (*шэрээ*) с угощением. Примитивной и убогой обстановкой довольствовались забайкальское батрачество и беднячество. В их домах спали на деревянных нарах, завернувшись в старые овчинные покрывала и шубы, стульями служили отпиленные чурки и куски дерева, кухонная утварь состояла из грубых деревянных чашек, ложек и берестяных туесов [3, с. 258].

В 1920-е гг. не особо улучшались и жилищные условия русского населения Бурятии. Строго установленного типа построек в регионе не имелось, а население в своем большинстве жило в крайне стесненных условиях. Исходя из сложившейся ситуации, органы власти, прежде всего, занялись изменением существовавших норм жилищных условий, которые перестали соответствовать новым реалиям жизни. Отметим, что решение этого вопроса затянулось на многие годы, поскольку в одночасье решить эту проблему было непросто. На низком уровне сохранялось санитарное состояние сельских поселений, в которых отсутствовали элементарные условия (канавы для стока воды), не осуществлялась уборка снега, мусора и грязи. Часто дома не имели исправных печей, двойных рам и нередко даже стекол в рамах. В большинстве домов прежними оставались предметы обихода, домашняя утварь. В русских семьях продолжали пользоваться деревянной кухонной посудой, ведрами, кадушками, бочками, «квашонками», корытами для просеивания муки (*сельницы*). Зажиточные крестьяне могли себе позволить более совершенные и удобные предметы обихода, сделанные из жести, алюминия, стекла, фаянса. Вместо глиняной посуды они использовали различного рода кастрюли, чугуны, сковородки.

У семейских жилищные условия имели свои особенности. Их селения в большинстве случаев располагались в долинах между отрогами гор. Обычно в селе было две – три улицы, пересеченных переулками («*траулками*»), по которым ходили в поле, за село, к речке и т. д. Некоторые улицы растягивались на несколько

верст вдоль ключа или речки, от которой были проведены каналы для орошения огородов, полей и покоса. «Постройки семейских – большие, высокие, деревянные избы из очень толстого леса с крытым тесом, на два ската, крышами. Сверху доски крыш скреплены «охлопеном», нижние концы положены в желоб, укрепленный крючьями. Наличники окон расположены настолько высоко от земли, что с улицы рукой их не достанешь; карнизы украшены резьбой и в большинстве случаев раскрашены различными красками. Часто на ставнях нарисованы всевозможные цветы или же разные птицы, их которых преобладают павлин, петух, голубь. Ворота и калитки также разрисованы и украшены резьбой. Жилые постройки в большинстве случаев состоят из двух изб, соединенных между собой крытыми теплыми, светлыми сенями, где находится «казенка» для хранения сундуков с имуществом, одеждой и разной рухляди. Одна изба служит жильем в летнюю пору, другая в зимнюю. Иногда для зимнего жилья строятся особые помещения – «зимовья» – во дворе. Внутри избы чисто и опрятно. Чисто вымытый пол застлан коврами-половиками или же посыпан дресвой, иногда песком. В «переднем углу» устроена божница, киот, весь увешанный или заставленный иконами старинного письма, большей частью образами с изображением Николая угодника, Божьей матери, Спасителя, Георгия Победоносца и т. д. Иконы без риз, а прямо писанные на досках. На светлых окнах иногда висят бумажные вырезанные шторы, на подоконниках стоят банки с цветами. В одном углу, ближе к порогу, стоит кровать, украшенная рисунком и резьбой. Над кроватью, к печи, высокие полаты, на которых спит зимой большая часть семейства» [5, с. 108].

В целом, к концу 1920-х гг. санитарное состояние, культура жилища оставались на очень низком уровне. Сложность ситуации заключалась не в том, что «темный» народ не желал приобретать навыки гигиены. Проблема была глубже – в бедности. Во многих улусах жители десятилетиями не обновляли гардероб, не приобретали для бытовых нужд необходимые товары, используя в быту устаревшие предметы обихода. В селах и улусах Бурятии, несмотря на усилия властей, жилище, его тип и особенности функциональных зон, независимо от национальной принадлежности его владельца, формы и способов ведения им хозяйства, в 1920-е гг. в большинстве своем осталось традиционным. Модернизация жилищно-бытовой сферы сельского населения Бурятии в 1920-е гг. была затруднена. Пропагандируемые властью рецепты преобразований в жилищно-бытовой сфере села применялись на практике главным образом состоятельными домохозяевами. Остальные же слои сельского населения были не в состоянии вводить новшества в силу слабого экономического состояния их хозяйств.

Примечания

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 9.
2. Жинкин Н. В. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочующих бурят Агинского аймака // Жизнь Бурятии. 1927. № 1-3. С. 55-63.
3. Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2. Советский период. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. 648 с.
4. Петри Б. Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. 71 с.
5. Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы) // Бурятияведение. 1927. № 3-4. С. 108-109.
6. Сборник по Бурят-Монгольской автономной области Сибири. Иркутск, 1923. 116 с.
7. Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005. 220 с.

8. Убугунов А. Улус «Заглик» Боханского хошуна Боханского аймака // Жизнь Бурятии. 1926. № 10-12. С. 45-50.

References

1. GARB (Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Burjatija) [State archive of the Republic of Buryatia]. F. R-196. Inv. 1. С. 9 [In Russ.].

2. Zhinkin N.V. Opyt izuchenija social'no-bytovykh zabolevanij sredi kochujushchikh burjat Aginskogo ajmaka [Experience in the study of social domestic diseases among the nomadic Buryats of the Aginsky aimak] // Zhizn' Burjatii [Life of Buryatia]. 1927. № 1-3. Pp. 55-63. [In Russ.].

3. Oчерки istorii kul'tury Burjatii. T. 2. Sovetskij period [Essays on the history of culture of Buryatia. V. 2. The Soviet period]. Ulan-Ude, 1974. 648 p. [In Russ.].

4. Petri B.E. Vnutri-rodovye otnoshenija u severnykh burjat [The northern Buryats' internal clan relations]. Irkutsk, 1925. 71 p. [In Russ.].

5. Popova A.M. Semejskie (zabajkal'skie staroobrjadcy) [The Transbaikal Old Believers] // Burjatievedenie [Buryat studies]. 1927. № 3-4. Pp. 108-109. [In Russ.].

6. Sbornik po Burjat-Mongol'skoj avtonomnoj oblasti Sibiri [Collection of the Buryat-Mongolian Autonomous Region of Siberia]. Irkutsk, 1923. 116 p. [In Russ.].

7. Sodnompilova M.M. Semantika zhilishcha v tradicionnoj kul'ture burjat [Semantics of a dwelling in the Buryats' traditional culture]. Irkutsk, 2005. 220 p. [In Russ.].

8. Ubugunov A. Ulus "Zaglik" Bokhanskogo khoshuna Bokhanskogo ajmaka [Ulus "Zaglik" of the Bokhan khoshun of the Bokhan aimak] // Zhizn' Burjatii [Life of Buryatia]. 1926. № 10-12. Pp. 45-50. [In Russ.].

*Хомяков С. В.**Khotmyakov S. V.***АТРИБУТЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СУЩЕСТВОВАНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1923-1926 гг.)****ATTRIBUTES OF THE SOVIET IDEOLOGY IN THE FIRST YEARS OF THE
BURYAT-MONGOLIAN ASSR EXISTENCE (1923-1926)**

Советская пропаганда имела своей основной целью внедрение в мировоззрение населения новых идеологических установок. Они выражались в том, что советский человек должен был видеть мощь не в высших силах, а в себе самом, в коллективе и партии, ведущих его к светлому будущему. Строительство счастливой жизни для последующих поколений стало тяжелейшей и главной задачей первого поколения революции. Но для того чтобы вырастить такое поколение людей, необходимо было создать принципиально новые условия для воспитания и образования советского человека. Отсюда целью статьи является анализ практик появления атрибутов советской действительности на примере созданной в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР.

The Soviet propaganda was mainly aimed at the introduction of new ideological attitudes into the mentality of the population. They found expression in the fact that a Soviet person was not supposed to see the power in higher powers, but in himself/herself, in the collective and party leading him/her to a bright future. Building a happy life for future generations became the most difficult and main task for the first generation of the revolution. But in order to grow such a generation, it was necessary to create radically new conditions for the Soviet people's upbringing and education. Consequently, the purpose of the article is to analyze the practice of the Soviet reality attributes appearance taking the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic created in 1923 as an example.

Ключевые слова: отечественная история, коммунистическая идеология, молодежные организации, изба-читальня, антирелигиозная кампания, советские праздники.

Keywords: national history, communist ideology, youth organizations, a reading house, anti-religious campaign, the Soviet holidays.

Проблема специфики внедрения коммунистической идеологии в городскую и сельскую среду СССР и в Бурятии в 1920-х гг., широко изучалась как советскими, так и современными исследователями. Из первых можно выделить работы Г. Л. Смирнова, А. Е. Журова, И. И. Грошева и др. [19; 7; 6]. Из современных работ по вопросу восприятия людьми нового образа жизни можно отметить исследования Ю. Л. Слезкина и Шт. Плаггенборг [18, 14]. Исследованием изменения образа жизни молодежи в Бурятии в обозначенном периоде занимается А. Н. Соболева [20].

Необходимо отметить, что при изучении темы главное значение имели материалы газеты «Бурят-Монгольская правда», которые позволили выявить специфику в отношении населения республики к атрибутам, пришедшим вместе с советской властью.

Первоочередными задачами для властей БМАССР стали, начиная с 1923 г., продолжение ликвидации неграмотности населения, борьба за всеобщее начальное обучение детей школьного возраста, расширение сети изб-читален, библиотек, клу-

бов, техникумов. Все эти задачи решались одновременно с привнесением в жизнь республики внешних форм культуры эпохи социализма: широкое празднование 1 мая и 7 ноября, траурные ленинские недели, переименование улиц, площадей и парков, появление революционных имен для новорожденных и т.д.

При проведении в жизнь масштабных культурных и идеологических преобразований местная власть, как и во всех остальных вопросах, руководствовалась мнением лидера партии В. И. Ленина: «Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать, чтобы он имел что читать, чтобы он имел газеты и пропагандистские брошюры, чтобы они правильно распределялись и доходили до народа...» [12, с. 171].

Одновременно с задачей массового строительства школ для обучения молодого поколения острою необходимость для сельской местности (где продолжало проживать большинство населения республики, что обозначало вектор основной направленности партийной работы) приобретал и вопрос организации досуга как молодежи, так и старшего поколения. Принципиально новым объектом просвещения для людей становятся избы-читальни, которые часто совмещали в себе функции пунктов ликвидации неграмотности, домов культуры (при отсутствии в поселении таковых), музеев революции и т.д. «Изба-читальня является первичной ячейкой политпросветской работы, рассадник света и знаний: она и сельскохозяйственная школа, и политическая и общеобразовательная. Массовая работа избы-читальни всецело ложится на руководителя путем устройства громких чтений, бесед, лекций» [9, с. 3]. На начальном этапе формирования советского образа жизни необходимо было заставить людей читать, изучать, интересоваться. Помимо этого параллельно шло и внедрение идеологических установок. Избы-читальни в каждом поселке республики как раз становятся такими центрами «первичной обработки». Крестьянин приходил в них, учился читать на ликпункте (с помощью текстов о революции и Ленине), затем мог посещать кружки по интересам, читать книги в библиотеке. В таких учреждениях часто проводились политические заседания, где уже грамотный крестьянин, владеющий элементарным запасом знаний о марксистско-ленинском учении, мог высказаться, задать вопросы и посредством всего этого углубить свои представления о советской жизни. В этом ему также помогал и красный уголок с базовым набором советской и революционной символики. Можно сказать, что избы-читальни становятся наиболее эффективным идеологическим инструментом в сельской местности и проводником идей революции в широкие массы.

Этот атрибут новой жизни для села поначалу не вызывал интереса у людей, виделся чуждым и ненужным элементом как в привычной обстановке повседневности, так и в упорядоченном мировоззрении. Особенно это касалось сел, где компактно проживало старообрядческое население, традиционно враждебно относящееся ко всему внешне приходящему. В пример можно привести заметку Л. Гроссмана: «Тарбагатай село большое, да некультурное. Некому дать толчок, чтобы вывести молодежь из того сонного, а порой хулиганского состояния, в котором она находится. Во всех селах работают кружки молодежи, ведется культурная работа, в Тарбагатае ничего подобного нет» [5, с. 4]. Однако уже через пару лет появляются газетные заметки, позволяющие сделать вывод о том, что даже в тех поселениях, где продвижение образования и культуры давалось тяжелее, избы-читальни становятся необходимым для жизни элементом. «В селе Тарбагатай старообрядческое население осознает пользу избы-читальни. Население почти поголовно неграмотное, пропитанное религиозными предрассудками. Условия для культурно-просветительной работы невероятно трудные. В 1924-1925 гг. население смотрело на избы-читальню, как на ненужную затею. Но потом изба нащупала актив среди комсомола. Стала проводиться кружковая работа, многие села близ Тарбагатай открыли красные уголки и ликпунк-

ты, выпустили грамотных. Изба-читальня завоевала уважение открытием столов-справок, громкой читки газет и книг по сельскому хозяйству, ею была проведена сельскохозяйственная выставка, а также траурный день в память Ленина» [8, с. 3]. В других старообрядческих селах также фиксировались сдвиги. «Передовые ребята с. Куйтун стараются разбудить своих малосознательных сограждан. Открылась изба-читальня, посещаемость которой 727 человек» [17, с. 4]. Подобные примеры показывают как первые несомненные успехи в культурном строительстве БМАССР, так и понимание культработниками специфики отдельной социальной среды.

О все более повышающемся значении этих учреждений культуры говорит проведение в БМАССР в 1926 г. конкурса на лучшую избу-читальню и красный уголок. «С 15 января у нас в Бурреспублике будет проводиться конкурс на лучшую избу-читальню, красный уголок, волостной политико-просветительный комитет. Задачи конкурса – учесть опыт политико-просветительной работы в улусе и деревне и выявить нужды низовой политико-просветительной сети» [4, с. 1]. С одной стороны, проведение конкурса означает существование большого количества упомянутых культурных объектов по уездам и аймакам (ведь речь идет о принципиальной возможности проведения такого конкурса), а с другой – это привлекает интерес общественности к их деятельности. Ведь зачастую работа избача в селении не находила достаточного отклика у населения, люди еще не понимали всей значимости изб-читален. Как уже отмечалось, изба-читальня была не только органом, выполнявшим библиотечные функции: при правильной постановке работы она включала в себя и ликпункты для искоренения неграмотности, красные уголки, в которых проводились собрания комсомольского актива села, разнообразные кружки, которые в том числе могли ставить незамысловатые спектакли – все это делало более разнообразной тяжелую деревенскую жизнь, скудную культурными развлечениями.

Выход в г. Верхнеудинске книги «Изба-читальня, как центр политпросветительной работы в деревне» [10], изданная в 1925 г., стал итоговым доказательством понимания властями полезности этих учреждений, особенно в условиях, когда от безоглядной ориентации на распространение революции на как можно большие территории, государственная идеология постепенно начинает обращать внимание и направляет свои силы на решение задач с долгосрочной перспективой, а именно – количественное и качественное увеличение и улучшение кадрового резерва страны людьми, которые полностью поддерживали бы начинания властей. Однако необходимо отметить, что в 1923-1925 гг., в большинстве сел Бурят-Монгольской АССР положение с образованием и культурой (а значит и с идеологией) еще оставалось неудовлетворительным. Во многих населенных пунктах ни о каком культурном строительстве пока речи еще не шло. Такое положение в поселке Онохой Ильинской волости: «Плохо жить под боком у города: его культурные обстрелы, делая траекторию, падают иногда в такую глушь, куда ворон костей не заносил, а рядом живущих, все минуют. Просили Губоно: “урегулируйте наводку: стрельните наконец в нас школой”» [13, с. 4].

Что касается городской среды Верхнеудинска, то здесь уже в 1923 г. намечаются определенные сдвиги в принятии атрибутов нового. Такой толчок был обусловлен слаженной работой партийных органов, сконцентрированных в столице, и быстрым развитием комсомольской организации. Одним из первых шагов здесь становится начало формирования возрастной иерархической социализации: пионерия – комсомол – партия. Если у последних двух категорий уже существовало неоспоримое влияние в стране, признавалось их руководящее значение, то пионерская организация только набирает силу в городе и тем более в республике, по сути идет ее создание. «Распространение работы на школы повлияет и на структуру пионерской организации. Очевидно, при школах должны быть созданы коммунистические груп-

пы детей. Мы думаем, что существующая школьная спайка, возможность использовать школьные помещения – достаточные аргументы. Школьные методы и учительский авторитет должны быть оставлены только в пределах уроков. Пионерская система должна прививаться в своем чистом виде» [1, с. 3]. Характерно, что в учреждениях, которые были даны координаторам, занимавшимся созданием пионерской организации в Бурятии, четко указано, что она должна быть независимой от школьной системы и от преподавательского состава. У пионеров должна быть собственная независимая деятельность, школа в этом плане выступает как союзник пионерии. В дальнейшем организация начнет копировать методы работы и деятельности у комсомольской организации, на что неоднократно будет обращать внимание руководящих органов.

В целом же, в Бурятии проходил аналогичный общесоветскому процесс оформления возрастной инициации, которая становится стержневой в плане становления новых политических кадров, воспитанных с малых лет в коммунистическом духе. В сфере воспитания молодого поколения в «правильном духе», кроме начинающегося пионерского движения, в столице республики в 1923 г. прошел молодежный комсомольский праздник, приуроченный к международному юношескому дню. «2 сентября пролетарская молодежь Верхнеудинска торжественно отпраздновала свой праздник – Международный юношеский день. Идут нога в ногу отряд РКСМ, также стараясь, не отставать – пионеры. Первым с приветственным словом выступил представитель губкома РКСМ. Представитель БМ бюро РКП(б) т. Мулаков вручал комсомольцам знамя от имени бюро, говорит, что партия завещает идти по победному пути и надеется, что молодые ряды партии, ее смена, понесет это знамя к дальнейшим победам. Отвечая от имени комсомольцев, т. Волков дает клятвенное обещание нести высоко завещанное партией знамя. Губком РКСМ в свою очередь вручает красное знамя юным пионерам. На празднике происходит процесс перевода пионеров в комсомольцы, затем начинается шествие» [15, с. 3]. Такие масштабные праздники, которые проводились в столице республики, говорят о достаточно серьезном подходе властей к вопросу воспитания молодежи, осознании важности этого вопроса в деле укрепления советского строя.

Первый год существования Бурят-Монгольской АССР примечателен также и в связи с процессом переименования улиц и прочих объектов в г. Верхнеудинске, что носило революционный характер и означало солидарность с произошедшими в 1917 г. событиями. В частности, «горрайком РКСМ обратился в Бурревком с просьбой принять меры к скорейшему переименованию Лосевской улицы в улицу «Юного коммунара» и городской сад в «Сад комсомольца» [11, с. 4]. Изменение названий улиц, площадей и целых населенных пунктов являлось не только еще одним способом разрыва с прежней жизнью, но и формировало новую общую культуру с одинаковыми для всех героями и выдающимися политическими деятелями.

Революционная тематика 1923 г. не ограничивается изменениями в топонимике населенных пунктов, она переносится и на быстро меняющийся быт людей: «Довольно ходить в церковь, пора начать строить новый быт, свободный от всех религиозных предрассудков. У нас в Троицкосавске товарищ Удалов показал пример. Он назвал свою новорожденную дочь не в память какой-нибудь «святой», а дал ей имя «Революция». Да будет память о революции не только на скрижалях истории, но и в домашнем быту» [16, с. 3]. Появление новых имен также вписывалось в общий контекст постреволюционной жизни. Ведь в отличие от переименования географических объектов, что было в компетенции властей, теперь и простые люди имели возможность выказать свою солидарность и лояльность советской власти.

В 1926 г. в республике продолжают мероприятия, направленные на утверждение советской идеологии. Празднование 1 мая в БМАССР было в 1926 г. особен-

ным из-за его совпадения с праздником Пасхи. В инструкциях, данных властями различным учреждениям, присутствует явная постановка вопроса – как и каким образом можно добиться большего вовлечения населения в празднование 1 мая и уменьшения влияния мероприятий пасхальной недели: «Празднованию 1 мая надо придать больше красочности, так как оно совпадает с религиозным праздником Пасхи. Клубам надо приготовить лозунги, программу, избам-читальням – соответствующую литературу. Праздник 1 мая должен быть построен так, чтобы отвлечь массу от религиозного празднования». И в ответ на эту инструкцию предлагаются разнообразные варианты проведения Первомая, например в г. Верхнеудинске коллектив Бурнаркомфина и Госбанка предложил: «1) Читать доклады, посвященные Ленскому расстрелу рабочих в 1912 г.; 2) На следующий день весь коллектив едет на Березовку в подшефную военную часть проводить беседы» [3, с. 3].

Таким образом, широкое празднование советского Первомая, годовщин революции, кроме еще одного метода борьбы с религией, становится обязательным атрибутом культурной жизни советского человека. В 1926 г., кроме ставших уже традиционными советских праздников, в Бурреспублике торжественно отмечали 2-ую годовщину смерти В.И. Ленина. Практически в каждом улусе и деревне проходили траурные мероприятия, митинги, собрания. Конечно, это зависело от уровня работы в них учреждений культуры. Улусник А. Улкутуев из Ницеты Боханского аймака пишет в газету: «22 января улусная молодежь устроила собрание, посвященное смерти т. Ленина. После доклада один из бурят громко сказал: “Ленин умер, но его учение всегда в нас”» [2, с. 2]. Были и другие подобные сообщения: «У нас в с. Турунтаево 20-го вечером состоялось траурное собрание, зал переполнен. После доклада о жизни Ленина принята резолюция, в которой крестьяне обещают хранить его заветы ... Джиды. 22 января в Торейской школе был устроен вечер воспоминаний. Классы украшены красными флажками, картинками. Утро открыло пение Интернационала, похоронный марш и доклад» [2, с. 2]. Такие примеры свидетельствуют об общей для всей советской страны тенденции к постепенному изменению образа Ленина. Будучи в массовом сознании практиком-революционером, освободителем угнетенных классов и народов, он становится еще и великим теоретиком марксизма.

В итоге, можно прийти к следующим выводам. Строительство и дальнейшая деятельность разнообразных культурных учреждений в Бурят-Монгольской АССР, борьба с неграмотностью для взрослого населения и задача всеобщего обучения детей, утверждение советских праздников и нового образа жизни становится основополагающим фактором становления в республике советского человека. Если в сельской местности Бурятии важнейшим атрибутом новой жизни стало распространение изб-читален, ставших базовым пунктом для первичного распространения культуры и идеологии для всего населения, то для городской среды республики в 1923-1926 гг. был характерен больший акцент на работе с молодым поколением, распространение значения пионерской и комсомольской организаций, проведение праздников молодежи. Взрослое население городов было в большей степени идеологизировано, нежели сельское, что выражалось в социально-одобряемом поведении и лояльности в вопросах борьбы властей с религией, переименовании улиц и площадей, замещении религиозной ритуалистики на советскую в своей повседневной деятельности.

Примечания

1. Агафонов С. О пионерском движении в Бурреспублике // Бурят-Монгольская правда. 1923. 12 окт. С. 4.
2. Бурский М. Дни скорби (Ленинские дни в деревне и улусе) // Бурят-Монгольская правда. 1926. 6 фев.

3. Бурят-Монгольская правда. 1926. 24 апр. 5 с.
4. Где лучшая изба-читальня? // Бурят-Монгольская правда. 1926. 3 янв.
5. Гроссман Л. Село Тарбагатай // Бурят-Монгольская правда. 1923. 25 сент.
6. Groshov I. I. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967. 424 с.
7. Журов А. Е. Великая культурная революция. Минск : Беларусь. 1964. 80 с.
8. Игнатьев А. Старообрядческое население осознало пользу избы-читальни // Бурят-Монгольская правда. 1926. 18 февр.
9. Изба-читальня // Бурят-Монгольская правда. 1923. 6 сент.
10. Изба-читальня – как центр политико-просветительной работы в деревне. Верхнеудинск : Бурполитпросвет, 1925. 28 с.
11. К переименованию улиц // Бурят-Монгольская правда. 1923. 26 сент.
12. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 окт. 1921 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М. : Политиздат, 1975. С. 156 – 175.
13. «Мы не виноваты в невежестве детей наших» // Бурят-Монгольская правда. 1923. 5 сент.
14. Плаггенборг Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб. : Нева. 2000. 416 с.
15. Празднование международного юношеского дня // Бурят-Монгольская правда. 1923. 4 сент.
16. Революция // Бурят-Монгольская правда. 1923. 29 сент.
17. Родионов Д. Село Куйтун // Бурят-Монгольская правда. 1923. 12 сент.
18. Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. : НЛЮ. 2008. 512 с.
19. Смирнов Г. Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности. М. : Изд-во полит. лит., 1971. 181 с.
20. Соболева А. Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920-1930-х гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 2014. 184 с.

References

1. Agafonov S. O pionerskom dvizhenii v Burrespublike [About the pioneer movement in the Buryat republic] // Burjat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 12 Okt. 4 p. [In Russ.].
2. Burskiy M. Dni skorbi (Leninskije dni v derevne i uluse) [The days of grief (Lenin's days in the village and ulus)] // Burjat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1926. 6 February. 5 p. [In Russ.].
3. Burjat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1926. 24 Apr. 5p. [In Russ.].
4. Gde luchshaja izba-chital'nja? [Where is the best reading house?] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1926. 3 January. 6 p. [In Russ.].
5. Grossman L. Selo Tarbagataj [Tarbagatai village] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 25 Sept. 4 p. [In Russ.].
6. Groshev I.I. Istoricheskij opyt KPSS po osushchestvleniju leninskoj nacional'noj politiki [The historical experience of the CPSU in implementing Lenin's national policy]. M., 1967. 424 p. [In Russ.].
7. Zhurov A.E. Velikaja kul'turnaja revoljucija [Great cultural revolution]. Minsk, 1964. 80 p. [In Russ.].
8. Ignatyev A. Staroobryadcheskoje naselenije osoznalo pol'zu izby-chital'ni [The Old Believers' population understood the importance of a reading house] // Burjat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1926. 18 Fev. 6 p. [In Russ.].

9. Izba-chital'nja [A reading house] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 6 Sept. 5 p. [In Russ.].
10. Izba-chital'nja – kak centr politiko-prosvetitel'noj raboty v derevne [A reading house as the center of political educational work in the village]. Verkhneudinsk, 1925. 28 p.
11. K pereimenovaniju ulic [To the streets renaming] // Buryat-Mongol'skaya Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 26 Sept. 4 p. [In Russ.].
12. Lenin V.I. Doklad na II Vserossijskom s''jezde politprosvetov 17 okt. 1921 g. [The report at the 2nd congress of political education, 17 October 1921] // Lenin V.I. Full works collection]. V. 44. M., 1975. Pp. 156-175 [In Russ.].
13. «My ne vinovaty v nevezhestve detej nashikh» [We are not guilty in our children's ignorance] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 5 Sept. 4 p. [In Russ.].
14. Plaggenborg Sht. Revoljucija i kul'tura. Kul'turnyje orientiry v period mezhdu Oktjabr'skoj revoljuciej i epokhoj stalinizma [Revolution and culture. Cultural reference points between the October revolution and Stalinism epoch]. St.-P., 2000. 416 p. [In Russ.].
15. Prazdnovanije mezhdunarodnogo junosheskogo dnja [Celebrations of the international day of youth] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 4 Sept. 5 p. [In Russ.].
16. «Revoljucija» [«Revolution»] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 29 Sept. 5 p. [In Russ.].
17. Rodionov D. Selo Kujtun [The village Kuytun] // Buryat-Mongol'skaja Pravda [The Buryat-Mongolian Pravda]. 1923. 12 Sept. 4 p. [In Russ.].
18. Slezkin Yu.L. Arkticheskiye zerkala: Rossija i malye narody Severa [The Arctic mirrors: Russia and small ethnic groups of the north]. M., 2008. 512 p. [In Russ.].
19. Smirnov G.L. Sovetskij chelovek: formirovanije socialisticheskogo tipa lichnosti [The Soviet person: formation of the socialist type of a personality]. M., 1971. 181 p. [In Russ.].
20. Soboleva A.N. Uchastije molodezhi BMASSR v modernizacionnykh processakh 1920-1930-kh gg.: monografija [The participation of the BMASSR youth in the processes of modernization in 1920s-1930s: monograph]. Ulan-Ude, 2014. 184 p. [In Russ.].

*Бураев А. И.**Buraev A. I.***АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАСТИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
В МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ¹****ANTHROPOLOGICAL PLASTIC RECONSTRUCTIONS
IN THE MUSEUM EXPOSITIONS**

В статье рассматриваются вопросы использования пластических антропологических реконструкций в экспозициях российских музеев. Приводятся сведения о становлении метода пластической реконструкции лица по черепу, разработанного М.М. Герасимовым и формировании первых коллекций. Прослеживается деятельность сотрудников Лаборатории пластической антропологической реконструкции Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН по развитию и популяризации этого направления науки. Приводятся данные об основных собраниях пластических реконструкций в музеях России и Бурятии.

The article considers the issues of using plastic anthropological reconstructions in the expositions of the Russian museums. The information about the formation of the plastic facial reconstruction method on the skull developed by M.M. Gerasimov and of the first collections is given. The activity of the staff of the Laboratory of plastic anthropological reconstruction of the Center of physical anthropology of the Institute of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences in the development and popularization of this branch of science is traced. The data concerning the main collections of the plastic reconstructions in the museums of Russia and Buryatia are given.

Ключевые слова: музей, антропология, пластическая реконструкция, экспозиция, Забайкалье, Бурятия.

Keywords: museum, anthropology, plastic reconstruction, exposition, Transbaikalye, Buryatia.

Антропологические реконструкции лица по черепу известны еще с XIX века. Однако скульптурные портреты, выполненные европейскими учеными, представляли лишь обобщенный образ внешности людей разных эпох развития человечества. В нашей стране, в Ленинграде, в середине 1920-х гг. появились бюсты питекантропа, неандертальца, эоантропа (тогда еще не признанного фальсификацией), представлявшие собой копии работ, выполненных американским анатомом Дж. Мак-Грегором.

Реконструкции конца XIX – начала XX вв. были весьма приблизительны и интерес к практическому восстановлению лица по черепу значительно снизился.

Все изменилось с разработкой метода пластической реконструкции лица по черепу, разработанного Михаилом Михайловичем Герасимовым [7; 5]. Им были изучены взаимосвязи между индивидуальными особенностями формы и рельефа черепа и мягкими тканями, определяющими черты лица. Необходимо отметить, что создание пластической реконструкции требует специальных знаний в области ана-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (ХП.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА – А17- 117021310264-4)

томии и антропологии, и, в немалой степени, художественного таланта автора. Сначала проводятся осмотр, описание и измерение черепа. Определяются пол, возраст и индивидуальные краниологические особенности. В случае плохой сохранности черепа проводится антропологическая реставрация. С помощью специальной мастики восстанавливаются жевательные мышцы, степень развития которых характеризует контуры нижней части лица. На основе таблиц толщины мягких тканей в разных частях головы в зависимости от степени развития костного рельефа, составленных М. М. Герасимовым, череп покрывают сеткой восковых (пластилиновых) гребней, высота которых соответствует толщине тканей. Далее промежутки между гребнями заполняются мастикой, формируя поверхность лица. Затем реконструируются нос, глаза и рот. Весь процесс производится с учетом индивидуальных особенностей человека: травмы, заболевания, половой диморфизм, возрастная изменчивость. С восковой модели снимается форма, с которой делаются гипсовые отливки. На сырой отливке мелкие детали дорабатываются вручную. Украшения и одежда для каждой скульптуры, где это, возможно, реставрируются на основе археологических материалов. Таким образом, каждая реконструкция является уникальной и требует длительной и тщательной подготовки. В результате кропотливой работы, основанной на строгой научной методике, по краниологическим данным воспроизводится достоверный облик людей, живших много лет назад.

По разработанной методике, автором были выполнены реконструкции плезиантропа, синантропа, неандертальцев, кроманьонцев: австралопитека (плезиантропа) из грота Стеркфонтейн (Южная Африка); архантропов (синантропов) мужчины и женщины из Чжоукоудянь; гейдельбергского человека - мужчины из Брокенхилла; неандертальца из Монте-Чирчео, ребенка из Тешик-Таш; неантропов (кроманьонцев) из Кро-Маньон, Схул, ребенка из Староселья, мужчины с Маркиной горы и др. Отдельно необходимо упомянуть о реконструкциях облика верхнепалеолитических людей со стоянки Сунгирь [6]. Кроме того, М. М. Герасимовым были созданы индивидуальные портреты конкретных исторических личностей – скифского царя Скилура, древнерусских князей Ярослава Мудрого и Андрея Боголюбского, царей Ивана Грозного и Федора Ивановича, великого полководца и создателя государства тимуридов Тимура Тамерлана, его внука Улугбека, адмирала Ф. Ф. Ушакова и др. [8].

Необходимо отметить, что научные разработки М.М. Герасимова используются до сих пор по всему миру.

В 1950 г. М. М. Герасимовым была основана лаборатория пластической антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН (современное название), в стенах которой продолжили работу его ученики и последователи: Г. В. Лебединская и Т. С. Сурнина, Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, О. М. Григорьева и др. Со дня основания по 1970 г. лабораторией руководил лично М. М. Герасимов, в 1970-1996 гг. – Г. В. Лебединская, с 1996 г. по 2012 г. – Т. С. Балуева. С 2012 года лаборатория стала подразделением Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, а работы по реконструкции ведутся под началом Е. В. Веселовской.

В лаборатории создана специальная комплексная морфологическая программа исследования соотношения элементов лица и подлежащих костных структур черепа, по которой исследуется древнее и современное население различных регионов. Совершенствуется и сам метод пластической антропологической реконструкции. [14; 3; 2; 13]. За последние годы в лаборатории создана программа краниофациального соответствия, которая представляет собой алгоритм перехода от измерительных и описательных признаков черепа к соответствующим характеристикам лица. Её применение не только позволяет значительно уточнить метод графического и

скульптурного воспроизведения черт внешности, но и вооружает антропологов уникальной методикой, так называемого словесного портрета. По костным останкам, найденным в одном могильнике, учёные могут теперь создавать общее антропологическое описание популяции. Можно выяснить, насколько изменился антропологический тип населения за определённый период, например, за несколько столетий.

Один из главных принципов работы лаборатории – строгая научность. Учёные намеренно не придают реконструированным историческим персонажам внешних эмоций, чтобы не смешивать науку с искусством, стараются как можно точнее передать индивидуальные особенности физического облика [4].

Усилиями сотрудников лаборатории значительно увеличилась коллекция пластических реконструкций. Г. В. Лебединской воспроизведен облик гейдельбергского человека из грота Араго пещеры Тотавель (современная Франция) и мальчика с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь (современная Владимирская область), знаменитого исследователя Камчатки и Сибири Степана Крашенинникова и карельского крестьянина-рунопевца Архипа Перттунена и многие другие [12].

Т. С. Балугеой выполнены реконструкции внешности кушанской царицы (Афганистан), Чингизидов из захоронений Казанского кремля (ханы Махмуд и Мухаммед-Эмин), восстановлен облик государственных деятелей Казахстана (Алашахан и Жолбарысхан). Исследователем также выполнены скульптурные реконструкции по черепу женщины из скифского кургана на плоскогорье Укок, Южный Алтай (V в. до н. э.), мужчины и женщины с территории Палестины (рубеж нашей эры), национального героя Мексики XIX века Бернардино Кен, графические реконструкции по черепам фараонов и мумиям коптов.

Т. С. Балугева совместно с Е. В. Веселовской создали реконструкции облика верхнепалеолитического человека из пещеры «Arene Candide» (25 000 ± 450 лет), Италия; мужчины и женщины эпохи бронзы из могильника Гонур (Туркмения); мужчины и женщины из могильника Песчаный остров золотоордынского времени. Одна из последних совместных работ – скульптурное изображение князя Олега Рязанского.

Е. В. Веселовской выполнены скульптурные реконструкции по черепам мужчины из скифского курганного могильника Берель, маркиграфа Моравии XV в. Йодокуса Люксембургского, мужчины из «царского» сарматского погребения I-го века н.э.

О. М. Григорьевой созданы скульптурные реконструкции по муляжу черепа архантропа из Кооби-Фора, Кения (1,6 млн. лет), женщин сарматского времени из Центрального Казахстана.

Все эти и многие другие реконструкции вошли в музейные собрания. Самой крупной в мире коллекцией обладает лаборатория-музей антропологической реконструкции. Скульптуры дают представление об антропологическом типе людей прошлых исторических эпох.

В коллекции лаборатории пластической антропологической реконструкции Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН представлено более четырехсот портретов известных исторических деятелей прошлого и представителей древнейшего человечества, эпохи позднего палеолита и неолита, представителей разновременных археологических культур.

В собрании представлены несколько разделов, среди них: метод антропологической реконструкции, задачи и перспективы (научные достижения сотрудников лаборатории — музея в области восстановления лица на основе черепа, практическое использование метода в антропологии и судебной медицине); ранние этапы эволюции человека (основные предковые формы становления человечества); эпохи позднего палеолита и неолита проиллюстрированы материалами с таких известных

стоянок как Сунгирь (25 тыс. лет), Арене Кандиде (25 тыс. лет), Кроманьон (около 20 тыс. лет), Пржедмости (15 тыс. лет), Сахтыш (6 тыс. лет) и др.; эпоха бронзы и раннего железа представлена скульптурными портретами представителей различных археологических культур с территории России и сопредельных стран (культуры эпохи бронзы, скифы, сарматы, гунны, саки, усунь и т. д.). Также специальные разделы коллекции посвящены эпохе средневековья, где демонстрируются скульптурные реконструкции представителей славянского и финского населения Восточной Европы, степного тюркского населения территории Евразийской степи и документальным портретам исторических деятелей.

Коллекции скульптурных антропологических реконструкций экспонируются и в других музеях. Так, в Государственном биологическом музее им. К. А. Тимирязева сформирована представительная коллекция, в составе которой имеется более 70 экспонатов. Как отметил М. В. Касаткин, автор каталога коллекции антропологических скульптурных реконструкций музея: «... среди них есть не только скульптурные портреты в их «окончательном» варианте, не меньший интерес представляют работы, показывающие промежуточные этапы создания реконструкции – половинные, с контуром мягких тканей, вылепленных по черепу, или завершенные, но без добавленных позднее волос на голове, без усов и бороды» [9, с. 6]. Необходимо подчеркнуть, что в коллекции представлены не только авторские копии, но и оригиналы, в том числе работы В. Н. Звягина (особо отметим скульптурную реконструкцию облика Витуса Беринга).

Рис. 1. Антропологические реконструкции в экспозиции Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева (г. Москва)

Меньшие по количеству, но не менее яркие экспозиции созданы в Государственном Дарвиновском музее, музеях многих городов России.

Помимо постоянных экспозиций, в музеях и выставочных залах регулярно проводятся тематические выставки. В Биологическом музее первая выставка «Ископаемые люди и современный человек» в 1961 и 1964 гг. была организована М.М. Герасимовым. В дальнейшем проведение подобных выставок стало традицией: в 1980 г. прошла выставка «Тайны минувшего»; «Из глубины веков» (юбилейная выставка Г. В. Лебединской), 1984 г.; «Возрожденные образы», 1988 г.; «Витус Беринг – реконструкция облика», 1993 г.; «Пришедшие из веков» (к 90-летию М. М. Герасимова), 1997 г.; «Страницы истории в лицах» (юбилейная выставка Г.В. Лебединской), 2004 г.; «Лики правивших династий» (к 100-летию М. М. Герасимова), 2007 г. антропологические реконструкции из музея выставлялись в различных выставочных залах и музеях Москвы и городов Московской области, они входят в состав действующей уже более 30 лет выставки-передвижки «Развитие жизни на Земле и происхождение человека» [9, с. 8].

18 октября 2007 г. – 31 мая 2008 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН прошла выставка «Лица наших предков», приуроченная к 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Отобранные для экспонирования образцы научного и художественного творчества М.М. Герасимова дали представление о внешности людей, живших на разных территориях (от Франции до Китая) в разные эпохи - от нижнего палеолита до раннего железного века, позволили увидеть лица далеких предков, наглядно представить себе процесс становления человека и древнейшие этапы человеческой истории.

В 2016 г. в Аркаиме на выставке «Кочевники: ожившие образы» была представлена антропологическая реконструкция сарматской кочевницы с деформированным черепом, выполненная А. Нечвалодой, сотрудником Уфимского научного центра РАН. Ученый восстановил облик сарматской царицы, людей, построивших Аркаим и захороненных в курганах, разбросанных в зауральской степи. Теперь эти работы экспонируются в Челябинском областном краеведческом музее.

В 2017 г. в РГГУ (г. Москва) была проведена выставка «Антропологическая реконструкция внешности человека».

Рис. 2. Пластические реконструкции из фондов Национального музея Республики Бурятия в качестве иллюстративного материала к лекции на «этнографическом четверге» (г. Улан-Удэ).

Безусловно, этим списком не исчерпывается весь массив выставок, популяризирующих антропологические исследования, просто ограничимся констатацией ведения систематической работы в этом направлении.

Обращаясь к региональному аспекту пластических антропологических реконструкций в музеях, отметим, что в Забайкалье это направление развито не столь масштабно. Под руководством М. М. Герасимова, Н. Н. Мамоновой был выполнен ряд реконструкций древних забайкальцев, в т.ч. человека из Шилкинской пещеры. В настоящее время, скульптурная реконструкция экспонируется в Забайкальском краевом краеведческом музее. Выявлены новые погребальные комплексы в Жиндо на Чикое и в Токуе на Мензе. Радиоуглеродные даты обозначают период с 7,4 до 7,0 тыс. л. н. и могут быть соотнесены с концом мезолита – началом неолита [11]. По двум черепам антропологом Р.М. Галеевым (г. Москва) в 2016 г. выполнены скульптурные реконструкции древних обитателей Забайкалья. Они размещены в экспозиции Музея археологии исторического факультета Забайкальского государственного университета [10, с. 18].

В Бурятии первая пластическая реконструкция была произведена М.М. Герасимовым по черепу мужчины, обнаруженного в 1947 г. А. П. Окладниковым при раскопках плиточной могилы в Херексурин-Ури на р. Селенга. Впоследствии за скульптурным изображением закрепилось название «селенгинский человек». По материалам М. М. Герасимова из широко известного Фофановского могильника (неолит-ранняя бронза), Г.В. Лебединской были выполнены реконструкции по черепам мужчины и женщины. Они не несут следов европеоидной примеси и очень напоминают современных бурят [1, с. 102-103, 166-167].

В настоящее время, по материалам, предоставленным Л. Г. Ярославцевой, в фондах Национального музея Республики Бурятия хранятся 9 пластических антропологических реконструкций. Среди них два бюста, упомянутого выше, «селенгинского человека» работы М. М. Герасимова (тонируемый гипс и белый гипс). Остальные реконструкции принадлежат Н. Н. Мамоновой: мужчина-кочевник IX-XI вв., женщина-кочевница IX-XI вв., мужчина-гунн, бюст мужчины из Тапхарского погребения (IX-XIII вв.), бюст девушки хамниганки, скульптурные изображения питекантропа и неандертальца.

Рис. 3. Антропологические реконструкции в экспозиции Государственного Дарвиновского музея (г. Москва)

Все пластические антропологические реконструкции, находящиеся в Бурятии выполнены достаточно давно, и работа по развитию этого направления, к сожалению, не велась с 1985 г.

В текущем 2019 г. появилась возможность изменить ситуацию. Музеем БНЦ СО РАН заключена предварительная договоренность с руководителем лаборатории антропологической реконструкции ИАЭ РАН Е. В. Веселовской о включении материалов музеев Бурятии в программу работ по созданию графических, а в дальнейшем и скульптурных реконструкций.

Безусловно, скульптурные изображения расширят наши представления о реальном облике древнего населения и, несомненно, «оживят» любую экспозицию.

Примечания

1. Антропологические типы древнего населения на территории СССР. М. : Наука, 1988. 208 с.

2. Балуева Т. С., Веселовская Е. В. Метод антропологической реконструкции для науки и практики // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. М. : Оргсервис-2000, 2006. С. 200-207.

3. Балуева Т. С., Веселовская Е. В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С. 143-150.

4. Веселовская Е. В. Герасимовская школа антропологической реконструкции // Русская история. 2014. №2(29). С. 86-90.

5. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с. : ил. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 28).

6. Герасимов М. М. Люди каменного века. М. : Наука, 1964. 167 с. : 16 л. табл., ил.

7. Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М. : Совет. наука, 1949. 185 с.

8. Герасимов М. М. Портреты исторических лиц // Наука и человечество: Доступно и точно о главном в мировой науке. М., 1965. С. 97-105 : ил.

9. Касаткин М. В. Антропологические скульптурные реконструкции : каталог коллекции Гос. Биологического музея им. К. А. Тимирязева. М. : Альфа-принт, 2007. 128 с.

10. Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий / Константинов М. В., Васильев С. Г., Филатов Е. А., Викулова Н. О., Маслодудо С. В. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, №1. С. 9-19.

11. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2016. 247 с.

12. Лебединская Г. В. Облик далеких предков : альбом скульптурных и графических реконструкций. М. : Наука, 2006. 244 с.

13. Valueva T. Veselovskaya E., Kobylansky E. Cranio-facial Reconstruction Via Application of the Ultrasound Method in Live Human Populations, Submitted for Publication // International journal of Anthropology. 2009. Vol. 24. № 2. Pp. 87-111.

14. Lebedinskaya G.V., Balueva T.S., Veselovskaya E.V. Principles of the facial reconstruction // Forensic analysis of the skull. Iscan MY, Helmer RP (ed). New York : Wiley-Liss, 1993. P. 183-198.

References

1. Antropologičeskije tipy drevnego naselenija na territorii SSSR [Anthropological types of the ancient population on the territory of the USSR]. M., 1988. 208 p. [In Russ.].
2. Balueva T. S., Veselovskaya Ye. V. Metod antropologičeskoj rekonstrukcii dlja nauki i praktiki [The method of anthropological reconstruction for science and practice] // Etnologija obščestvu. Prikladnyje issledovanija v etnologii [Ethnology to society. Applied research in ethnology]. M., 2006. Pp. 200-207 [In Russ.].
3. Balueva T. S., Veselovskaya Ye. V. Novye razrabotki v oblasti vosstanovlenija vneshnego oblika čeloveka po kraniočičeskim dannym [New developments in the field of restoring the appearance of a man on the basis of craniological data] // Arkheologija, etnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. Novosibirsk, 2004. № 1. Pp. 143-150 [In Russ.].
4. Veselovskaya Ye. V. Gerasimovskaja škola antropologičeskoj rekonstrukcii [Gerasimov's school of anthropological reconstruction] // Russkaja istorija [The Russian history]. 2014. №2 (29). Pp. 86-90 [In Russ.].
5. Gerasimov M. M. Vosstanovlenije lica po čerepu: (sovremennyj i iskopaemyj čelovek) [Facial reconstruction on the skull: (modern and fossil man)]. M., 1955. 585 p.: ill. (Works of the Institute of ethnography named after N.N. Mikloukho-Maklay. New series; v. 28) [In Russ.].
6. Gerasimov M. M. Ljudi kamennogo veka [The people of the Stone Age]. M., 1964. 167 p., 16 l. with tables : ill. [In Russ.].
7. Gerasimov M. M. Osnovy vosstanovlenija lica po čerepu [The basics of facial reconstruction on the skull]. M., 1949. 185 p. [In Russ.].
8. Gerasimov M. M. Portrety istoričeskikh lic [The portraits of historical faces] // Nauka i čelovečestvo: Dostupno i točno o glavnom v mirovoj nauke [Science and mankind: Accessible and precise about the main thing in the world science]. M., 1965. Pp. 97-105 : 15 ill. [In Russ.].
9. Kasatkin M. V. Antropologičeskije skul'pturnyje rekonstrukcii : katalog kollekcii Gosudarstvennogo Biologičeskogo muzeja im. K. A. Timirjazeva [Anthropological sculptural reconstructions: collection catalogue of the State Biological museum named after K. A. Timiryazev]. M., 2007. 128 p. [In Russ.].
10. Drevnjaja istorija Zabajkal'skogo kraja v svete novykh arkheologičeskikh otkrytij [The ancient history of the Transbaikal region in the light of archaeological discoveries] / Konstantinov M. V., Vasilyev S. G., Filatov Ye. A., Vikulova N. O., Maslodudo S. V. // Izvestija laboratorii drevnikh tekhnologij [The news of the ancient technologies laboratory]. 2018. V.14. №1. Pp. 9-19 [In Russ.].
11. Konstantinov M. V., Ekimova L. V., Vereshchagin S. B. Tajozhnyj Chikoj na rubezhe kamnja i bronzy [The taiga Chikoy at the dawn of stone and bronze]. Chita, 2016. 247 p. [In Russ.].
12. Lebedinskaya G. V. Oblik dalekikh predkov (Al'bom skul'pturnykh i grafičeskikh rekonstrukcij) [The image of distant ancestors (The album of sculptural and graphic reconstructions)]. M., 2006. 244 p. [In Russ.].
13. Balueva T., Veselovskaya E., Kobyljansky E. Cranio-facial reconstruction via application of the ultrasound method in live human populations // International journal of Anthropology. 2009. Vol. 24. № 2. Pp. 87-111. [In Engl.].
14. Lebedinskaya G. V., Balueva T. S., Veselovskaya E. V. Principles of the facial reconstruction // Forensic analysis of the skull. Iscan MY, Helmer RP (ed). New York, 1993. Pp. 183-198 [In Engl.].

Дикий Я. В.

Dikiy Ja. V.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КЯХТИНСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ¹

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS OF THE SOVIET PERIOD IN KYAKHTA LOCAL MUSEUM

В статье рассмотрены археологические коллекции Кяхтинского краеведческого музея, которые были сформированы в советский период археологами из Санкт-Петербурга и Бурятии. Особенностью археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея является наличие сопроводительной документации, что делает их по-своему уникальными. Это позволяет исследователям в полном объеме воспринять как эпоху, к которой относится археологический материал, так и время обнаружения и использованных методов во время археологических работ.

Археологические коллекции представлены в хронологической последовательности их формирования в музее, что отражает развитие археологии в Бурятии.

The article considers the archaeological collections of Kyakhta local Museum that were formed by the archaeologists from St. Petersburg and Buryatia during the Soviet period. Their feature is in the availability of the accompanying documentation that makes them unique in their own way. This allows researchers to comprehend the age to which the archaeological material belongs to as well as the time of detection and methods used during the archaeological work.

The archaeological collections are presented in the museum in the chronological order of their formation which reflects the development of archaeology in Buryatia.

Ключевые слова: Кяхта, источниковедение, источник, археология, археологические коллекции, музей.

Keywords: Kyakhta, source study, source, archaeology, archaeological collections, museum.

Формирование археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея началось в конце XIX в., когда в Троицкосавске-Кяхте было принято решение открыть Троицкосавско-Кяхтинское отделение Русского императорского географического общества и краеведческого музея. С этого времени на территории Бурятии начались первые систематические и планомерные археологические изыскания, которые дали богатый материал по древней истории края. Археологические исследования этого периода связаны с Ю. Д. Талько-Грынцевич, П. С. Михно, А. П. Мосиц, Я. С. Смолен. Ими было открыто и исследовано большое количество археологических памятников. Эти памятники относятся к историческим периодам от каменного века до средневековья. В этот период была создана первая карта археологических памятников южных районов Бурятии, а так же были сформированы первые археологические коллекции на территории Бурятии.

Под археологическими коллекциями мы понимаем комплексный исторический источник, включающий в себя материальные остатки жизнедеятельности древ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.2016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

него человека, объединенные по принципу происхождения, авторства, отношению к исторической эпохе, а также письменные документы ученых-археологов, которые добыли и изучили, и передали на хранение данные археологические материалы. К этим документам мы относим полевые дневники, чертежи, рисунки, научные отчеты и фотографии.

Первые археологические коллекции легли в основу исследований следующего советского периода. К ним обращались видные ученые этого периода.

Разговор о формировании археологических коллекций советского периода на территории Бурятии стоит начать с Бурят-Монгольской экспедиции Г.П. Сосновского. В 1929 г. экспедиция направилась «в г. Троицкосавск для ознакомления с археологическими коллекциями Троицкосавского Краевого Музея» [1, л. 12]. Прибыв в Троицкосавск 23 июня 1928 г., сотрудниками экспедиции была проделана работа по «систематизации археологических коллекций» а так же «в музее была произведена зарисовка бронзовых орудий и других экспонатов» [1, л. 13]. К сожалению, материалы этой экспедиции были вывезены в Санкт-Петербург и сегодня хранятся в Государственном Эрмитаже.

Во время работы второй Бурят-Монгольской экспедиции, которой руководил А. П. Окладников, сотрудники экспедиции обращались к археологическим коллекциям Кяхтинского музея. В частности, А. П. Окладниковым отмечалась, в виду уникальности археологических коллекций музея, необходимость издания «научного каталога археологических коллекций музея» [2, с. 255], эта задача видится нам актуальной и сегодня.

В музее имеется небольшая археологическая коллекция А. П. Окладникова с двух археологических памятников – это Хужир-Дэби (июль 1948 г.п.) и колхоз Красный Чикой (1950 г.п.). Так как памятники относятся к могильникам, то и предметный состав коллекции типичен для этого вида памятников, и она состоит из костяков, украшений при них и сопроводительного инвентаря. Кроме того, с погребения Хужир-Дэби был передан сруб и камни с погребальной конструкции [15]. Раскопанные погребения А. П. Окладников отнес к эпохе хунну. Эта коллекция дополнила хуннский материал Кяхтинского краеведческого музея. Этот материал позволил уточнить погребальный обряд хуннского населения и особенности могильной конструкции, что в сумме с коллекцией Ю. Д. Талько-Грынцевича позволяет реконструировать духовную жизнь кочевников раннего железного века.

В ходе многолетних раскопок 1971-1973 гг., 1975 г., 1977-1979 г. и 1983 г. была накоплена богатая археологическая коллекция А. В. Давыдовой. А. В. Давыдова условно разбила поселение на три части: Нижние, Верхние и Средние Дурены. В ходе раскопок на памятнике у с. Дурены был обнаружен богатый и разнообразный материал. Из всего массива этого материала в музей было передано 391 ед. хранения [16], относящийся к эпохе хунну. Важной частью этой коллекции является наличие отчетов о полевых работах. В них А. В. Давыдова подробно дает характеристику памятнику и проделанным работам, ставит задачи полевых исследований на весь период работ на этом памятнике [3, с. 2].

Стоит сказать, что не весь найденный материал был передан в музей, это видно так же из отчетов. Так, например, в отчете о работах экспедиции в 1978 г. даются количественные показатели находок. В 1978 г. экспедицией было обнаружено 3956 предметов, большую часть из которых составил массовый материал (обломки керамики, кости животных). Индивидуальные находки – бронзовая пуговица, серьга из бронзовой проволоки с бусиной на конце были переданы в музей, сейчас они заняли свое место в экспозиции музея [4, с. 3-9]. Всего за 1978 г. от А. В. Давыдовой поступило 38 предметов (таб. 1). Схожая ситуация наблюдается и в другие полевые сезоны: 1979 г. найдено 3080 предметов [5, с. 2-6], в музей поступил 1 предмет –

бронзовая печать с изображением козла (таб. 1). Таким образом, мы видим, что передавался в музей не весь объем археологического материала, лишь его малая часть.

Еще одним исследователем из Санкт-Петербурга, который много лет работал в Бурятии и который оставил след в Кяхтинском музее в виде авторской археологической коллекции, является С. С. Миняев. В состав его коллекции входит 678 ед. хранения [16] – это керамические кувшины, украшения, бронзовые и железные изделия, изделия из кости, камня. Весь этот материал автор относит к хуннскому времени. Материал был обнаружен на могильнике Дырестуйский култук. Так же как и в коллекции А. В. Давыдовой, в этой коллекции имеются отчеты с фотографиями и чертежами, что делает её полной и комплексной.

Три вышеописанные коллекции относятся к эпохе хунну. При комплексном рассмотрении указанных коллекций, а также с привлечением коллекции Ю.Д. Талько-Грынцевича появляется возможность реконструировать быт и жизнь, и погребальный обряд хуннского общества.

Ритуал захоронения у хунну имеет различия по половому признаку, т.е. сопроводительный инвентарь в мужских могилах отличается от сопроводительного материала женских могил. Так, у мужчин обязательным является наличие элементов вооружения (обычно лук) и фрагменты конской упряжи (псалии, удила, пряжки и др.). Женские погребения не имеют такого сопроводительного инвентаря, однако в таких захоронениях, как правило, были более богаты украшения и глиняная посуда [6, с. 157]. Кроме того, как выявил Миняев С.С., «анализ состава наборов погребального инвентаря отражает социальную дифференциацию» хуннского общества. Более богатые хунну использовали больше и более богатый сопроводительный материал [7, с. 11].

Что касается бытовой жизни хунну, то в этом отношении нам помогает коллекция А. В. Давыдовой, которая работала много лет на хуннском поселении у с. Дурены. Обнаруженный ею материал позволяет сделать вывод о том, что жили хунну в полуземлянках, аналогичным с Иволгинского городища. Изделия из кости, камня, глины, бронзы, железа говорят о наличии у хунну мастеров, способных изготовить предметы из этих материалов.

В Кяхтинском краеведческом музее имеются археологические коллекции бурятских исследователей и археологов.

Первой в этом списке по хронологии будет коллекция Тугутова Р. Ф., бывшего директора Кяхтинского музея, который много лет работал в экспедициях А. П. Окладникова. Эта коллекция археологических предметов состоит из 199 ед. хранения и относится к разным историческим эпохам вплоть до каменного века [15]. Коллекция представлена наконечниками стрел из разных материалов, керамическими изделиями, бронзовыми предметами, каменными ножевидными пластинами (таб. 1).

Небольшая коллекция П. Б. Коновалова из 17 ед. хранения [16] относится к эпохе хунну. К этой коллекции прилагается отчет о раскопках в Ильмовой пади [8]. Археологические раскопки в 1972 г. были произведены специально по просьбе Кяхтинского музея. Для музея было решено раскопать погребение № 58 хунну «среднего достатка» [8, л. 1-2]. В отчете дается поэтапное описание работ, описание находок и конструкции погребения № 58. В музей были переданы украшения, фрагменты керамических сосудов, железные и бронзовые изделия.

Коллекция А. Д. Цыбиктарова представлена 569 ед. хранения [16, 17]. Кроме этого, она дополняется отчетами об археологических работах [9, 10, 11], а также полевыми дневниками исследователя [12, 13, 14].

Коллекцию А. Д. Цыбиктарова выделяет то, что в основном фонде Кяхтинского музея хранятся дела под №№ 5263-1 (отчет о полевых исследованиях), 5263-2

(приложения к отчету), 5263-3 (полевой дневник исследователя), 5263-4 (25 чертежей курганов, бровок и т.п.). Эти материалы относятся к полевому сезону 1981 г.

Документы сопровождают археологический материал, который был передан в музей в том же году. Это делает археологическую коллекцию А.Д. Цыбиктарова полной в нашем понимании рассматриваемого явления, т.е. предмет + научная сопроводительная документация.

Коллекция А. Д. Цыбиктарова раскрывает разные аспекты жизни населения территории Бурятии в бронзовом веке. Стоит отметить, что в Кяхтинском музее хранится большая необработанная часть археологической коллекции А. Д. Цыбиктарова, которая не проведена через книгу поступлений.

Более подробно с количеством предметов, составом и временем поступления можно ознакомиться в Таблице 1. «Археологические коллекции Кяхтинского краеведческого музея. Советский период».

Таблица 1. Археологические коллекции Кяхтинского краеведческого музея.
Советский период

№	Коллекция	Год	Памятник	Количество предметов	Примечания	Сопроводительная документация
1	Окладников А.П.	июль 48	Хужир-Дэби	6	сруб погребения, камни с могилы	
		1950	колхоз «Красный Чикой»	38	косяк, и предметы из погребения	
2	Миняев С.С.		Дырестуйский могильник, могила № 51 (хунну)	1	бусина (25 бус)	
			Дырестуйский могильник, могила № 52 (хунну)	5	бронзовые, железные изделия, украшения	
		лето 1988	Дырестуйский могильник, курган 43	10	керамика, бронзовые изделия, изделия из кости	
			Дырестуйский могильник, курган 57, 58, 60,62	23	керамика, изделия из кости, бронзовые изделия, украшения	
		лето 1987	Дырестуйский могильник,	36	Керамика	
		1985-1986	Дырестуйский могильник	3	керамика	
		лето 1988	Дырестуйский могильник	191	керамика, бронзовые изделия, изделия из кости, украшения, оружия.	

		лето 1985	Дырестуйский могильник по- гребение 41	9	керамика, же- лезные изде- лия	
		лето 1989	Дырестуйский могильник по- гребение 38, 40	60	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	
		лето 1984	Дырестуйский култук, погребе- ние 38, 44	91	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	
		лето 1990	Дырестуйский могильник, мог. 95, 96, 97	41	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	имеется от- чет
		1992	Дырестуйский могильник	2	сосуд, склеен- ный из 12 фрагментов	имеется от- чет
		1991	Дырестуйский могильник	56	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	
		1993	Дырестуйский могильник	42	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	имеется от- чет
		1992	Дырестуйский могильник п. 102, 107, 114, 116	51	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	
		2009	Дырестуйский могильник, п. 107	2	бронзовые из- делия	
		окт. 2009	Дырестуйский могильник п. 117	12	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	
		нояб. 2011	Царам	1	керамика	
3	Давыдова А. В.	1972		153	керамика	отчет 1975 г.

		1973, 1977, 1975	Дурены	23	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	имеется от- четы
		1978	Соль падь	38	археологиче- ские предметы	
		1971	Дурены	104	археологиче- ские предметы	
		1973	Соль падь, у Ду- рен	54	археологиче- ские предметы	
		1979	Дурены	1	бронзовая пе- чать с изобра- жением козла	
		1983	Дурены	18	бронзовые из- делия	имеется от- чет
4	Тугутов Р. Ф.	1946	Кяхтинский об- рыв	5	подъемный материал, ар- хеологические сборы	
		1948	Джаргалантуй	1	наконечник стрелы	
		июнь 1948	Суджа	4	керамика	
		сен. 1948	Суджа	1	керамика	
		май 1950	Дурены	8	керамика, бронзовые из- делия	
		июль 1950	Колхоз «Улан- Табангут»	4	каменные но- жевидные пла- стины	
		май 1954	Хужир-Дэби	23	керамика, медь	
			Дурены	1	наконечник	
		1960	Джидинский район	7	археологиче- ские предметы	
		1961	Черемуховая падь	12	археологиче- ские предметы	
			Дурены	1	сосуд	
		1957- 1958	Черемуховая падь	58	археологиче- ские предметы	
		1963	Черемуховая падь	74	археологиче- ские предметы	

5	Коновалов П. Б.	1973	Ильмовая падь	17	украшения, керамика, же- лезные изде- лия, бронзо- вые изделия	
6	Цыбикта- ров А. Д.	1981	Енхор	17	археологиче- ские предметы	имеется от- чет
		1982	Тамир, Малый Амбон	11	археологиче- ские предметы	
		1983	Верхний Торей, Джидинский район	81	археологиче- ские предметы	
		1988	Енхор	17	археологиче- ские предметы	
		1987	Енхор	409	керамика	
		1983	Чулуты, Жи- динский район и мог. Улзут	12	керамика	
		1982	мог. Улзут	22	археологиче- ские предметы	
	Итого:			1898		

В заключение хотелось бы отметить, что за указанный период было передано 1898 ед. хранения. Большинство этих предметов относится к культуре хунну, что свидетельствует об устойчивом научном интересе и потенциале этой тематики среди археологов как из других регионов, так и местных. Значительный материал имеется по бронзовому веку Бурятии.

Археологический материал представлен из археологических памятников Южной Бурятии (Кяхтинский, Джидинский, Селенгинский районы). В большинстве своем это материалы погребений (Ильмовая Падь, Дырестуйский култук, Улзут, Черемухова Падь и др.). Поселения представлены памятниками у с. Дурены и Енхор.

Археологические коллекции Кяхтинского краеведческого музея несут разностороннюю информацию об истории археологических культур на территории Бурятии. Привлечение к исследованиям уже имеющегося археологического материала позволяет быстрее погрузиться в эпоху, и использование отчетов и другой документации помогает понять контекст обнаружения этих материалов. Сегодня, так же как и во время работы А.П. Окладникова, видится необходимость издания каталога археологических коллекций Кяхтинского музея. В целом, работу по каталогизации археологических коллекций в Бурятии необходимо провести во всех учреждениях, где имеются коллекции. Такая работа позволит сохранить богатый археологический фонд Республики Бурятия.

Примечания

1. ИИМК РАН (Научный архив Института истории материальной культуры). Ф 2. 1929 г. Д. № 182.

2. Окладников А. П. История и культура Бурятии : сб. ст. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, Улан-Удэ, 1976. 460 с.

3. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 4663. Отчет о раскопках поселения сюнну у села Дурены, производившиеся в июле-августе 1975 г. / рук. работ А. В. Давыдов, доцент каф. археологии ЛГУ.
4. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 4734-23. Отчет о работах экспедиции в 1978 г. / рук. Давыдова А. В.
5. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 4823 Отчет о работах экспедиции в 1978 г. на поселение у с. Дурены / рук. А. В. Давыдова.
6. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, Улан-Удэ, 1976. 246 с.
7. Миняев С. С. Изучение погребений сюнну в Забайкалье // Археологические вести. 1992. № 1. С. 107-115.
8. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 4244-12. Отчет о раскопках в Ильмовой пади в сентябре 1972 г. / рук. П. Б. Коновалов.
9. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 5263-2. Отчет о полевых исследованиях летом 1981 г. в Южной Бурятии / рук. А. Д. Цыбиктаров. (прил., карты, план, чертежи, фотографии).
10. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 5263-1 Отчет о полевых исследованиях летом 1981 г. в Южной Бурятии / рук. А. Д. Цыбиктаров.
11. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 5633-2. Отчет о полевых исследованиях летом 1982 г. на юге Бурятской АССР / рук. А. Д. Цыбиктаров.
12. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 5633-3. Полевой дневник археологической экспедиции Кяхтинского краеведческого музея в 1983 г. А. Д. Цыбиктарова.
13. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. Д. № 5523-3 Полевой дневник археологических исследований Кяхтинского краеведческого музея в сезоне 1982 г. А. Д. Цыбиктарова.
14. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Основной фонд. № 5233-3 Южно-Бурятская экспедиция Кяхтинского краеведческого музея. Дневник № 1. 1981 г. А. Д. Цыбиктарова.
15. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Книга поступлений. Т. 3.
16. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Книга поступлений. Т. 4.
17. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Книга поступлений Т. 5.

References

1. Nauchnyj arkhiv Instituta istorii material'noj kul'tury [The scientific archive of the Institute of material culture history]. F. 2, 1929, C. № 182 [In Russ.].
2. Okladnikov A. P. Istorija i kul'tura Burjatii. Sbornik statej [History and culture of Buryatia: collection of articles]. Ulan-Ude, 1976. 460 p. [In Russ.].
3. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V.A. Obruceva. Osnovnoj fond. D. № 4663. Otchjet o raskopkax poselenija sjunnu u sela Dyreny, proizvodivshiesja v ijule-avguste 1975 g. [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. № 4663. The report about excavations of the settlement sunnu at the village Dyreny made in July-August of 1975] / superv. by Davydov A. V., associate professor of the archaeology department of LSU [In Russ.].

4. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 4734-23. Otchjet o rabotakh ekspedicii v 1978 g. [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. № 4734-23. The report about the expedition work in 1978] / superv. by Davydova A. V. [In Russ.].

5. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 4823 Otchjet o rabotax ekspedicii v 1978 g. [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 4823. The report about the expedition work in 1978] / superv. by Davydova A. V. [In Russ.].

6. Konovalov P. B. Khunnu v Zabajkal'je (pogrebal'nyje pamjatniki) [The Huns in Zabaikalye (burial monuments). Ulan-Ude, 1976. 246 p. [In Russ.].

7. Minyaev S. S. Izuchenije pogrebenij sjunnu v Zabajkal'je [Studying the sunnu burials in Zabaikalye] / Arkheologicheskije vesti [The archaeological news]. 1992. № 1. Pp. 107-115. [In Russ.].

8. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 4244-12. Otchjet o raskopkax v Il'movoj padi v sentyabre 1972 g. [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 4244-12. The report about excavations in Ilm deep in September 1972 / superv. by P. B. Konovalov [In Russ.].

9. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 5263-2. Otchjet o polevykh issledovanijakh letom 1981 g. v Juzhnoj Burjatii [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 5263-2. The report about the field studies in summer of 1981 in southern Buryatia] / superv. by A. D. Tsybiktarov (maps, plan, drafts, photos are attached) [In Russ.].

10. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 5263-1. Otchjet o polevykh issledovanijakh letom 1981 g. v Juzhnoj Burjatii [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 5263-1. The report about the field studies in summer of 1981 in southern Buryatia] / superv. by A. D. Tsybiktarov [In Russ.].

11. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 5633-2. Otchjet o polevykh issledovanijakh letom 1982 g. na juge Burjatskoj ASSR [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 5263-2. The report about the field studies in summer of 1982 in the south of the Buryat ASSR] / superv. by A. D. Tsybiktarov [In Russ.].

12. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V.A. Obrucheve. Osnovnoj fond. D. № 5633-2. Polevoj dnevnik arkheologicheskoy ekspedicii Kjakhtinskogo krajevedcheskogo muzeja v 1983 g. A. D. Cibiktarova [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 5633-2. The field diary of the archaeological expedition of Kyakhta local museum in 1983 of A.D. Tsybiktarov] [In Russ.].

13. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond № 5523-3. Polevoj dnevnik arkheologicheskoy ekspedicii Kjakhtinskogo krajevedcheskogo muzeja v sezone 1982 A. D. Cibiktarova [Kyakhta local museum named after V. A. Obruchev. The main fund. C. №. 5523-3. The field diary of the archaeological expedition of Kyakhta local museum in the season of 1983 of A.D. Tsybiktarov] [In Russ.].

14. Kjakhtinsky krajevedchesky muzej im. V. A. Obrucheve. Osnovnoj fond № 5533-3. Juzhno-Burjatskaja ekspedicija Kjakhtinskogo krajevedcheskogo muzeja. Dnevnik № 1. 1981 g. A. D. Cybiktarov [Kyakhta local museum named after V.A. Obruchev. The main fund. C. №. 5533-3. The southern Buryat expedition of Kyakhta local museum. Diary № 1. 1981 of A.D. Tsybiktarov] [In Russ.].

15. Kniga postuplenij Kyakhtinskogo krajevedcheskogo muzeja im. V. A. Obrucheve [The entry book of Khyakhta local museum named after V. M. Obruchev]. V.3 [In Russ.].

16. Kniga postuplenij Kyakhtinskogo krajevedcheskogo muzeja im. V. A. Obrucheva [The entry book of Khyakhta local museum named after V. M. Obruchev]. V.4 [In Russ.].

17. Kniga postuplenij Kyakhtinskogo krajevedcheskogo muzeja im. V. A. Obrucheva [The entry book of Khyakhta local museum named after V. M. Obruchev]. V.5 [In Russ.].

Базаров В. Б.

Bazarov V. B.

**МОНГОЛО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ К. XX - н. XXI вв.:
ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО «ТРЕТЬЕГО СОСЕДА»
МОНГОЛИИ¹**

**THE MONGOLIAN-JAPANESE RELATIONS AT THE END OF THE XXth -
BEGINNING OF THE XXIst CENTURIES: FORMATION OF THE EAST ASIAN
"THIRD NEIGHBOR" OF MONGOLIA**

В статье проанализировано развитие монголо-японских отношений в исторической ретроспективе, дана оценка изменениям во взаимоотношениях, характеру партнерства на разных этапах.

The article analyzes the development of the Mongolian-Japanese relations in historical retrospective, assesses changes in the relationships and partnership nature at different stages.

Ключевые слова: Монголо-японские отношения, "третий сосед", внешняя политика Монголии, внешнеторговый оборот, стратегическое партнерство.

Keywords: the Mongolian-Japanese relations, "third neighbor", foreign policy of Mongolia, foreign trade turnover, strategic partnership.

Дипломатические отношения между Японией и Монголией были установлены 24 февраля 1972 г. Качественно новый характер и масштабы стало приобретать сотрудничество Японии и Монголии в начале 1990-х гг., стимулированное не только демократическими реформами в Монголии, но и усилением курса Японии на развитие экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В годы монгольских реформ Япония стала главным международным донором Монголии — на нее приходится треть и более общего объема помощи, оказываемой этому государству странами-донорами. Сравнительно быстро, хотя и неравномерно, растет внешнеторговый товарооборот двух стран [8, с. 390]. Колебания в объемах внешнеторгового сотрудничества объясняются, в первую очередь, медленными темпами становления рыночной экономики Монголии, несбалансированностью ее на отраслевом уровне и рядом других причин, обусловленных переходным характером современного этапа ее развития.

В 1990-е гг. в структуре японо-монгольского сотрудничества большое место занимает безвозмездная помощь японского правительства. В период с 1991 по 2013 годы правительство Японии предоставило Монголии безвозмездную помощь в размере 102,3 млрд. иен, льготные кредиты в размере 77,3 млрд. иен, техническую помощь в размере 36,5 млрд. иен. Двусторонние отношения и сотрудничество расширяются из года в год [2].

В 2000-е гг. почти половина японских инвестиций была направлена в легкую промышленность Монголии, 12,6% – в культуру, искусство и образование,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4.«XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4)

12,7% – в телекоммуникацию, 5% – транспорт, 7,4% в добывающую промышленность и 5% в пищевую промышленность. Японские гиганты, такие как Митсуй, Сумитомо, Митсубиси и Иточу были сильно заинтересованы в инвестировании горнодобывающих проектов, таких как Оюутолгой, Тавантолгой [17]. Монголия, в свою очередь, поставляла сырьевой кашемир и кашемировые изделия, которые служили основой монгольского экспорта в Японию (около 60%), текстиль (23%), медь (5,4%) и др. товары.

На международной арене Монголия и Япония ведут согласованную политику в ООН, регулярно проводятся встречи на высшем уровне, идет сотрудничество в гуманитарной сфере.

Серьезный вклад Японии лежит в области научно-технической поддержки монгольских инфраструктурных проектов, таких как реконструкция Улан-Баторской ТЭЦ-4, также в поддержке объектов социально-экономического значения: в 10 районах капитально отремонтированы и оснащены новейшим учебным оборудованием общеобразовательные школы, поставлена партия автобусов для общественного транспорта Улан-Батора, построен комбинат по производству кашемира Гоби, продукция которого стала брэндом национального производства Монголии. В рамках программы «Корень травы» реализуется ряд проектов в отраслях аграрного сектора, животноводства. Постепенно помощь Японии из сферы обслуживания и услуг перемещается в разработку минеральных ресурсов, строительство дорог, объектов энергетики, развитие коммуникаций. В числе новых проектов строительство крупного международного аэропорта. Расширяется сотрудничество в развитии человеческого ресурса, т.е. образовании, здравоохранении, в обеспечении населения чистой водой и т.д.

В начале 2000-х гг. нарастает межправительственный диалог, Премьеры двух стран встречаются с периодичностью раз в 4 месяца, такого регулярного контакта у монгольского руководства в этот период нет с партнерами ни с одной другой страны.

По приглашению Премьер-министра Монголии М.Энхболда 10 августа 2006 года в г. Улан-Батор с двухдневным официальным визитом прибыл Премьер-министр Японии Д. Коидзуми [3]. В рамках этого визита были озвучены основные направления взаимодействия между государствами, подписана нота о двустороннем сотрудничестве. Что интересно, на пресс-конференции пресс-секретарь правительства Японии Н. Шиката подчеркнул, что Монголия является ведущим партнером Японии в Азии.

В рамках официального визита Президента Монголии в Японию феврале 2007 г. прошла встреча между Премьер-министром Японии Синдзо Абэ и Президентом Монголии Н. Энхбаяром [4]. В результате переговоров главы государств подписали монголо-японское совместное заявление и 10-летнюю программу сотрудничества между Монголией и Японией.

Анализируя данные внешнеторговых отношений Монголии и Японии за период 2005-2013 гг. видно, что доля японского товарооборота довольно низка, но наблюдается постоянный рост с редкими падениями, обусловленными снижением всего торгового оборота Монголии из-за последствий экономического кризиса 2008 г. [9]. Также видно, что и экспорт, и импорт демонстрировали стабильный рост, за исключением упомянутых выше падений.

Стабильное развитие торгово-экономических отношений продолжается на фоне активных двусторонних дипломатических отношений.

9-11 февраля 2015 года Премьер-министр Монголии Ч. Сайханбилэг находился с официальным визитом в Японии. В результате переговоров с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ было подписано «Соглашение о монголо-японском

экономическом партнерстве» [10], что придало новый статус монголо-японским отношениям, теперь они будут рассматриваться в рамках стратегического партнерства.

22 октября 2015 года с официальным визитом Премьер-министр Японии Синдзо Абэ прибыл в Монголию. Был подписан Межправительственный меморандум о сотрудничестве по реализации проектов строительства железнодорожной линии на восток от месторождения Тавантолгой и другими соответствующими инфраструктурными проектами.

12-15 октября 2016 года премьер-министр Ж.Эрдэнэбат находился с официальным визитом в Японии. В рамках визита прошли официальные переговоры с Премьер-министром Синдзо Абэ. В совместном заявлении не раз подчеркивались важность и приоритетность монголо-японских отношений для Монголии. Стороны договорились разработать новую среднесрочную программу по развитию монголо-японского стратегического партнерства в 2017-2021 гг., отразив в ней ключевые работы, необходимые для реализации в предстоящие четыре года.

30 августа 2017 года в г. Улан-Батор состоялась трехсторонняя встреча представителей министерств иностранных дел Монголии, США и Японии. Формат этого мероприятия представляет собой платформу по обмену мнениями по вопросам международного, регионального сотрудничества и экономической интеграции Монголии с Японией и США. В этот раз представители Японии и Соединенных Штатов выразили надежду, что Монголия полностью выполнит свои обязательства, согласованные с МВФ в рамках реализации расширенной программы финансирования. Также японская и американская стороны отметили конкурентные преимущества монгольского сельскохозяйственного сектора и выразили желание сотрудничать с Монголией в реализации проектов в области возобновляемых источников энергии [11].

6-7 сентября 2017 года Президент Монголии Х. Баттулга принял участие в Восточном экономическом форуме в г. Владивосток. В первый же день форума он встретился с премьер-министром Японии Синдзо Абэ. В беседе стороны обсудили вопрос создания в порту региона Дальнего Востока совместную хозяйственную единицу по поставке коксующегося угля из угольного месторождения Тавантолгой. Премьер-министр Синдзо Абэ предложил наладить тесное сотрудничество в области обороны, в том числе в решении северокорейской проблемы. Отметив, что правительство Японии решило предоставить Монголии долгосрочный кредит размере 850 млн. долларов США, Синдзо Абэ подчеркнул, что он поддерживает проводимую Монголией политику по обеспечению выхода к морю, по поддержке баланса во внешней политике и расширения экономических связей [14].

21-25 февраля 2018 года министр иностранных дел Монголии Д.Цогтбаатар посетил Японию с официальным визитом. Официально, целями визита были укрепление политических отношений с Японией, расширение экономического сотрудничества, обеспечение реализации Среднесрочной программы по стратегическому партнерству (2017-2021 гг.) и Соглашения об экономическом партнерстве [6]. Но в рамках данного визита обсуждались и другие политические вопросы. Например, в ходе встречи министра иностранных дел Японии Таро Коно и его монгольским коллегой Д. Цогтбаатар в г. Токио, стороны договорились усилить давление на Северную Корею, мотивируя тем, что Северная Корея продолжает развивать свою ядерную и ракетную программы, угрожая безопасности в регионе. Также господин Коно попросил монгольскую сторону о поддержке в поиске решения проблемы похищений японских граждан спецслужбами Северной Кореи. При этом подчеркнул, что Монголия должна в скорейшем порядке принять меры жесткой экономии, необходи-

мые для получения финансовой помощи от Международного валютного фонда и других организаций [15].

Также в рамках визита министр иностранных дел Д. Цогтбаатар провёл встречи с министром экономики, промышленности и торговли Японии Хиросигэ Сэко, с вице-президентом Японского банка международного сотрудничества Т.Маэда [5] и принял участие в монголо-японском бизнес-форуме [7].

26 апреля 2018 года в г. Токио состоялась трехсторонняя встреча представителей Министерств иностранных дел Монголии, Японии и США. Монгольскую делегацию на этой встрече возглавил госсекретарь МИД Д.Даваасурэн, американскую сторону – исполняющая обязанности помощника Госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Госдепартамента США г-жа С.Торнтон, японскую сторону – генеральный директор Департамента по Азиатско-Тихоокеанскому региону МИД Японии К.Канасуги. Стороны обменялись мнениями по вопросам обеспечения мира и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии: денуклеаризация Корейского полуострова, координация деятельности по вопросам общих интересов на международном и региональном уровнях. Также японская и американская стороны выразили готовность поддержать Монголию в региональной интеграции [1].

11-13 сентября 2018 года во Владивостоке состоялся IV Восточный экономический форум (ВЭФ), в котором приняли участие Президент Монголии Х.Баттулга, Президент России В.В.Путин, председатель КНР Си Цзиньпин, Премьер-министр Японии Синдзо Абэ, Премьер-министр Республики Корея Ли Нак Ён и др. В рамках данного форума Президент Монголии Х.Баттулга провел встречу с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ. Президент Монголии выразил заинтересованность в создании энергетической суперсети Северо-Восточной Азии, расширении сотрудничества с Японией в сферах туризма, сельского хозяйства и строительства «экогорода». Стороны обменялись мнениями по вопросам экономического сотрудничества, увеличения объема экспорта Монголии в Японию и обеспечения региональной безопасности [12].

13 декабря 2018 года Премьер-министр Монголии У. Хурэлсух и Премьер-министр Японии Синдзо Абэ провели официальные переговоры в г. Токио. Из 14 пунктов совместного заявления следует выделить договоренность о дальнейшем укреплении стратегического партнерства между двумя государствами, презентацию хода реализации «Среднесрочной программы стратегического партнерства». Также Премьер-министры двух стран выразили надежду, что новый международный аэропорт в г. Улан-Батор станет символом сотрудничества и сыграет важную роль в расширении контактов между народами Монголии и Японии. Главы правительств согласились сотрудничать в реализации инициативы «Свободный и открытый Индийско-Тихоокеанский регион», которая нацелена на поддержку интеграции, открытое развитие и сотрудничество между государствами региона [13].

19 апреля 2019 года министр труда и социальной защиты С. Чинзориг и министр юстиции Такаши Ямашитой подписали Меморандум о взаимопонимании для совместной реализации рабочей силы из Монголии. Этот меморандум позволяет гражданам Монголии работать в равных трудовых условиях с японцами на территории Японии. Напомним, что в 2018 году Монголия вошла в число девяти стран, которым разрешено поставлять в Японию рабочую силу в соответствии с пересмотренным законом об иммиграционном контроле. Граждане Монголии имеют возможность устроиться на работу в 14 секторах, таких как строительство, гостиничный бизнес, сельское хозяйство, медицина, судостроение и пр. [16].

Таким образом, монголо-японские отношения, официально стартовавшие около полувека назад, реальное развитие получили только в постсоветский период. Монголия в переходный период, как и большинство стран бывшего соц. лагеря, ис-

пытывала кризис, как экономического и политического характера, сопровождаемый идеологическим сломом «старых» форм идентификации страны в «новом» мире. Япония получила прекрасный исторический шанс реализовать себя на освободившемся от влияния Советского Союза пространстве. Она демонстративно возглавила донорскую помощь Монголии и вовлекла в оборот этого движения остальные развитые страны. Не снижая принятых темпов в организации безвозмездной помощи и льготного кредитования, Япония стала внимательно изучать геополитические и геоэкономические перспективы своих дальнейших действий, усиливая свои взаимоотношения не только за счет известных инициатив гуманитарного содержания, но и комплексной системой подготовки и переобучения квалифицированных кадров.

В 1990-е гг. неспешный внешнеполитический диалог между Монголией и Японией сопровождается поступательным увеличением торгового оборота между этими странами и постоянным вливанием японской финансовой помощи, инвестиций в экономику Монголии. Японские инвестиции носили инфраструктурный характер с постепенным вовлечением объектов горнорудной промышленности Монголии. Постепенно идет нарастание внешнеполитического диалога между государствами, увеличивая японскую доминанту во внешней политике Монголии, как основного «третьего» соседа.

В 2000-х гг. монголо-японские отношения выстраиваются в русле стратегического партнёрства, раскрывается геополитическая роль Монголии с позиции равноправного и важного союзника в регионе Северо-Восточной Азии. Монголия для Японии и др. стран становится посредником в «северокорейском» вопросе, необходимым партнером в обеспечении безопасности в регионе.

Примечания

1. В Токио состоялась трёхсторонняя встреча представителей Монголии, Японии и США // Montsame. Mongolian News Agency. 27.04.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/163420> (дата обращения: 10.08.2019).

2. В Торгово-промышленной палате Монголии прошла встреча с делегатами города Осака // Montsame. Mongolian News Agency. 27.09.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/165869> (дата обращения: 10.08.2019).

3. Визит премьер-министра Японии Д. Коидзуми // Открытый мир Азии : дайджест. 2006. №60. URL: http://owasia.ru/digest_2006+M5d1b491d8fa.html#1 (дата обращения: 15.04.2017).

4. Визит Президента Монголии Н. Энхбаяра в Японию // Открытый мир Азии : обзор 2007. №6. URL: http://www.owasia.ru/digest_2007+M549a7ffd5f5.html#1 (дата обращения: 15.04.2017).

5. Глава МИД провёл ряд встреч с представителями японских организаций // Montsame. Mongolian News Agency. 26.02.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/162787> (дата обращения: 10.08.2019).

6. Глава МИД Монголии совершит официальный визит в Японию // Montsame. Mongolian News Agency. 19.02.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/162720> (дата обращения: 10.08.2019).

7. Глава МИД Д. Цогтбаатар принял участие в монголо-японском бизнес-форуме в Токио // Montsame. Mongolian News Agency. 27.02.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/162797> (дата обращения: 10.08.2019).

8. История Монголии. XX век / под ред. Р. Б. Рыбакова. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.

9. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл, 2013 : статистический сборник Монголии. Улан-Батор, 2014. 274 с.

10. Монгольский кашемир и водка готовятся покорять Японию // Asia Russia Daily. 26.10.2015. URL: <http://asiarussia.ru/news/9638/> (дата обращения: 15.04. 2017).
11. Монголия будет сотрудничать с США и Японией в области ВИЭ // Montsame. Mongolian News Agency. 31.08.2017. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/161201> (дата обращения: 10.08.2019).
12. Президент Х. Баттулга провел встречу с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Montsame. Mongolian News Agency. 12.09.2018 URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/164491> (дата обращения: 10.08.2019).
13. Премьер-министры Монголии и Японии выступили с совместным заявлением по итогам переговоров // Montsame. Mongolian News Agency. 14.12.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/174387> (дата обращения: 10.08.2019).
14. Премьер министр Японии Синдзо Абэ нанес визит Президенту Монголии // Montsame. Mongolian News Agency. 06.09.2017. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/161226> (дата обращения: 10.08.2019).
15. Япония и Монголия договорились усилить давление на Северную Корею // Polpred. Новостное агентство. 23.02.2018. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2506878&searchtext=%EC%EE%ED%E3%EE%EB%E8%FF%20%FF%EF%EE%ED%E8%FF (дата обращения: 10.08. 2019).
16. Япония нуждается в рабочей силе из Монголии // Montsame. Mongolian News Agency. 19.04.2019. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/186782> (дата обращения: 10.08.2019).
17. Diplomatic bluebook. 2006 / Ministry of Foreign Affairs, Mongolia 2006. С. 158-159.

References

1. V Tokio sostojalas' trjokhstoronnjaja vstrecha predstavitelej Mongolii, Japonii i SSHA [The tripartite meeting of the representatives from Mongolia, Japan and the USA took part in Tokyo] // Montsame. Mongolian News Agency 27.04.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/163420> (10.08.2019) [In Russ.].
2. V Torgovo-promyshlennoj palate Mongolii proshla vstrecha s delegatami goroda Osaka [The meeting of the delegates of the city Osaka took place in the Commerce and industry chamber] // Montsame. Mongolian News Agency 27.09.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/165869> (10.08.2019) [In Russ.].
3. Vizit prem'jer-ministra Japonii D. Koidzumi [The visit of the Prime-Minister D. Koidzumi] // Otkrytyj mir Azii : dajdzhest [The open world of Asia : digest]. 2006. №60, URL: http://owasia.ru/digest_2006+M5d1b491d8fa.html#1 (15.04.2017 [In Russ.].
4. Vizit Prezidenta Mongolii N. Enkhbajara v Japoniju [The visit of the President of Mongolia N. Enkhbayar to Japan] // Otkrytyj mir Azii [The open world of Asia]. 2006. №6 URL: http://www.owasia.ru/digest_2007+M549a7ffd5f5.html#1 (15.04.2017) [In Russ.].
5. Glava MID provjol rjad vstrech s predstaviteljami japonskkih organizacij [The head of the Ministry of Foreign Affairs made several meetings with the representatives of the Japanese organizations] // Montsame. Mongolian News Agency 26.02. 2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/162787> (10.08.2019) [In Russ.].
6. Glava MID Mongolii sovershit oficial'nyj vizit v Japoniju [The head of the Ministry of Foreign Affairs will make an official visit to Japan] // Montsame. Mongolian News Agency 19.02.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/162720> (10.08.2019).
7. Glava MID D. Cogtbaatar prinjal uchastije v mongolo-yaponskom biznes-forume v Tokio [The head of the Ministry of Foreign Affairs D. Tsogtbaatar participated in the Mongolian-Japanese business forum in Tokyo] // Montsame. Mongolian News

Agency 27.02.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/162797> (10.08.2019) [In Russ.].

8. Istorija Mongolii. XX vek [History of Mongolia. The XXth century] /ed. by R.B. Rybakov. 2007. M., 448 p. [In Russ.].

9. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл : Statisticheskij sbornik Mongolii [Statistical collection of Mongolia]. Ulaan-Baatar, 2014. 274 p. [In Mong.].

10. Mongol'skij kashemir i vodka gotovjatsja pokorjat' Japoniju [The Mongolian cashmere and vodka are going to conquer Japan]. // Asia Russia Daily 26.10.2015. URL: <http://asiarussia.ru/news/9638/> (15.04.2017) [In Russ.].

11. Mongolija budet sotrudnicat' s SSHA i Japoniej v oblasti VIE [Mongolia will cooperate with the USA in the field of VIE] // Montsame. Mongolian News Agency 31.08.2017. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/161201> (10.08.2019) [In Russ.].

12. Prezident H. Battulga provjel vstrechu s Prem'jer-ministrom Japonii Sindzo Abe [The President Kh. Battulga met the Prime-Minister of Japan Sindzo Abe] // Montsame. Mongolian News Agency 12.09. 2018 URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/164491> (10.08.2019). [In Russ.].

13. Prem'jer-ministry Mongolii i Japonii vystupili s sovmestnym zajavleniem po itogam peregovorov [The Prime-Ministers of Mongolia and Japan made a joint statement concerning the negotiations results] // Montsame. Mongolian News Agency 14.12.2018. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/174387> (10.08.2019) [In Russ.].

14. Prem'jer ministr Japonii Sindzo Abe nanjes vizit Prezidentu Mongolii [The Prime Minister of Japan Sindzo Abe visited the President of Mongolia] // Montsame. Mongolian News Agency 06.09.2017. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/161226> (10.08.2019) [In Russ.].

15. Japonija i Mongolija dogovorilis' usilit' davlenije na Severnuju Koreju [Japan and Mongolia agreed to strengthen the influence on North Korea] // Polpred. Novostnoje agentstvo [Polpred. The news agency] 23.02.2018. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2506878&searchtext=%EC%EE%ED%E3%EE%EB%E8%FF%20%FF%EF%EE%ED%E8%FF (10.08. 2019) [In Russ.].

16. Japonija nuzhdaetsja v rabochej sile iz Mongolii [Japan needs the work force from Mongolia] // Montsame. Mongolian News Agency 19.04.2019. URL: <https://www.montsame.gov.mn/ru/read/186782> (10.08.2019) [In Russ.].

17. Diplomatic bluebook. 2006 / Ministry of Foreign Affairs, Mongolia 2006. Pp. 158-159 [In Engl.].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-4-12-69-74

УДК 243.4

Лощенков А. В.

Loschenkov A. V.

УМ КАК ОБЪЕКТ МЕДИТАЦИИ В ТРАДИЦИИ ЛАМРИМ¹

MIND AS AN OBJECT OF MEDITATION IN THE LAMRIM TRADITION

На основе перевода текста «Ламрим «Быстрый путь к всеведению» исследован раздел о «Методе обучения шаматхе – сущности парамиты сосредоточения» данного текста. Установлено, что наряду с таким традиционным объектом для развития сосредоточения как образ Будды, приведены техники медитации на ум. Данный текст ламрима приводит силовые техники пресечения препятствий для развития сосредоточения, относящиеся к элементам тантрической практики, используемые в конкретных визуализациях.

Based on the translation of «Lamrim "The quick way to omniscience" the section of the "Method of teaching shamatkha – the essence of paramita of concentration" of this text has been studied. It is ascertained that alongside with such a traditional object for concentration development as the image of Buddha, the techniques of mind meditation are given. This Lamrim text brings power techniques to suppress the obstacles for the development of concentration related to the elements of tantric practice used in concrete visualizations.

Ключевые слова: ламрим «Быстрый путь», медитация, гелуг, шаматха, махамудра.

Keywords: lamrim «The quick way», meditation, gelug, shamatkha, mkahamudra.

Человек в современном мире подвергается различного рода информационным перегрузкам, которые приводят к стрессам. Подобная ситуация побуждает искать новые методы в образовании, позволяющие за меньшие сроки обучения осваивать сложный материал. Возникает насущная необходимость справляться как с дефицитом внимания, снятием стресса, так с проблемами собственной систематизации знаний. Для решения определенной части проблем, все чаще предлагаются различные техники релаксации и медитации. Если релаксация представляет собой некое расслабление и отстранение от интенсивных раздражителей, то медитации приписывается не только возможность полного погружения в себя, но и обретение духовного спокойствия, гармонии, вплоть до возможности развития интуиции и некоего инсайта-прозрения. В восточной культуре техники медитации разрабатывались еще в глубокой древности и были апробированы многими поколениями восточных мудрецов. Сложилась проверенная веками система данной практики. Это обеспечивало не только безопасность ее применения, но и гарантировало достиже-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (ХИ.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, № АААА-А17-117021310263-7).

ние ожидаемого результата. Система медитативной практики была зафиксирована в письменном виде, вокруг этого сложилась комментаторская традиция.

Обзор в данной статье опирается на комментаторскую традицию ламрим в тибетской школе гелуг. Ламрим как способ поэтапного освоения буддийского пути включает в себя практики начального, среднего и высшего уровня. Тренировка ума осуществляется на всех этапах пути, но методики достижения совершенного сосредоточения традиционно описываются в разделе, посвященном практикам для высшей личности, а именно при объяснении парамиты (запредельного совершенства) сосредоточения.

Для понимания такой категории феноменов, как ум, вначале необходимо дать общее пояснение относительно определения ума с точки зрения тибетской буддийской традиции. В дальнейшем это будет представлено более развернуто. Ум (blo) характеризуется следующими аспектами и первый из них – это ясность (gsal). Данная характеристика указывает на чистоту ума, которая является его природным свойством, и подчеркивает временность таких загрязнений, как страсть, гнев и неведение. В силу отсутствия в природе ума негативных качеств и зависимость последних от причин, буддийская традиция обосновывает возможность полного их устранения посредством противодействующих им факторов. Вторая характеристика присущая уму – это способность к познанию (rig). Так, когда перед умом предстает некий объект, он способен его познать. При этом термины ум и сознание являются равнозначными [4, с. 56; 1, с. 380]. Таким образом, эти характеристики служат базисом, как для очищения искажений ума, так и для его всестороннего развития с помощью специфических медитативных техник.

Следующий вопрос, требующий прояснения, это «Что представляет собой медитация». Ее тибетское название «гом» (sgom), что означает приучения себя к позитивному образу мышления. Все многообразие видов медитаций подразделяется на две группы: аналитическая (dpyad-sgom) и однонаправленная ('jog-sgom). Аналитическая медитация подразумевает не просто размышления о разнородных объектах, но системное исследование при опоре на сущностные положения, касающиеся каждой темы, используя логику, цитаты из коренных источников и примеры. В результате анализа практик приходит к четкому пониманию и контролю над положениями темы, что означает навык в применении необходимых доводов для обретения убежденности в положениях буддийского учения. При однонаправленной медитации ум удерживается на одном объекте, при этом не проводится никакого дискурса, а объектом сосредоточения является ментальный образ. Без развитой способности к сосредоточению, из-за отсутствия стабильности, когда ум через небольшой промежуток времени теряет объект внимания и мечется с одного предмета на другой, нет возможности отбросить когнитивные проблемы. По этой же причине нет возможности глубоко развивать свой ум.

На пути к достижению цели медитации важным является знание того, от каких ложных представлений или ошибок следует избавляться, и какие противодействующие факторы служат этому. Таким образом, по каждой теме медитации есть два объекта реализации: то, что нужно устранить (spang-bya), и то, что нужно осуществить (sgrub-bya). Совершенное сосредоточение называется шаматха (zhi-gnas). Полное определение шаматхи согласно буддийскому ученому Чже Цонкапе (135-1419) дано в «Большом Ламриме»: «Шаматха – это состояние однонаправленного сосредоточения, при котором ум способен пребывать на объекте сколь угодно долго без отвлечений, без каких-либо ошибок медитации, и когда он исполнен безмятежности и блаженства» [7, с. 795; 3, с. 38].

Существует множество объектов для достижения шаматхи и в зависимости от предпочтений, способностей и интеллектуального уровня выбирается подходящий для практики и конкретной ситуации. Этот вопрос подробно освещен в «Большом

шом» [7, с. 824-830] и «Среднем» [8, с. 364-366] ламримах Чже Цонкапы, где дана полная классификация объектов для развития сосредоточения. Коротко говоря, существует множество возможных таких объектов: можно концентрироваться, взяв за основу внешний объект или что-то, находящееся согласно описанию буддийского микрокосмоса внутри нашего тела, например на энергетических каплях, визуализируемых слогах и так далее.

Среди многих текстов категории ламрим, написанных в Тибете, а только в традиции гелуг выделяют восемнадцать наиболее значимых, существует восемь великих текстов Ламримов, которые считаются исключительно важными. Это обширный, средний и краткий тексты Ламрим Чже Цонкапы, тексты, написанные Первым и Вторым Панчен-ламами, Ламримы Третьего и Пятого Далай-лам и Ламрим Дакпо Ринпоче Наванг Дакпы. Вместе с тем практически во всех текстах Ламрим традиции гелуг наилучшим объектом признается образ Будды. Даже в Ламримае «Путь к блаженству» Первого Панчен-ламы, который составил помимо прочего подробные руководства по практике махамудры (*phyag-gyu chen-po*), где применяются техники медитации на относительную и абсолютную природу ума, нет упоминания о такой опоре как ум.

С другой стороны, нет крайней необходимости в том, чтобы объектом медитации был образ Будды. Тем более в наше время, согласно наставлениям современных буддийских учителей, в связи с наличием готового визуального материала и множества притягательных объектов, из-за привязанности к которым возникает отвлечение, возникают трудности даже с простой визуализацией.

Наше исследование практики медитации опирается на Ламрим «Быстрый Путь». Полное название текста: «Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: обнаженное руководство по этапам пути просветления» (*byang-chub lam-gyi rim-pa'i dmar-khrid thams-cad mkhyen-par bgrod-pa'i myur-lam*) Второго Панчен-ламы Лосанга Еше (1663-1737) в нашем переводе, где описаны техники медитации на ум в разделе о «Методы обучения шаматхе – сущности парамиты сосредоточения». В данном разделе автор приводит многие положения из текста по махамудре своего предшественника Первого Панчен-ламы Лосанга Чогьена (1567-1662), под названием «Махамудра традиции гелуг-кагью» (*dge-ldan bka'-rgyud rin-po-che'i phyag-chen rtsa-ba rgyal-ba'i gzhung-lam*) [5; 9]. Поскольку исследуемый текст Ламрим содержит также элементы тантрической практики, излагаемые в нем методы позволяют обрести реализации гораздо быстрее и легче, чем практики, выполняемые только в *Колеснице Совершенств* (Парамитаяна), относящейся к практикам сутр. Тантрическая практика изобилует множеством разнообразных техник для работы на разных уровнях ума. Считается, что тем тоньше ум, служащий основой для практики, тем эффективнее происходят его изменения, которые затем могут быть транслированы на его грубые уровни проявления. С другой стороны, описывается связь состояний ума как с грубыми физиологическими изменениями, так и с тонкой «ваджрной анатомией», с присущей ей описанием энергетических каналов, капель и чакр. Таким образом, управляя различными физиологическими процессами в их грубой и тонкой формах, при помощи медитативных йогических техник практик способен оказывать влияние на весь спектр состояний сознания.

Иногда, как рекомендует Чже Цонкапа в своей краткой версии Ламрима, или как говорит Панчен-лама в комментариях на махамудру, если конечной целью человека, практикующего тантру, является преобразование всех энергетических потоков и грубого уровня ума в тонкий ум и энергию, то достижение шаматхи посредством медитации на свой собственный ум очень плодотворно и в будущем принесет значимые результаты [2]. Для этого необходимо с целью ознакомления получить введение в относительную природу ума. В техниках махамудры объясняется, что такое естественное состояние ума и каким образом удерживать его в качестве объ-

екта медитации. В первую очередь важно понять, каково грубое состояние сознания. В процессе практики медитации на какой-либо образ необходимо тренироваться сразу в двух вещах: визуализации (gsal-'debs) и сосредоточении (ting-nge-'dzin, санскр. самадхи). Тогда как медитация, объектом которой является ум, не требует никаких визуализаций и считается даже грубейшей ошибкой, сводящей на нет всю практику сосредоточения.

Сам процесс развития разделяется на четыре фазы: поиск объекта сосредоточения, обнаружение, удержание и пребывание на нем. При установлении ума на объекте вначале необходимо безошибочно обнаружить сам объект. Для этого нужно быть с ним предварительно ознакомленным. Характеризуя ум, указывают два его главных качества. Это ясность и осознанность, или познающая способность. Ясность – это то, что позволяет беспрепятственно возникнуть соответствующему аспекту переживания. В этом отношении ум подобен зеркалу, когда в нем на внешнем не на неконцептуальном уровне беспрепятственно возникает отражение. Осознание же есть такое проникновение в объект, что он становится непосредственно понятным тем или иным образом. Другими словами, можно сказать, что ясность и осознание представляют собой отсутствие помех, препятствующих тому, чтобы нечто было воспринято и понято. Так традиционно описывается относительная природа ума. Есть шесть видов первичного ума, пять из которых имеют отношение к чувственному восприятию. Это обонятельное, осязательное, зрительное, слуховое и вкусовое сознания. В данном случае объектом медитации является грубый первичный ум, точнее шестой вид первичного ума, называемый ментальным сознанием. Пребывание на нем позволяет сделать все виды чувственного восприятия менее активными, поскольку последние возникают из первичного ментального сознания. Распознав этот естественный ум в его состоянии простой ясности и осознанности, затем используют его в качестве объекта медитации, просто пребывая с ним. После того, как практик с уверенностью определил и распознал его, следует прочно удерживать это осознание силой памятования [3, с. 119].

Процесс медитации в традиции махамудры представлен следующим образом. Неопитам, у которых не сложилось полное представление о практике, при сосредоточении на ум трудно идентифицировать, что же необходимо созерцать: ум, пространство или просто пребывать в неконцептуальности. Поэтому в медитации на ясный свет, являющийся наитончайшим уровнем ума, необходимо делать акцент на второй характеристике ума, на его познающей способности, и это называется «ригпа» (rig-pa). В учениях махамудры и дзогчен этот термин упоминается довольно часто. «Ригпа» же означает осознанность познания, и это не есть что-то запредельное и особенное. Для развития сосредоточения также используется определенный вид расслабления. В целом существует множество форм такого состояния. Его непосредственная цель – это устранение изъема устремленности мысли к объектам привязанности, что приводит к такой ошибке медитации, как блуждание ума (rgod-ra). В данном случае это понятие охватывает собой все потоки мыслей и эмоций, таких как негодование, сомнение, злонамеренность и т.п. Медитирующий в межсессионных промежутках должен заниматься усмирением ментальных отвлечений. Способ усмирения их заключается в распознавании негативных последствий ментальной рассеянности в целом, и вожделения и т.п. в частности. Однако когда сила внимательности и бдительности ослабевает, неискusstvenное расслабление приводит к тому, что ум погружается в полусознательный ступор (tmugs-pa). В таком состоянии, хотя и нет рассеянности и блуждания, это служит условием для притупленности ума, когда ни ум, ни объект не становятся ясными. Обучающиеся должны на практике понять надлежащую меру и время, чтобы найти равновесие между напряжением и расслаблением. Таким образом начинающие должны учиться поддерживать ум в определенном расслабленном состоянии.

Если даже опираясь на внимательность и бдительность, ум не пребывает на

объекте медитации и устремляется к объектам привязанности – это называется грубым блужданием. В качестве противоядия от него рекомендуется медитировать на непостоянство, страдания трех низших миров и сансары в целом. Когда и это не помогает, то, как это изложено в тексте, следует использовать сущностные наставления об отсечении блуждания принудительными «силовыми» способами (btsan thabs). Считается, что некоторые энергии дают подпитку определенным концептуальным мыслям, приводящим к блужданию ума. Пресечение энергетической подпитки лишает их силы. В тексте приводится несколько подобного рода техник. Говорится, что необходимо, не отвлекаясь, до пяти раз выполнить вдох-выдох. Затем десять, пятнадцать и двадцать пять раз, постепенно делая дыхательный цикл все более долгим, концентрируясь, не отвлекаясь, на дыхании. Или же предлагается еще один способ, основанный на традиционной схеме, описывающей циркуляцию энергии в теле человека. Необходимо белый ветер, движущийся вверх (steng glung) и выходящий из двух ноздрей, визуализацией направить вниз, а желтый ветер, очищающий вниз (thug sel), направить в противоположную сторону – вверх. Затем объединить их в области живота как в кувшинном, брюшном, дыхании (bun-ra-can, санскр. кумбхака) [6, с. 162]. Таким образом, концентрация на дыхание позволяет привести ум в нейтральное состояние, а визуализации на потоках в энергетических каналах успокоит более глубокие факторы, будоражащие ум.

Приведем фрагмент из тибетского текста, где описывается соразмерность напряжения и расслабления:

«Так, некоторые говорят, что когда медитируешь на ум, то [результат] появляется легче, чем при таких опорах визуализации, как тело божества и тому подобное. Этот метод таков. Отбросив все концепции относительно надежд на получение хорошего результата и опасений появления неудач, не изменяя ничего в уме, породив ясность и яркость, зафиксируйте на этом ум. Подумайте, что установили ум в качестве объекта восприятия. Не постигая какие-либо другие объекты, установите внимательность на ясности собственной природы ума. Когда возникнут концепции о других объектах, то без промедления отсекайте их и установите внимательность на прежнюю воспринимаемую опору, прибавляя к одному состоянию внимательности еще одно. Это подразумевается в сказанном [Панчен-ламой I в тексте по махамудре]: "Искусный фехтовальщик, лишь только возникли концепции, сразу же их отсекает. А завершив отсечение, свободно расслабляется, не теряя внимательности в этом состоянии. Будучи крепко сосредоточенным и свободно расслабленным, он пребывает в этом установлении ума". Так, для начинающих методом легкого осуществления [деяти] стадий развития сосредоточения является ознакомление с относительной природой (sems-kyi kun-rdzob-kyi gnas-lugs) ума, который в то же время не является способом ознакомления с его абсолютной природой (sems-kyi gnas-lugs mthar-thug)» [6, с. 159].

Комментарий на тибетский текст Ламрим «Быстрый путь к всеведению» является наиболее передаваемым во время учений для буддистов-мирян, а становясь доступным для понимания, способствует увеличению числа слушателей и вовлеченности в практику медитации. Упоминание о данной технике отсутствует в соответствующих разделах восьми базовых руководствах по поэтапному пути (ламрим) в традиции гелуг. Таким образом, это выделяет данный ламрим из ряда такой литературы, а легкое практическое изложение материала делает подобные практики популярными среди практикующих. При медитации на какой-либо образ необходимо упражняться сразу в двух вещах: визуализации и сосредоточении. Это создает ряд трудностей для новичков и вынуждает их тратить гораздо больше времени на начальные стадии развития концентрации. Основными препятствиями для прогресса являются блуждание ума и его притупленность. Приведенные в данном «Ламрime» «силовые» техники относятся к элементам тантрической практики, и выполняются на основе определенных визуализаций. Данная информация имеет своим происхож-

дением традицию устных сущностных комментариев, часть которой была зафиксирована в рассмотренном тексте.

Примечания

1. Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм : энцикл. словарь. М. : Ориенталия, 2011. 448 с.
2. Далай-лама. Путь к блаженству. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/dalpath3.htm> (дата обращения: 20.09.2019).
3. Геше Джампа Тинлей. Шаматха и махамудра. Новосибирск : Дже Цонкапа, 2013. 423 с.
4. Донец А. М. Базовая система дхармических категорий буддийских философов центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 198 с.
5. Махамудра традиции гелуг-кагью. М. : Открытый мир, 2008. 464 с.
6. Панчен-лама Лосанг Еше. Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: Обновленное руководство по этапам пути просветления / пер. с тибет., коммент. и прил. А. В. Лощенкова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
7. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения : пер. с тибет. 3-е изд., испр. СПб. : Изд-е А. Терентьева, 2010. 1592 с.
8. Чже Цонкапа. Сокращенное руководство к этапам пути Пробуждения (Средний Ламрим). М. : Фонд «Сохраним Тибет», 2016. 656 с.
9. Buddhist Digital Resource Center. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutlineO3LS137854CZ80343%7CW9848. (дата обращения: 20.09.2019).

References

1. Androsov V. P. Indo-tibetskij buddizm. Enciklopedicheskiy slovar': monografija [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic dictionary: monograph]. M., 2011. 448 p. [In Russ.].
2. Dalai-lama. Put' k blazhenstvu [The path to bliss]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/dalpath3.htm> (20.09.2019). [In Russ.].
3. Geshe Dzhampa Tinley. Shamatkha i makhamudra [Shamatkha and makhamudra]. Novosibirsk, 2013. 423 p. [In Russ.].
4. Donets A. M. Bazovaja sistema dkharmicheskikh kategorij buddijskikh filosofov central'noj Azii. [The basic system of dharmic categories of the Buddhist philosophers of Central Asia.] Ulan-Ude, 2009. 198 p. [In Russ.].
5. Makhamudra tradicii gelug-kag'ju [Makhamudra Gelug Kagyu traditions]. M., 2008. 464 p. [In Russ.].
6. Panchen-lama Losang Eshe. Lamrim "Bystrij put' k vsevedeniju": obnazhennoje rukovodstvo po etapam puti prosvetlenija [Lamrim "Quick way to omniscience": naked guidance on the path stages to enlightenment] / transl. from Tibetan, commentaries and enclosures of A.V. Loshenkov. Ulan-Ude, 2018. 224 p. [In Russ.].
7. Chzhe Tsonkapa. Bol'shoje rukovodstvo k etapam puti Probuzhdenija [Great guidance on the steps of the Awakening path]. Translated from Tibetan. 3rd ed., changed. St.-P., 2010. 1592 p. [In Russ.].
8. Chzhe Zonkapa. Sokraschennoje rukovodstvo k etapam puti Probuzhdenija (Srednij Lamrim) [An abridged guide to the stages of the Awakening path]. M., 2016. 656 p. [In Russ.].
9. Buddhist Digital Resource Center. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutlineO3LS137854CZ80343%7CW9848 (20.09.2019). [In Tib.].

*Базаров Б. В., Нолев Е. В.**Bazarov B. V., Nolev E. V.***ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ НА ЗАРЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЦИН¹****THE IMPERIAL HERITAGE IN THE POLITICAL CULTURE OF THE
PEOPLES OF THE INNER ASIA AT THE DAWN OF THE QING DYNASTY
FORMATION**

Статья посвящена изучению использования элементов наследия политической культуры империи Цзинь, Великой Монгольской империи и империи Юань при формировании имперской идеологии маньчжурских правителей Нурхацзи и Хунтайджи, а также чахарского Лигдэн-хана в начале XVII века. Для реконструкции представлений о преемственности могущественных империй прошлого в политической практике основателей династии Цин были использованы сведения исторических памятников «Маньвэнь лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке») и «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»). Маньчжуры использовали историческую преемственность с династией Цзинь для консолидации чжурчжэньских племен. В то же время они сумели, не являясь представителями Золотого рода, обратиться к наследию политической культуры державы Чингисхана для интеграции монгольских племен. При этом, вовлеченность Китая в состав указанных империй, служила историческим обоснованием геополитических притязаний молодой Цинской империи.

The article is devoted to studying the use of the political culture heritage of the Qing Empire, the Great Mongolian Empire and the Yuan Empire in the formation of the imperial ideology of the Manchu rulers Nurhachi and Khun Taiji, and also of the Čaqar leader Ligdan Khan at the beginning of the XVIIth century. The information about the historical monuments “Manwen Lao Dang” (“The Ancient Archives in the Manchu Language”) and “Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli” (“True records of the Mongols of the Qing Empire”) were used for the reconstruction of the ideas about the succession of the powerful empires of the past in the political practice of the founders of the Qing dynasty. The Manchus used historical continuity with the Qing dynasty to consolidate the Jurchen tribes. At the same time, they were able to draw the legacy of the political culture of the Chinggis Khan’s state for the integration of the Mongolian tribes not being the representatives of the Golden kin. However, the involvement of China in the state structure of those empires served as a historical justification of the geopolitical claims of the young Qing empire.

Ключевые слова: Нурхацзи, Хунтайджи, маньчжуры, монголы, династия Цин.

Keywords: Nurhachi, Khun Taiji, the Manchus, the Mongols, The Qing dynasty.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-59-94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)»

Статья посвящена изучению использования элементов наследия политической культуры империи Цзинь, Великой Монгольской империи и империи Юань при формировании имперской идеологии маньчжурских правителей Нурхаци и Хунтайджи, а также чахарского Лигдэн-хана в начале XVII века. Для реконструкции представлений о преемственности могущественных империй прошлого в политической практике основателей династии Цин были использованы сведения исторических памятников «Маньвэнь лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке») и «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»). Судьбоносные события, произошедшие во Внутренней Азии в конце XVI – начале XVII вв., ознаменовали окончание господства кочевых империй в Евразии и предопределили ориентиры цивилизационного развития региона на столетия вперед. Этот период, отмеченный колоссальными успехами первых маньчжурских правителей Нурхаци и Хунтайджи (Абахая), связан с возвышением могущества их государства и провозглашением династии Цин, представители которой в течение более чем двух с половиной столетий властвовали в Поднебесной. На заре становления династии Цин особого внимания заслуживает изучение взаимоотношений маньчжуров с монгольскими народами. Одна из ключевых концепций, устоявшаяся в отечественной историографии, однозначно трактующая процесс интеграции монгольских народов в состав новой державы как результат маньчжурских завоеваний, утрачивает категоричность в свете малоизвестных данных из источников, вводимых в научный оборот отечественной ориенталистики, и новых исследовательских походов, ориентированных на изучение политической культуры и ментальности кочевников.

К источникам, вводимым в научный оборот российского востоковедения, относятся «Маньвэнь лао дан» (Старый архив на маньчжурском языке), переведенный и опубликованный в Институте археологии и этнографии СО РАН в 2013 г. и опубликованный в том же году в Хух-Хото Исследовательским центром по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР исторический труд на старописьменном монгольском языке под названием «Дайчин улсын монголын магад хууль» (Правдивые записи о монголах Цинской империи), изучением и переводом которого в настоящее время занимаются ученые из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Основанный на монгольском варианте исторической хроники «Дай Цин личао ши лу» (Правдивые записи о династии Цин) - одном из ключевых и наиболее объективных китайских источников Цинского периода, «Дайчин улсын монголын магад хууль» по справедливому определению, которое сформулировал редактор этого произведения Насаг-Өлзий: «раскрывает сокровищницу культуры нашей родины, вносит значительный вклад в исследование культуры и истории монголов...» [15, с. 12]. С подобным утверждением нельзя не согласиться, ведь «Правдивые записи о монголах династии Цин» не только фиксируют историческую информацию о важнейших государственных делах в строгой хронологической последовательности, но и содержат значимую информацию о культуре, традициях, ценностях и мировоззренческих ориентирах кочевых народов этого периода, на основе чего реконструируются представления о власти.

Методологический поворот в изучении политической культуры кочевников обусловлен более пристальным вниманием востоковедов к особенностям ментальности различных этнических групп Центральной Азии [8, с. 75-76], концептуальному политическому лексикону, отражающему понятия и представления о верховной власти [12, с. 27], исследованию восточно-азиатской и кочевой цивилизации [10, с. 67].

В связи с этим перспективным представляется исследование имперского нарратива, отражающего обращение к былому могуществу предшествовавших им-

перий, в практиках легитимации процессов объединения народов Внутренней Азии в конце XVI-XVII вв. В этот период символика и атрибуты имперской власти периода правления Чингис-хана и его потомков в Евразии не только сохраняли свою актуальность, но и, возможно, имели регулятивное значение в межплеменных отношениях [9, с. 165]. Однако, ренессанс могущественной сверхдержавы, основанной кочевниками, был маловероятен в силу многих социально-экономических и политических причин, обусловленных отсутствием экономической заинтересованности в долгосрочном объединении автаркичных кочевых политий, в условиях равнозначных притязаний на верховное правление наследников Золотого рода. С точки зрения цивилизационного подхода кочевники, сыграв ключевую роль в создании новой геополитической конструкции Азии в XIII-XIV вв., достигнув пика развития кочевой организации, не могли совершить качественного перехода в иное экономическое, культурное, политическое состояние в соответствии с требованиями торгово-промышленного и научно-технического прогресса [10, с. 196-197]. Тем не менее, подобное знание ретроспективно, и весьма уместно предположить, что для современников событий было неочевидным, поэтому ностальгия по временам величия и имперские амбиции реализовывались в политических практиках и отражались в рефлексиях исторического сознания.

В условиях конструирования новой политической ситуации в степи, формирующийся политический лексикон, отражающий представления о верховной власти, зачастую *post factum* фиксировал меняющееся содержание употребляемых терминов, что приводило к различному смысловому наполнению не только титулов высшего достоинства, но и значения практик преподнесения титула.

В 1606 г., за 10 лет до принятия Нурхацы официального титула хана, посольство халхаских князей преподнесло маньчжурскому правителю титул «хундэлэн-хана». В конце XIX века российский востоковед – участник 12-й Пекинской духовной миссии В.В. Горский даёт следующее описание указанного события: «Еще в 1607 году монгольские владельцы, через послов своих, подносили Тай-цзу титул Богдохана; но в то время могущество и власть Маньчжурского Бэйлы были так неопределенны и шатки, что скромный победитель не хотел пользоваться именем, не соответствовавшим тогдашнему положению дел» [3, с. 31]. Стоит отметить, что в данном описании, во-первых, дата посольства отличается от общепринятой, во-вторых, титул «Богдохан» был присвоен приемнику Нурхацы – Хун-тайджи (Абахая) в 1636 г. [15, с. 104]. Мотивация отказа Нурхацы от высокого титула ввиду несоответствия в повествовании В.В. Горского должна свидетельствовать об общепризнанном значении верховной власти, заключенном в данном титуле. И.С. Ермаченко писала, что в 1606 г. в письме монгольского посольства под руководством Эндэгэра, прибывшего с подношениями к маньчжурскому императору, монгольские владетели называют Нурхацы «мудрым и могущественным императором». С точки зрения исследователя подобное возвеличивание маньчжурского правителя отражало рост его военного и политического влияния, однако, не свидетельствовало о признании монгольских феодалов своего политического подчинения [4, с. 24]. В «Дайчин улсын монголын магад хууль» представлено следующее описание данного события: «Тот самый Энгэдэр-тайджи вместе с послами нойонов монгольских пяти халхаских отуков доставил верблюдов и лошадей. В знак поклонения они присвоили хану титул хундэлэн-хана. С той поры монголы всех земель ежегодно приезжали поклониться хану» [15, с. 4]. Таким образом, назначение присвоения данного титула Нурхацы монгольскими князьями, по версии «Правдивых записей», заключается в поклонении хану. Считая применение указанного титула дипломатическим приемом по выстраиванию дружественных отношений, не отражающим переход к подданству, Никола Ди Кос-

мо подчеркивает, что именно с этого момента начинается исторический процесс, завершившийся созданием «Внутренней Монголии» [17, с. 186].

Выразителем тенденции объединения в Южной Монголии стал Чахарский правитель Лигдэн-хан, претендовавший на роль «всемонгольского хана» на основании старшинства среди потомков юаньской династии [4, с. 26]. В письме к Нурхаци он именуется «Эджэн-багатур Чингис-хан монгольских сорока тумэнов», апеллируя к имперскому наследию. В этой связи весьма показательна аргументация Нурхаци по отношению к несостоятельности подобных притязаний: «Чахарский хан, в своем письме ты называешь себя Эджэн-багатуром Чингис-ханом монгольского народа в сорок тумэнов, а меня Эджэном трех водных маньчжурских тумэнов. Почему ты кичишься передо мной сорока тумэнами монгольского народа? Я слышал, что при взятии вашего города Дайду минским императором Хуньбу было захвачено 40 тумэнов монголов, и лишь 6 тумэнам удалось бежать. Да и тех шести тумэнов у тебя нет. Тебе не подчиняются три западных тумэна: один ордосский тумэн, один тумэн 12 тумэдов, асудов и юншиэбу, один харачинский тумэн. Они самостоятельный народ. Есть ли у тебя три восточных тумэна? Разве не видят Небо и Земля, что ты, не имея за собой и трех тумэнов, прикрываешься старыми 40 тумэнами, при этом понижаешь мой народ, называя его малочисленным в три тумэна? Твой народ не составит 40 тумэнов, да и сам ты не богатырь» [15, с. 14].

Особо ценными представляются свидетельства легитимации Нурхаци своих геополитических решений. Большое значение имела сакрализация действий маньчжурского правителя на основе небесного мандата, что и стало основой девиза правления нового государства «Тянь-мин» (Получивший Мандат Неба) в 1616 г. Это подтверждается текстами многочисленных клятв и обращений, зафиксированными в «Правдивых записях», а также словами вельмож, приводимыми в «Маньвэнь лао дан» по случаю основания новой династии: «Наше государство, живя без хана, чрезвычайно страдало, поэтому, быть может, Небо и произвело его на свет со словами: «Пусть он заставит благоденствовать наше государство!» [7, с. 41]. В то же время Е.И. Кычанов справедливо отмечает большое значение в сплочении чжурчжэньских племен памяти о наличии собственной государственности в прошлом в период империи Цзинь [5, с. 212]. Имперское наследие Цзинь играет огромную роль в конструировании политической идентичности маньчжурского государства в период его становления. Название провозглашенного в 1616 г. государства Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь) служило обоснованием преемственности державы Нурхаци по отношению к чжурчжэньской империи. По мнению В.С. Кузнецова, подобная преемственность, принимая во внимание исторический опыт вхождения части Китая в состав империи Цзинь, отражала геополитические намерения маньчжурского правителя: «Тем самым Нурхаци давал основания подозревать его не только в стремлении закрепить за собой чжурчжэньские земли, но и в наличии определенных видов на территорию Китая» [6, с. 230]. Таким образом, имперское наследие Цзинь в политической практике Нурхаци выступает не только основанием консолидации чжурчжэньских племен, но и служит основанием легитимации независимости и, возможно, геополитических притязаний нового маньчжурского государства, посредством обоснования преемственности империи в иерархии государств Внутренней Азии. При этом Е.И. Кычанов, учитывая различное употребление наименования маньчжурского государства во внешнеполитической переписке и внутри страны, указывает на мнение, согласно которому в 1618 г. Нурхаци еще титуловался «ханом государства Цзяньчжоу», в 1619 г. впервые в источниках появляются его девиз царствования Тянь-мин и наименование государства Хоу Цзинь, а в 1621 г. – Да Цзинь (Великая Цзинь) [5, с. 219].

Отдельного внимания заслуживает новый титул правителя маньчжурского государства, обозначенный в «Маньвэн лао дан»: «Эрдэни-бакши встал перед ханом по левую руку и провозгласил почетный титул «Гэнгень-хан», утвержденный Небом» [7, с. 41]. Маньчжурское значение титула «амба генг-гиен хан» - «Великий и мудрый хан», в то время как по-монгольски «гэгэн», означающее «светлый, яркий», было именем, дававшимся при посвящении в веру. Принимая во внимание предположение С. Группера о том, что слова «генг-гиен» в ханском титуле могли означать его посвящение в буддийскую веру [5, с. 219], а также представление маньчжуров в качестве праведных буддийских правителей [18, с. 60], обнаруживается возвращение к имперской традиции «союза алтаря и трона» и доктрины «двух законов», заключенных в формуле: «Законы учения, подобно шелковому узлу, неослабимы. Правление хагана, подобно золотому ядру несокрушимо» [14, с. 73, 85]. Концепция «союза алтаря и трона» впервые была сформулирована в историко-правовом памятнике «Чаган тэукэ» (Белая история), начало составления которого относится ко временам Хубилай-хана. В постимперский период развитие доктрины «двух законов» происходило в условиях стремления правителей монгольских ханств обеспечить религиозную легитимацию власти при равенстве династических прав претендентов на престол. Использование концепции «Союза алтаря и трона» могло способствовать маньчжурским правителям как в приведении под свою власть сторонников буддизма, так и углублению оснований правления за счет обозначения преемственности в иерархии буддийских монархов, в том числе императоров Юань, объединивших Китай, и включения в традицию политической и религиозной преемственности от древних царей Индии и Тибета. И если назначение титула «Гэнгень-хан» в качестве сакральной легитимации посредством буддизма является дискуссионным, то наличие элемента «богдо» в титуле Хун-гайджи (Абахая), гипотетически, может отражать стремление монгольских народов, входящих в подданство империи Цин, освятить власть преемника Нурхаци с позиции буддийской религии: «Хан, согласно церемонии возведения в высший титул, поклонился Небу и Земле, ему был присвоен титул Ахуда-орушиегчи-найрамдагу-богдо-хаган» [15, с. 149]. При этом, все же на первых порах привлечения и подчинения монгольских нойонов, маньчжурские правители в большей степени придерживались шаманской идеологии [1, с. 90]. Буддийский фактор не являясь столь важным регулятивным инструментом раннего этапа монголо-маньчжурских отношений, усиливал свою значимость в геополитике Цинской империи в более поздние периоды.

По мере укрепления правления Нурхаци в легитимации его геополитических действий, наряду с сакральными мотивами мандата Неба, формируется концепция исторической преемственности. Так в письме пяти халхаским князьям в 1620 г. Нурхаци говорит о древних законах, действовавших в империи Цзинь, державе Чингис-хана, Империи Юань и Мин, заключая «когда приходят ниспосланные Небом времена упадка, то мудрые, как духи, государства покидаются мудрецами, становятся глупыми и помрачаются разумом. Правители ... приводя в исполнение дурное правосудие, губят государства. Когда же приходят ниспосланные небом времена расцвета, то глупые люди приводятся небом в совершенство и становятся мудрецами. Злые люди становятся добрыми. Тех государств правосудие, которое возникнет, сделает всех счастливыми... » [7, с. 96]. Н. Ди Космо связывает обозначенную идею передачи власти «*translatio imperii*» с необходимостью компенсации маньчжурами отсутствия принадлежности к Золотому роду Чингис-хана, вследствие чего притязание на всемонгольское правление обосновывается общностью исторических судеб маньчжуров и монголов, определяющих возможность передачи и преемственности права на высшую власть между двумя народами, продиктованную «волей Неба» [16, с. 117]. Идея «исторического оптимизма», отраженная в строках

письма Нурхаци, которая заключается в неизбежности смены правителя и возможности обретения лучшего правления для общества посредством «Воли неба», по мнению Г.Г. Пикова, «изначально блокировала необходимость каких бы то ни было социальных или политических изменений, социальных и революционных движений» [11, с. 69].

Приход к власти Хун-тайджи после смерти Нурхаци, по выражению Т. Барфильда, ознаменовал превращение чжурчжэньского племенного ханства отца в «маньчжурское» государство, способное бросить вызов Китаю [2, с. 205]. Для достижения столь амбициозной цели маньчжурскому правителю предстояло решить вопрос о подчинении монгольских племен и победы над Лигдэн-ханом. Наряду с политическими, военными и экономическими методами политики, проводимой в отношении монгольских народов, одно из ключевых значений возымело идеологическое обоснование великоханской власти Хун-тайджи за счет обретения императорской нефритовой печати монгольской династии Юань. В силу специфики политической культуры Монголии в кон. XVI – начале XVII в., заключенной в недостаточно четко концептуально определенном содержании категорий власти, когда титул правителя, а также термины подданства могли иметь различные трактовки, особую важность для легитимации правления маньчжурской династии приобретало обладание традиционными символами власти, одним из которых стала яшмовая печать императора. Печать юаньских императоров досталась Хун-тайджи в качестве одного из трофеев после победы над чахарами и стала «верным знаком обретения власти» в практике легитимации установления новой династии Цин. Вместе со значением символа власти великого хана, консолидирующего вокруг ее обладателя монгольские племена, яшмовая печать имела большую ценность в политической традиции Китая со времен создания империи Цин Ши-хуаньди [13, с. 45]. Следовательно, императорская печать являлась не только инструментом объединения кочевых народов, но и служила основанием для формирования концепции перехода «мандата Неба» на правление Поднебесной к династии Цин от слабеющей династии Мин [13, с. 45].

В 1636 г. Хун-тайджи был преподнесен титул императора: «Нойоны, сановники, военные и гражданские чиновники, а также нойоны внешних племен возвещаем. Благодаря милости Неба, хан-правитель обрел великую славу. Он создал великое государство, приняв под свою власть многие народы. Когда же во всем мире наступили смутные времена, по воле Неба, он силой подавил сопротивлявшихся, мудростью присоединил добровольно сдавшихся. Когда слава о его великой милости разнеслась повсеместно, [хан] присоединил корейское государство, объединил монгольские племена и стал обладателем яшмовой печати, являющейся верным знаком обретения власти. Если он вверх поднимется, к нему благосклонно Небо, если вниз спустится, его уважают люди. Мы, сановники, уверенные в вечном процветании великого государства, жалуем высший титул. Мы подготовили все необходимое для торжественной церемонии. Просим спустить повеление, которое ожидает весь народ» [15, с. 148]. Организационная зрелость и полиэтничный характер новой империи был отражен в табуировании годом ранее использования терминов «чжурчжэни» и «династия Цзинь», которые, по мнению Т. Барфильда, напоминали о том времени, когда народ Хун-тайджи был небольшим племенем и управлялся крохотной династией [2, с. 206]. Приняв титул императора, Хун-тайджи провозгласил новую династию Дай Цин (Великая Чистая). Новая империя, аккумулировав идеологическое наследие Великой Монгольской империи и империи Цзинь, унаследовав их народы и территории, в своем дальнейшем развитии все больше опиралась на политические традиции Китая.

Таким образом, обращение к наследию великих империй прошлого сыграло одну из ключевых ролей в борьбе народов Внутренней Азии за главенство над мест-

ными племенами. Маньчжуры, вышедшие победителями из этой борьбы, использовали историческую преемственность с династией Цзинь для консолидации чжурчжэньских племен. В то же время они сумели, не являясь представителями Золотого рода, обратить наследие политической культуры державы Чингисхана для интеграции монгольских племен в свое государство. При этом вовлеченность Китая в состав указанных империй служила историческим обоснованием геополитических притязаний молодой Цинской империи.

Примечания

1. Аюшеева М. В. «Правдивые записи о монголах Цинской империи» как источник по истории монгольского буддизма // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып 11, ч. 2. Улан-Удэ, 2018. С. 88-99.

2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. СПб. : Фак. филологии и искусства СПбГУ : Нестор-История, 2009. 488 с.

3. Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине. Т. 1. Пекин : Изд. Пекин. Духовной миссии, 1909. С. 1-108.

4. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М. : Наука, 1974. 196 с.

5. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Вост. лит., 1997. 319 с.

6. Кузнецов В. С. Минская империя и Маньчжурия (XV – начало XVII века) // Маньвэнь лао дан : старый архив на маньчжурском языке / под ред. В. Е. Ларичева ; пер. с маньчжур. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 213-233.

7. Маньвэнь лао дан : старый архив на маньчжурском языке / ред. В. Е. Ларичева ; пер. с маньчжур. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 276 с.

8. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2016. 624 с.

9. Нолев Е. В. Представления о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов XIII-XVII вв. // Власть. 2017. № 10. С. 162-166.

10. Пиков Г. Г. К вопросу о роли исторических текстов в изучении истории Восточной Азии в средние века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4. Востоковедение. С. 67-72.

11. Пиков Г. Г. Европа и монголы в XIII в. // История Небесной империи. Т. 1. История первых пяти ханов из дома Чингисова. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С.169-201.

12. Скрынникова Т. Д. Политическая организация Халхи XVI-XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 463-497.

13. Успенский В. Л. Легенда об императорской печати монгольской династии Юань // Монголика – XV : сб. ст. СПб. : Петерб. Востоковедение, 2015. С. 45 – 47.

14. Sagan teuke – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / сост. Ванчикова Ц. П., Балданжапов П. Б. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 200 с.

15. Daičing ulus-un mongyul-un maγad qauli [True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.]. Hohhot : The Center of Education of Inner Mongolia publ, 2013. 1236 p.

16. Di Cosma N. Nurhaci's Gambit: Sovereignty as Concept and Praxis in the Rise of the Manchus // *The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept*. Columbia University Press. 2017. P. 102-123.

17. Di Cosma N. From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest // *Front. Hist. China*. 2012. № 7 (2). P. 175-197.

18. Elverskog J. Our great Qing: the Mongols, Buddhism and the state in late imperial China. Honolulu: University of Hawai'i Press. 2006. 242 p.

References

1. Ayusheeva M. V. Pravdivnye zapisi o mongolakh Cinskoj imperii» kak istochnik po istorii mongol'skogo buddizma ["True records of the Mongols of the Qing Empire" as a source in history of the Mongolian Buddhism] // *Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennyje istochniki* [Culture of Central Asia: written sources]. Issue 11. Part 2. Ulan-Ude, 2018. Pp. 88-99 [In Russ.].

2. Barfield T. Dzh. Opasnaja granica: kochevyje imperii i Kitaj (221 g. do n. e. - 1757 g. n. e.) [Dangerous border : nomadic empires and China (221 BC-1757 AD) / transl. by D. V. Rukhlyadev, V. B. Kuznetsov. St.-P., 2009. 488 p. [In Russ.].

3. Gorskiy V. Nachalo i pervye dela Man'chzhurskogo doma [The beginning and the first things of the Manchu house] // *Trudy chlenov Rossijskoj Dukhovnoj Missii v Pekine* [The works of the members of the Russian Spiritual Mission in Beijing]. Volume 1. Beijing, 1909. Pp. 1-108 [In Russ.].

4. Ermachenko I. S. Politika man'chzhurskoj dinastii Cin v Juzhnoj i Severnoj Mongolii v XVII v. [The politics of the Manchu dynasty Qing in the Southern and Northern Mongolia in the XVIIth century]. M., 1974. 196 p. [In Russ.].

5. Kychanov Ye.I. Kochevyje gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov [Nomadic states from the Huns to the Manchus]. M., 1997. 319 p. [In Russ.].

6. Kuznetsov V. S. Minskaja imperija i Man'chzhurija (XV – nachalo XVII veka) [Minsk empire and Manchuria (the XVth-beginning of the XVIIth century)] // *Man'ven' lao dan: staryj arkhiv na man'chzhurskom jazyke* [Manven lao da : the old archive in the Manchu language] / ed. by V.Ye. Larichev; transl. from Manchu by L.V. Tyuryumina. Novosibirsk, 2013. Pp. 213-233 [In Russ.].

7. Man'ven' lao dan: Staryj arkhiv na man'chzhurskom jazyke [Manven lao da : the old archive in the Manchu language] / ed. by V.Ye. Larichev; transl. from Manchu by L.V. Tyuryumina. Novosibirsk, 2013. p.276 [In Russ.].

8. Mongol'skije narody: istoricheskij opyt transformacii kochevykh soobshchestv Azii [The Mongolian peoples: historical experience of transformation of the nomadic communities of Asia] / chief editor B.V. Bazarov. Irkutsk, 2016. 624 p. [In Russ.].

9. Nolev Ye. V. Predstavlenija o vlasti i gosudarstvennosti v pravovom nasledii mongol'skikh narodov XIII-XVII vv. [The ideas about the authority and statehood in the legal heritage of the Mongolian peoples in the XIIrd-XVIIth centuries] // *Vlast' [Power]*. 2017. № 10. Pp. 162-166 [In Russ.].

10. Pikov G. G. K voprosu o roli istoricheskikh tekstov v izuchenii istorii Vostochnoj Azii v srednje veka [To the issue of the role of the historical texts in studying the history of Oriental Asia] // *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. 2009. Tom 8, vypusk 4: Vostokovedenije [Bulletin of NSU. Series: History, Philology.2009. Volume 8. Issue 4. Pp. 67-72 [In Russ.].

11. Pikov G. G. Evropa i mongoly v XIII v. [Europe and the Mongols in the XIIIrd century] // *Istorija Nebesnoj imperii*. Tom I. Istorija pervykh pjati khanov iz doma

Chingisova [The history of the Celestial office. Volume 1. History of the first five khans from Chingisov's house]. Novosibirsk, 2013. Pp.169-201 [In Russ.].

12. Skrynnikova T. D. Politicheskaia organizacija Khalkhi XVI-XVII vv. [Political organization Khalkhi in the XVIth-XVIIth centuries] // Mongol'skaja imperija i kochevoj mir (materialy mezhdunar. nauch. konf.) [The Mongolian empire and the nomadic world (materials of the international scientific conference)]. Book. 3. Ulan-Ude, 2008. Pp. 463-497 [In Russ.].

13. Uspenskij V. L. Legenda ob imperatorskoj pečati mongol'skoj dinastii Juan' [The legend about the imperial seal of the Mongolian dynasty Yuan // Mongolika-XV: sb. st. [Mongolika-XV: collection of articles]. St.-P., 2015. Pp. 45-47 [In Russ.].

14. Cagan teuke - "Belaja istorija" – mongol'skij istoriko-pravovoj pamjatnik XIII-XVI vv. [Cagan teuke - "White history" - Mongolian historical-legal monument of the XIIIrd-XVIth centuries] / comp. by Vanchikova Ts. P., Baldanzhapov P. B. Ulan-Ude, 2001. 200 p. [In Russ.].

15. Daičing ulus-un mongyul-un maγad qauli [True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1]. Hohhot, 2013. 1236 p. [In Mong.].

16. Di Cosma N. Nurhachi's Gambit: Sovereignty as Concept and Praxis in the Rise of the Manchus // The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept. Columbia University Press. 2017. Pp. 102 – 123 [In Engl.].

17. Di Cosma N. From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest // Front. Hist. China. 2012. № 7 (2). Pp. 175–197 [In Engl.].

18. Elverskog J. Our great Qing: the Mongols, Buddhism and the state in late imperial China. Honolulu, 2006. 242 p. [In Engl.].

*Бураева С. В.**Buraeva S. V.***КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В ЛОКАЛЬНОЙ
КНИЖНО-РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ
(НА ПРИМЕРЕ ТУВЫ И ЗАБАЙКАЛЬЯ)¹****CONFESSIONAL MENTALITY IN THE LOCAL BOOK AND
MANUSCRIPT TRADITION OF THE OLD BELIEVERS
(TUVA AND THE TRANSBAIKAL REGION AS EXAMPLES)**

В статье рассматриваются нравственно-этические представления старообрядцев, связанные с религиозными представлениями, догматикой, канонической и неканонической составляющими древлеправославия. Источниками для исследования стали старообрядческие книги, гектографированные издания и рукописи из сибирских коллекций (г. Улан-Удэ, г. Новосибирск) и личных библиотек старообрядцев Тувы (с. Эржей, с. Сизим) и Бурятии (с. Тарбагатай, с. Хасурта). Локальная книжно-рукописная традиция отображает мировоззренческую сторону сознания староверов, их понимание и осмысление мира земного и мира «божественного», соотношение этического комплекса христианской морали и норм обыденной жизни, поиск путей спасения души.

The article deals with moral and ethical views of the Old Believers related to religious ideas, dogmatics, canonical and non-canonical components of old Orthodoxy. The sources for the study were the Old Believers' books, hectographed editions and manuscripts from the Siberian collections (cities of Ulan-Ude, Novosibirsk), private collections of the Old Believers of Tuva (villages of Erzhey, Sizim) and of Buryatia (villages of Tarbagatai, Khasurta). Local book and handwritten tradition reflects the worldview of the Old Believers' consciousness, their understanding of the earthly and the «divine» worlds, the ratio of the ethical complex of Christian morality and everyday norms, the search for the ways to save a soul.

Ключевые слова: старообрядчество, Тува, Забайкалье, нравственно-этические представления, книжно-рукописная традиция.

Keywords: the Old Believers, Tuva, the Transbaikal region, moral and ethical views, book and handwritten tradition.

Одним из наиболее мощных духовных движений в российской истории было и остается старообрядчество. Исследование его истории невозможно без освоения книжно-рукописной традиции, одного из важнейших сегментов старообрядческой культуры. При неуклонном соблюдении всех сущностных компонентов православной культуры, тесно связанных с религиозными представлениями, ее догматикой, канонической и неканонической составляющими, в старообрядческой среде сформировалось особое миропонимание, сложились локальные традиции. Обращение к памятникам письменности, бытовавшим в среде старообрядцев, позволяет раскрыть их содержание – в данном случае на примере старообрядческих рукописей из Тувы и Забайкалья.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00723А «Енисейский меридиан старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таежных скитов и деревень»

Источниками для исследования древлеправославных этических принципов стали старообрядческие книги, гектографированные издания и рукописи, как сложно организованные «тексты культуры», где содержание лишь один из компонентов. Не рассматривая их как своеобразный материальный предмет, где имеют значение не только текст, но и вещественные воплощения деятельности (украшения или переплет), обратимся к другим ракурсам. Изученные памятники письменности были проанализированы как носители текста (вербального, нотного) и результат, и свидетельство определенной исторической эпохи и нравственно-идеологической системы. Рукописные сборники из Забайкальской коллекции Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (г. Новосибирск), кириллической коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ), личных библиотек старообрядцев Верховьев Енисея (с. Сизим, Эржей и др.) и Бурятии отражают в том числе и локальные книжно-рукописные традиции.

Поучения «о чувствах душевных и телесных, и о добродетелях; о страстях и злобах лютых; о чистоте сердечней и умней и душевней; о посте и о воздержании, и о бдении, и о прочих добродетелях» отражены прежде всего в литургических, проповеднических и учительных книгах, являвшихся не только неотъемлемой частью общественного и частного богослужения, но и излюбленным домашним чтением - это Евангелие, Златоуст, Псалтырь, Цветник Аввы Дорофея и др. В рукописных памятниках часто встречаются выдержки статей нравственно-учительного содержания из сочинений Никона Черногорца, «Паисиевского» сборника, сборников «Пчела», «Златая Цепь», «Маргарит», «Измарагд», «Торжественник» и др. В состав нравственно-учительных четких рукописных сборников включены «Слова» и «Поучения» отцов церкви - Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского, Палладия Мниха, Иосифа Волоцкого, преподобного Нила и др.; апокрифические сочинения о мытарствах души, духовные стихи, выписки из Книги Иова, Страстей Христовых, Пролога, Катехизиса, Скитского покаяния об истинном христианском житии, о покаянии и постах, о милостыне и молитве, о пользе посещения церковной службы и поминовения умерших. В этих сборниках можно встретить исторические справки возникновения раскола в великороссийском государстве, изречения о страданиях за правую веру не признавших никонианских нововведений, жития русских и нерусских святых; патериковые рассказы, и повести из переведенного к концу XVII в. «Великого Зерцала», которые наглядно показывали, как соотносятся земная жизнь человека и жизнь будущая.

Особое место в системе старообрядческой книжности Забайкалья занимают апокрифы. «Тезоименинство Богу», «Свиток Иерусалимский», «Разговор мальчика с книжником», вопросно-ответные сочинения (например, «Беседа трех святителей»), «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», «Молитва Михаилу Архангелу», «Сказание о двенадцати пятницах» и др. сохранились в довольно поздних списках и, как правило, входят в состав сборников 2-й пол. XIX – начала XX вв. Отметим, что в Туве в составе тех рукописей, что были предоставлены для исследования, апокрифы обнаружены не были.

Интересный материал для анализа также содержат широко распространенные в среде старообрядцев духовные стихи, близкие к назидательной книжности. Значимое место в источниковом корпусе исследования заняли забайкальские сборники и Енисейские Стихарники, концентрированно представляющие основную функцию духовного стиха – быть посредником между книжной христианской и устной народной культурой. Заметим, что и у беглопоповцев Забайкалья, и у часовенных Тувы духовные стихи были распространены не меньше, чем в других регионах проживания старообрядцев. Однако рассмотрение письменной традиции духовных стихов, а также соотношение устной и письменных форм бытования стихов не по-

лучило должного освещения в региональной научной литературе. Одна из причин подобной «невостребованности» темы, на наш взгляд, заключалась в недостаточности текстологического материала [1; 3]. В связи с этим, безусловно, актуальной задачей по-прежнему остается собирание и публикация как устных, так и письменных версий поэтических текстов.

В ходе полевых исследований в Верховьях р. Енисей в 2018 г. было выявлено несколько рукописных сборников, содержащих духовные стихи; 4 удалось зафиксировать. Все они – поздней традиции, датируются рубежом XIX-XX вв.; в составе от 20 до 40 стихов. Стихарники как местной традиции, так и из других регионов (Забайкалье).

Наибольшее распространение у староверов получили стихи эсхатологического содержания, повествующие о человеческой смерти, кончине мира, Страшном суде, наказаниях за грехи. Поскольку среди старообрядцев, особенно беспоповских толков, было и до сих пор остается широко распространенным представление о воцарении Антихриста в мире и грядущем втором пришествии Христа, то тема Страшного суда и наказания за человеческие пригрешения является у них чрезвычайно популярной. Репертуар эсхатологических и покаянных стихов характерен для часовенных. В историческом сегменте встречаются заимствования. Здесь можно выделить как тексты, целиком связанные с эсхатологией, так и произведения, в которых эсхатологические мотивы присутствуют как сопутствующие.

К первой группе следует отнести такие памятники, как «Всяк человек», «Как на нынешнее время...» и др. Большинство стихов рассматривают тему конца света и Страшного Суда в эпическом, то есть повествовательном ключе. «Чудная Царица Богородица» является наиболее «книжным» типом по своей стилистике и соотношению с источниками.

Вторую группу текстов догматического характера образовали стихи преимущественно евхологического направления, содержащие мотивы покаяния перед Господом, замаливания грехов, просьбу о прощении и милости. Яркий пример - «Стих об Ангеле-хранителе». В форме молитвы написан и стих «Среди самых юных лет вяну аки нежный цвет...». Большое распространение в эсхатологических стихах получил сюжетный мотив расставания души с телом. Обязательным сюжетным разделом эсхатологических образцов стало описание грехов, совершенных человеком в своей земной жизни. Раздел, следующий за плачем души о своих грехах, как правило, посвящен изображению адских мук. Наиболее подробно сюжетный мотив адских наказаний разрабатывается в таких стихах, как «Всяк человек», «С другом я вчера сидел».

Все эсхатологические стихи имеют дидактическую направленность. С темой покаяния тесно связана и тема смерти. Интересно встречающееся в покаянных стихах образное размышление о том, что христианское погребение надо заслужить праведной христианской жизнью. На таком рассуждении, например, строится духовный стих «Человек живет, как трава растет».

Наибольшее распространение эсхатологические памятники получили в среде поморцев. Видимо, данный факт обусловлен распространенностью в поморской книжности, а также в обыденных представлениях староверов-беспоповцев мотивов о воцарении антихриста, о близкой кончине мира, скором втором пришествии, Страшном суде, что и нашло отражение в репертуарно-тематических предпочтениях их песенно-поэтического творчества.

Духовные стихи не однородны и по своей социальной сущности; различные вариации одного и того же стиха могут выражать собою различную социальную устремленность и иметь различную социально-экономическую обусловленность. Наше внимание привлек один из поздних «исторических» текстов, включенных в

сборники – духовный стих «Петрозаводская могила», датированный в рукописях 1853-м годом; ранее в рукописях на этой территории не выявленный. Этот текст достаточно распространен не только в старообрядческой среде европейской части России (Вятке, Нижнем Новгороде и др.) и в Прибалтике, но и на Урале, Алтае, в Сибири. Варианты стиха исследованы и опубликованы Н.С. Мурашовой, М.Г. Казанцевой, Т.В. Философовой, Е.А. Бучилиной и др. [2; 11; 12; 13; 14]. Стих Егора Корева «Петрозаводская могила», варианты которого были выявлены в двух рукописных старообрядческих сборниках Верховьев Енисея, посвящен смерти федосеевца Федора Алексеевича Гучкова. Также Федору Алексеевичу посвящен широко известный в старообрядческой среде стих «Поздно-поздно вечерами». Интересно, что в один из енисейских стихарников, этот стих включен с самоназванием «Стих об узнике невольнике».

Какую же систему ценностей отражали все эти сегменты старообрядческой книжности? Для её построения мы предлагаем обратиться к содержанию рукописных сборников как своеобразной квинтэссенции этических представлений забайкальских староверов. При всей пестроте собранных в сборниках выписок и выдержек, здесь совершенно очевидно можно выявить смысловой «стержень» подборки – это отображение мировоззренческой стороны сознания староверов, их понимание и осмысление мира земного и мира «божественного», соотношение этического комплекса христианской морали и норм обыденной жизни, это отражение поиска составителями путей спасения души.

Основные концепты этических представлений формулируются несколькими способами: противопоставление положительных и отрицательных явлений; изложение идеальной (желательной) модели поведения; назидательное перечисление неприемлемых поступков; категорический запрет на определенные действия. Заметим, что способ не зависел от жанра цитируемого сочинения.

В «Цветниках» 2 пол. XIX в. приводятся выдержки из «Поучения о больших и о начальных 13 добродетелях и о страстях», где противопоставляются вера, молитва, смирение, смиренномудрие, чистота душевная – самолюбию, гордыне, злопомнению, отчаянию [16]; цитируются «Поучение св. Василия к ленивым и нехотящим делати своими руками и похвала деятелям» [15].

Нередко противопоставления встречаются и в духовных стихах. Так, в «Стихе о Адаме» говорится: «...Покинем мы гордость, Возлюбим мы кротость. Оставим мы скупость, возлюбим мы нищих / Накормим мы алчных, напоим мы жаждных...» [4, л. 1-3 об (2 сч.)].

Практически все жанры старообрядческой литературы содержат указания на те или иные добродетели, необходимые человеку. Большое внимание уделялось описанию идеальной модели поведения. Так, выдержки из Цветника Аввы Дорофея гласят - «Блаженны миротворцы ...изгнаны правды ради...» и «Аще кто тя ударит в десную ланиту, обрати ему и другую». Другой «Цветник» также содержит «Поучение о терпении» и поучительное «Слово о некоем милостивом человеке» из книги Летописец. В апокрифе «Разговор между книжником и мальчиком» утверждается - «лучшая вещь на свете – добрая совесть». Интересно, что зачастую составители рукописных сборников старались соотнести качество с количественной характеристикой. Так, например, из книги Евангелие учительное приведены сведения о 6 добродетелях («Жаждущаго напоити, Алчущаго напитати, Нагого одети, Болнаго посетити, Странного в дом свой ввести, Мертвого нагого погребсти...») чуть позже еще о 3 «главнейших добродетелях» (молитва, пост и милостыня) и далее перечислены все 10 заповедей. [4, л.14 об. – 16]. Через несколько листов составитель сборника вновь обращает внимание читателя на «72 добрых друзей человека»: правду, чистоту, любовь («где любовь там Бог»), труд («труды – телу, честь – души помо-

жение»), послушание, смирение, воздержание, покаяние, молитву и пост [4, л. 16 об. – 18].

Большое внимание в духовных стихах уделено добродетелям и поступкам, необходимым для праведной жизни истинного христианина. Апокриф «Свиток Иерусалимский» подробно раскрывает эту тему: «... живите в любви и совете / творите милостыню нищим и убогим братьям моим возлюбленным, / аз дам вам большии прежняго, / молитесь со страхом и трепетом; / Воскресение Христово и праздники Господни чтите, / в церкви Божией не гаварите / матерно не бронитесь / друг друга любите на покаяние ходите / к отцем вашим духовным о гресех своих каетесь...». Здесь же даются достаточно конкретные указания о почитании воскресных дней и встречи праздников: «... 6 дней неделя, а Воскресение Христово дал Бог, человеку и скотом и рабом на упокоение, праздники Господни с любовию а не пиянством ни объедением но духовною беседою а неленостию друг друга почитаете...» [6, л.26 об.-32об.] Интересно, что в более расширенном варианте эта же мысль проводится в одном из забайкальских Цветников, уже в прозаической форме: «Воскресение Христово достоин почитать всем нам и не делати никакова дела от субботнаго вечера до светяющаго понедельника - ни пиров составлять, ни позорищъ творити, ни коньского ристания и ни инаго игралица и на потешение телесное не собиратися но токмо молитися во святых церквах и чтением Писания о духовном беседовать ...Против праздников недостоит упиватися пиянством... И животного в праздники не закалати...» [15].

Серьезное внимание в старообрядческих текстах уделено собственно грехам. Смертных грехов в христианском учении насчитывается семь, однако представления о них не основываются на библейских текстах и не являются прямым откровением Бога, они появились в трактатах богословов позднее.

Сначала греческий монах-теолог Эвагриус из Понта составил список из восьми худших человеческих страстей. Ими были: гордыня, тщеславие, духовная леность, гнев, уныние, алчность, сладострастие и чревоугодие. В конце VI века папа Римский Григорий I Великий сократил список до семи элементов, внося понятие тщеславия в гордыню, духовную леность – в уныние, а также добавив новое – зависть. Изменен был и порядок перечисления: гордыня, зависть, гнев, уныние, алчность, чревоугодие и сладострастие. Более поздние христианские теологи (в частности, Фома Аквинский) возражали против именно такого порядка смертных грехов, однако именно он стал основным и действует по сей день. Единственным изменением в списке папы Григория Великого стала замена в XVII веке понятия уныние на леность. В Новом Завете указан только один грех, который не будет прощён человеку: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Мф 12:31-32). В Книге Притчей говорится, что Господь ненавидит семь вещей, что Ему противны: — Гордый взгляд — Лживый язык — Руки, проливающие невинную кровь — Сердце, кующее злые замыслы — Ноги, быстро бегущие к злодейству — Лжесвидетель, наговаривающий ложь — Сеющий раздор между братьями (Притч 6:16-24). Концепция «Семи смертных грехов» не является частью христианского вероучения, но служит одним из возможных способов описания греховности человека.

Осуждению грехов значительное место уделено в рукописных сборниках старообрядцев. Зачастую составители приводят целые главы из нравственно-учительных книг, например, из Пролога («Слово св. Антиоха о пиянстве», его же - «о мздоимстве и о сребролюбии»); из «Книги Пчела» (глава 1-я слово 26 «Избранныя грехи») [7, л. 52 об. – 55] и т.п. Иногда грехи описываются достаточно подробно: «О зависти и гнев. Догмат... Что есть гнев. Грех гнева. Обычно описуется от учителя

сице есть безчинное желание отмщения. Веда ти же zde подобает яко гнев в человеце елико к своему начинанию содержится на разарении страстном. Елико ко своему совершению, содержится на желании воле хотящего отмщения...» [10].

Разумеется, есть указания на грехи или несправедное поведение и в апокрифах. В одних случаях этого вопроса касаются вскользь, а в других – более подробно. Так, в апокрифической «Молитве Михаилу архангелу» содержится просьба «*Сохрани мою душу, но укрепи моё сердце... От девки самокрутки и жены -простоволосицы От мужа лукавого и от несправедного...*» [9], тем самым бахвальство, брак без родительского благословения, ношение замужней женщиной головного убора и лживость маркируются как поведение несовместимое с «бытием» истинного христианина.

Значительно более пространно описываются грехи в апокрифе «Свиток Иерусалимский»: «...Зрите яко сироты и вдовицы о вас у мене пекутся / А вы их не бережете и не милуете их, за то сами непомилованы будете.../ слепыи сердцем душегупцы лукавыи / научилися есте от дьявола вельзаула и ангеле его / а не от мене Господа бога,/ брат брата завидяще, и друг другу прелюбодеюще,/ и немилостеве, оставили есте свете и возлюбили тму, / и како земля вас не пожрет за ваши беззаконие,/ грабите чужее имене, а своего много, / а милостыни не творите нищих не милуете,/ зато сами непомилованы будете...». Апокриф не просто констатирует греховность человечества. Его текст обещает суровые кары всем ведущим несправедный образ жизни: «...Горе тому человеку в день судный,/ который аще попукаряет и церков Божию сквернословит, горе клеветником и разбойником и блудником/ которыя блуд творят с чужими женами, а жены с чужими мужи, о горе скоморохом и плясунам и которыя дарят их / да будут прокляты... (кто) не учит детей своих духовных страху Божию, / и не почитает Святого Писания пред народым.../ аще кто в Воскресение Христова полагает труды и работает,/ и хоцет себе прибыток получит, только получит себе огонь и тьму вечную, / О горе тому кто воскресение Христово в церков Божию неходит /И детей своих непосылает за то дом его загорится Со всех 4 сторон, / и от того огня и сами изыти немогут...» [6, лл.26 об. – 32 об.]. Не менее страстно обличаются грехи человеческие и в покаянных духовных стихах.

Во многих рукописных сборниках очевиден лейтмотив возможности очищения через покаяния и молитву. В одном из Цветников цитируются «Повесть о суде Божию и о Удоне епископе магдебурском» («Повесть страшна и трепетна и умильтельна...») и Слово о покаянии некоего князя («како исправи себя») из книги «Великое Зерцало» [16, л. 149-154]. В состав другого Цветника входят выписки из книги Ефрема Сирина «Слово о покаянии». [15].

О необходимости молитвы говорится и в апокрифах, и в духовных стихах. Свиток Иерусалимский утверждает: «...аще кто послушает сего божественнаго писания, и той человек наследит царствие небесное, и от Бога превышен будет...» [6, лл.26 об. – 32 об.]. Покаянная молитва была понятна и, если так можно выразиться, привычна для старообрядцев; об этом свидетельствуют записи на книгах [5]. Старообрядческий апокриф «Сон Богородицы» прямо указывает, что чтущему или слушающему молитву «со вниманием» грехи будут отпущены, причем неважно, сколько будет грехов - «как в море песку или травы на земле или листвы на дереве» [8].

Рукописные сборники и духовные стихи позволяют представить многомерность конфессионального менталитета старообрядцев. Устные и письменные знания образуют единое культурное пространство, выступая разными формами бытования. На первый план в системе старообрядческих представлений выведены нравственные аспекты. Прежде всего, это четкое и ясное понимание добродетели и греха. В

основе духовности старообрядцев лежит «народное православие» с традиционным объектом поклонения Богу, с некоторыми особенностями его понимания, но вместе с тем обязательным знанием догматики. Ясно вырисовывается картина мира крестьянина-традиционалиста, его своеобразные представления о человеке и обществе, о добре и зле, о природе, пространстве, времени и вечности.

Примечания

1. Буряева С. В. Старообрядческая книжная традиция Енисея: возможности и проблемы компаративного анализа // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. №4(8). С. 29-38.
2. Бучилина Е. А. Духовные стихи : сборник духовных стихов Нижегородской области. М. : Наследие, 1999. 416 с.
3. Зольникова Н. Д. Эсхатология енисейского старовера-книжника часовенного согласия Исаия Назаровича // Отечественная история. 2000. №5. С. 118-122.
4. ЦВРК ИМБТ СО РАН. (Центр восточных рукописей и ксилографов. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Кириллическая коллекция). Сборник Ефимова. 1, л. 1-3 об (2 сч.)
5. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Б2688.
6. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Б5133.
7. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Б5136.
8. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Б5844.
9. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Б5846.
10. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Б9493.
11. Мурашова Н. С. Персоносфера старообрядческого духовного стиха // Вестник славянской культуры. 2017. Т. 45. С. 71-85.
12. Мурашова Н. С. Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII-XX вв. Новосибирск, 2003. С. 194-221.
13. Мурашова Н. С. Сборники духовных стихов в книжной культуре старообрядцев // Книга: Сибирь – Евразия : материалы 1 междунар. науч. конгресса. Новосибирск, 2016. С. 76-83.
14. Казанцева М. Г., Философова Т. В. Музыкально-поэтическое наследие поморского севера в вятской старообрядческой традиции // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Т. 2. С. 81-111.
15. ГПНТБ СО РАН. ОРК (Отдел редких и рукописных книг). Q. III.19.
16. ГПНТБ СО РАН. ОРК. Q. III. 27.

References

1. Buraeva S. V. Staroobryadcheskaja knizhnaja tradicija Eniseja: vozmozhnosti i problemy komparativnogo analiza [Old Believers' book tradition of Yenisei : possibilities and problems of the comparative analysis] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2018. №4(8). Pp. 29-38 [In Russ.].
2. Buchilina Ye. A. Dukhovnye stikhi: sbornik dukhovnykh stikhov Nizhegorodskoj oblasti. [Spiritual poems : collection of spiritual verses of the Nizhny Novgorod region]. M., 1999. 416 p. [In Russ.].
3. Zolnikova N. D. Eskhatologija enisejskogo starovera-knizhnika chasovenno go soglasija Isaja Nazarovicha [Eschatology of the Yenisei Old Believer- bookman of hourly consent Isai Nazarovich] // Otechestvennaja istorija [National history]. 2000. №5. Pp.118-122 [In Russ.].

4. CVRK IMBT SO RAN. (Centr vpstochnyck rukopisej i ksilografov Instituta mongolvedenija, buddologii i tibetologii SO RAN. Kirillicheskaja kollekcijaja).Sbornik Efimova [COMX IMBTS SB RAN, Cyrillic collection. Efimov' collection]. 1, 1.1-3 gen. (2 acc.)] [In Russ.].

5. CVRK IMBT SO RAN [CC COMX IMBTS SB RAS]. B2688] [In Russ.].

6. CVRK IMBT SO RAN [CC COMX IMBTS SB RAS]. B5133] [In Russ.].

7. CVRK IMBT SO RAN [CC COMX IMBTS SB RAS]. B5136] [In Russ.].

8. CVRK IMBT SO RAN [CC COMX IMBTS SB RAS]. B5844] [In Russ.].

9. CVRK IMBT SO RAN [CC COMX IMBTS SB RAS]. B5846] [In Russ.].

10. CVRK IMBT SO RAN [CC COMX IMBTS SB RAS]. B9493] [In Russ.].

11. Murashova N. S. Personosfera staroobrjadcheskogo dukhovnogo stikha [Personosphere of the Old Believers' spiritual poem] // Vestnik slavjanskoj kul'tury [Bulletin of Slavic culture]. 2017. T. 45. Pp.71-85 [In Russ.].

12. Murashova N. S. Povestvovanija svjashchenoinoka Evagrija [Narrations of the monastic priest Evagry] // Problemy izuchenija etnicheskoj kul'tury vostochnykh slavjan Sibiri XVII-XX vv. [Problems of studying the ethnic culture of the East Slavs of Siberia of the XVIIth - XXth centuries]. Novosibisk, Pp. 194-221 [In Russ.].

13. Murashova N. S. Sborniki dukhovnykh stikhov v knizhnoj kul'ture staroobrjadcev [Collections of spiritual poems in the book culture of the Old Believers] // Kniga: Sibir'-Evrazija. Materialy 1 mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa [Book: Siberia-Eurasia. Materials of the 1st international scientific congress]. Novosibirsk, 2016. Pp.76-83 [In Russ.].

14. Kazantseva M. G., Filosofova T. V. Muzykal'no-poeticheskoe nasledije pomorskogo severa v vyatskoj staroobrjadcheskoj tradicii [Musical and poetical heritage of the Pomeranian north in Vyatka Old Believers' tradition] // Ural'skij sb.: Istorija. Kul'tura. Religija [Ural collection: History. Culture. Religion]. Ekaterinburg, 1998. T. 2. Pp. 81-111.

15. GPNTB SO RAN. ORiRK (Otdel redkikh i rukopisnykh knig) [SPSTL SB RAS, DRaMB]. Q.III.19] [In Russ.].

16. GPNTB SO RAN. ORiRK (Otdel redkikh i rukopisnykh knig) [SPSTL SB RAS, DRaMB]. Q.III.27] [In Russ.].

*Амгаланова М. В.**Amgalanova M. V.***ФЕНОМЕН ПРОТИВОРЕЧИЙ В КУЛЬТУРЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ****THE PHENOMENON OF CONTRADICTIONS IN CULTURE:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS**

В социокультурном пространстве всегда в сложном взаимодействии находились религия, наука, искусство, политика, идеология, мировоззрение, результатом которого стало появление различных противоречий. Данная статья посвящена выявлению феномена противоречий в культуре, получившая рефлексию в трудах мыслителей XVIII – начала XX вв.

Religion, science, art, politics, ideology, worldview have always been in complex interaction in the sociocultural space that resulted in the emergence of various contradictions. This article is devoted to considering the phenomenon of contradictions in culture in the works of the thinkers of the XVIIIth – beginning of the XXth centuries.

Ключевые слова: культура, философия культуры, ценность, противоречия.

Keywords: culture, philosophy of culture, value, contradictions.

Культура является подлинной душой и лицом любого народа, но её отношения с человеком на протяжении всей человеческой истории складывались весьма драматично. История культурологической мысли богата разнообразными концепциями, в которых понимание культуры имеет различное смысловое содержание. Не претендуя на глубину и системность в изложении развития представлений о культуре, попытаемся показать осмысление философами феномена противоречий в культуре.

Со времен Античности мыслители осуществляли оценку современных им культурных процессов, чтобы понять причины изменений ценностных и поведенческих ориентиров, происходящих в обществе. В эпохи Античности, Средневековья и Возрождения «культура» так или иначе рассматривалась в качестве деятельности человека по преобразованию окружающего мира и самого человека. XVII век знаменовался развитием мореплавания, торговли, градостроительства, промышленности и науки. Наука получила оформление в качестве социального института, за ней закрепились специфические функции, были сформулированы общие принципы и методы познания. Именно в этот период произошла институционализация понятия «культура» (С. Пуффендорф). Однако, несмотря на это, культура не стала предметом самостоятельных теоретических исследований. Но уже в эпоху Просвещения культура получила более широкую рефлексию и укрепилась в качестве философского понятия. С этого момента, на наш взгляд, началось постепенное осмысление культуры как целостной системы, объединяющей ее разнородные составные части.

XVIII век характеризуется кардинальными изменениями в социально-политической сфере. Формирование гражданского общества и правового государства обусловило, с одной стороны, возрастание роли юридических и моральных норм как регуляторов общественной жизни, с другой – усиление роли человека в общественном развитии. Основой цивилизационного развития в эпоху Просвещения стали вера в прогресс и в торжество разума, в размышлениях философов (В. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер и другие) культура становится эталоном, образцом. Но одновре-

менно с этим приходит и осознание, что мир культуры делает человека зависимым от тех стереотипов и правил, которые регулируют его жизнь в обществе. В этом смысле культура, связывая духовную и социальную области жизнедеятельности, определяет для индивида границы возможного, а само общество – стандарты должного. Именно это стало отправной точкой для философов-просветителей, которые не могли не отмечать противоречия в культурном развитии, обусловленные прогрессом. В их трудах получили осмысление различные противоречия, которые лежали в самой основе культуры Нового времени, связанной с тем, что «разум не всегда является спутником прогресса» [8, с. 71].

Идеологи Просвещения были свидетелями противоречий самой эпохи, заключавшихся в чрезмерном богатстве аристократии, буржуа и нищете простых людей, бурного роста научного знания и религиозного фанатизма. По мысли французского просветителя Ж.-Ж. Русо (1712-1778), именно мир культуры способен принести человеку вред. В основу его концепции было положено базовое противоречие естественного природного начала с искусственным культурным началом. Блистательный просветитель, философ Вольтер (1694-1778) также выступал с критикой современной культуры. Так, в повести «Простодушный» Вольтер показывает несоответствие общественных явлений (религиозные верования, законы, обычаи придворной жизни) естественной природе человека.

В трудах родоначальника классической немецкой философии И. Канта (1724-1804) центральное место принадлежит человеку, согласно которой человек – существо двойственное, принадлежащее одновременно миру природной необходимости и миру нравственной свободы. Именно это противоречие определяет всю жизнедеятельность человека. По своей природе человек предрасположен к злым поступкам, но как член общества он ограничен нравственным законом и стремится к добру. Другой немецкий просветитель, поэт Ф. Шиллер (1759-1805) видел противоречия культуры в стремлении к материальным ценностям и духовной деградации. Он противопоставлял эстетическую концепцию развития европейской цивилизации «технической» модели современной ему общественной жизни. Для него эстетическая реальность формируется духовными, но не материальными потребностями.

Таким образом, на рубеже XVIII-XIX вв. западноевропейскими философами было осознано противоречие между познавательным и ценностным отношением человека к миру. Так, например, во Франции попытка организовать общество на ценностных основаниях Свободы, Равенства и Братства привела к массовому террору, а в Англии промышленная революция – к падению уровня жизни, вместо ожидаемого роста благосостояния, сказавшись в конечном итоге и на падении духовного состояния.

Философия XIX века знаменуется кризисом рационализма, критикой буржуазной культуры, в целом характеризуется как пессимистическая. Главное противоречие философы видели в развитии цивилизации и ее влиянии на культуру. Несмотря на бурный рост европейского общества, «просвещенная часть европейского общества как будто "кожей" чувствует, что будет дальше, куда идет Европа. Ощущение неблагоприятия, надвигающейся катастрофы становится преобладающим» [6, с. 178]. На смену гуманистическому осмыслению культуры, когда она «защищает человека от внешних нечеловеческих проявлений природной и социальной среды» приходит мысль «способна ли культура как целое или в каких-то своих особенных проявлениях выступать против человека и человеческого блага, подобно природной стихии или социальной?» [2, с. 7-8]. Впервые наиболее отчетливо рефлексия культуры как формы «всеобщего притворства», фикции была осуществлена в трудах А. Шопенгауэра (1788-1860), которого можно назвать философом пессимизма. В измышлении-

ях его последователя Ф. Ницше (1844-1900) антикультурные настроения в немецкой философии XIX века в целом достигли своего апогея.

В осмыслении двух символических типов он пытается объяснить противоречия реальной жизни. Борьба двух противоположных по природе своего происхождения аполлонической и дионисийской культур обусловили кризис культуры. Ф. Ницше полагал, что этот кризис был связан с тем, что превалирующим началом в культуре было аполлоническое начало, а дионисийское было забыто. «Аполлон и Дионис – два первоначала культуры: гармония, счастье, тишина, светлый покой и темная стихия прорыва, диссонансы, противоречия, муки жизни. Жизнь, в том числе, феномен и эстетический, именно поэтому возникает культура, несущая на себе отпечаток человеческих антиномий» [3, с. 115].

Во главу угла концепции культуры К. Маркса (1818-1883) была положена проблема классового противоречия, которое для философа становится источником социальной борьбы, движущей силой в смене исторических эпох: «бесклассовое общество должно стать результатом упразднением противоречий между государством и личностью» [4, с. 116]. Кроме того, К. Марксом обращается внимание на противоречие цивилизации и культуры, которое он связывает с капиталом. Производственные силы и общественные отношения являются лишь средством капитала. Последний, с одной стороны, способствует росту производства, развитию науки, созданию рабочих мест, с другой – подчиняет все это своему интересу самовозрастания. Философом выделяется сфера духовного производства, но и она подчинена сфере материального производства. Именно это противоречие и обуславливает неравномерное развитие материального и духовного богатства, другими словами, противоречие цивилизации и культуры.

Во второй половине XIX века наука о культуре получает постепенное обособление, а накопленный предыдущими столетиями исследовательский материал положил начало специфической методологии изучения культуры. В. Дильтей (1833-1911) один из первых, кто осуществил подобную разработку, противопоставляя природу и культуру, тем самым разграничив естественное и гуманитарное знание. Свою методологию цикла гуманитарных наук В. Дильтей назвал «науками о духе».

Феномен противоречий получил осмысление в контексте аксиологического подхода, основоположниками которого стали философы неокантианцы В. Виндельбанд (1848-1914) и Г. Риккерт (1863-1936). Проблема онтологической оценки всего сущего поднималась древнегреческими философами, которые к базовым ценностям относили Душу, Ум, Добродетель, теологи Средневековья ввели в качестве ценностей Истину, Добро, Красоту, мыслители Ренессанса сместили акцент на мирские ценности свободного индивидуума, а философы Нового времени ввели ценности Свободы, Равенства, Прогресса, Разума, Науки.

Философами неокантианцами подчеркивалось, что наличие мира ценностей является главным условием общественного развития. В отношении противоречивости ценностей ими отмечалась трансцендентность ценности, ее связь с действительностью. Другими словами, ценности меняться не могут, изменяется только наше отношение к ним. Основоположник социологии культуры М. Вебер (1864-1920) одним из первых начал говорить об оппозиционности и противоречивости ценностей. Главной заслугой М. Вебера в методологическом плане является то, что он освободил науку от ценностных суждений, поскольку установление примата тех или иных ценностей обусловлено личной мировоззренческой позицией или религиозными, политическими и иными конъюнктурами различных социальных структур. Ключевой принцип его методологии заключается в свободе от ценностей, позволяющий осуществить непредвзятый анализ каких-либо фактов, событий, явлений или лично-

стей, отказавшись от оценочного критерия «хорошо-плохо», «правильно-неправильно». Для него общезначимых ценностей не существует.

Для мыслителей рубежа XIX-XX вв. ключевой проблемой стал социально-политический и духовно-нравственный кризис в европейских странах, обусловивший понимание, что не все в культуре является благом. В процессе деятельности человека создается не только мир красоты, просвещения, творческой активности, но и мир неоправданного разрушения культурных ценностей, война, геноцид и многое другое. Стремление к материальным ценностям, безоговорочная вера в прогресс, который способствует только движению к лучшему в историческом процессе, трансформировалось в равнодушие к чужой жизни. Размышления о культуре как о чем-то прекрасном стали полагаться проявлением исследовательского субъективизма и идеализма особенно после Первой мировой войны.

Концепции культуры отечественных философов отличались от западноевропейских тем, что в них сложилось понимание культуры как религиозно-духовного опыта человечества. В размышлениях Н. Бердяева, И. Ильина, В. Розанова, П. Флоренского, С. Франка и других философов представлены сложнейшие проблемы культурного бытия. В России происходили процессы, сходные с европейскими, когда утонченная аристократическая дворянская культура сменялась грубой разночинной культурой, идеализм позитивизмом, религиозность атеизмом.

Для П. А. Флоренского (1882-1937) противоречия культуры заключались в ее одновременной положительной и отрицательной значимости. «Культура – это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить своего соседа. Развитие культуры идет столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растет кротость – растет и жестокость, растет альтруизм, но растет и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось зло; скорее так, как при развитии электричества: всякое появление положительного электричества идет параллельно с появлением отрицательного. Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться и не может, по-видимому, не кончиться» [7, с. 200].

Однако, на наш взгляд, более всего рассматриваемая проблема представлена в трудах Н. Бердяева (1874-1948). Сущность социального кризиса культуры он видит в глобальном противоречии гуманистической культуры и техническим прогрессом, приобретающим «все большее и большее господство над жизнью, после всасывания в культуру огромных человеческих масс и расширения ее социального базиса, культура начинает перерождаться» [1, с. 46]. Ренессансная культура перестает быть всенародной, не владеет душой масс, что обуславливает острое, трагическое противоборство аристократической и демократической типов культуры.

Таким образом, взяв для анализа лишь небольшое количество трудов исследователей в области философии, истории и социологии культуры, приходим к выводу, что в истории культурологической мысли была осуществлена мировоззренческая рефлексия культуры с точки зрения степени ее воздействия на человека, на проблемы свободы чувствования, деятельности и творчества человека. Все это привело не только к целому ряду различных исследовательских направлений и трактовок культуры, но и рефлексии феномена противоречия.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Социальный кризис культуры // Новый град. 1921. № 3. С. 46-53.
2. Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. Гуманистические ценности культуры // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4). С. 6-18.

3. Ирицян Г. Э. Дионисизм Ф. Ницше как новая культурологическая парадигма // Теория и практика общественного развития, 2010. № 1. С. 110-115.
4. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М. : Политиздат, 1978. 908 с.
6. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М. : Университет. кн., 2012. 406 с.
7. Флоренский П. А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. Игумена Андроника (А. С. Трубачева). М. : Мысль, 1994. 797 с. : ил.
8. Философия культуры. Становление и развитие. СПб. : Лань, 1998. 448 с.

References

1. Berdyaev N. A. Social'nyj krizis kul'tury [Social crisis of culture] // Novyj grad [Novy grad]. 1921. № 3. Pp. 46-53. [In Russ.].
2. Zhukotsky V. D., Zhukotskaya Z. R. Gumanisticheskiye cennosti kul'tury [Humanistic values of culture] // Cennosti i smysly [Values and meanings]. 2010. № 1 (4). Pp. 6-18. [In Russ.].
3. Iritsyan G.E. Dionisizm F. Nitsshe kak novaja kul'turologicheskaja paradigma [Dionisizm of F. Nietzsche as a new cultural paradigm] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]. 2010, № 1. Pp. 110-115. [In Russ.].
4. Kagan M. S. Filosofskaja teoriya cennosti [Philosophical theory of value]. St.-P., 1997. 205 p. [In Russ.].
5. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. Criticism of political economy]. Vol. 1. M., 1978. 908 p. [In Russ.].
6. Mezhuev V. M. Ideja kul'tury: Oчерki po filosofii kul'tury [The idea of culture. Essays on the philosophy of culture]. M., 2012. 406 p. [In Russ.].
7. Florenskij P. A., Sochinenija [Compositions] : in 4 vol. Vol. 1 / ed. by Iгumen Andronik (A.S. Trubachev). M., 1994. 797 p. : ill. [In Russ.].
8. Filosofija kul'tury. Stanovlenije i razvitije [Philosophy of culture. Formation and development]. St.-P., 1998. 448 p. [In Russ.].

Дандарон М. Б., Бату-Цыренова И. Д., Цыденова А. Д.

Dandaron M. B., Batu-Tsyrenova I. D., Tsydenova A. D.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЧЕРЕЗ ЭМПАТИЙНЫЙ ПОДХОД

FORMATION OF ETHNOCULTURAL COMPETENCE THROUGH EMPATHY APPROACH

В статье рассматривается формирование этнокультурной компетентности через этнокультурное образование. Проанализирована актуальность формирования и ценностные составляющие этнокультурной компетентности с учетом реалий глобализирующегося мира. Рассмотрены возможности использования герменевтической технологии эмпатии в формировании этнокультурной компетентности.

The article considers the formation of ethnocultural competence through ethnocultural education. The actual character of ethnocultural competence formation and its value components are analyzed taking into account the globalized world realities. The possibilities of using hermeneutic technology of empathy in forming ethnocultural competence are examined.

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, ценности, традиции, культура, личность, традиционная культура, этнокультурное образование, поликультурность, глобализация, герменевтика, науки о духе, эмпатия, сохранение и трансляция культуры.

Keywords: ethnocultural competence, values, traditions, culture, personality, traditional culture, ethnocultural education, multiculturalism, globalization, hermeneutics, science of the spirit, empathy, preservation and translation of culture.

Многогранное и сложное явление этнической культуры проявляется в укладе народной жизни, в социальных и нравственных нормах поведения, в народных традициях, духовных ценностях, ментальных установках. Главной задачей этнокультурного образования является передача собственного культурного наследия следующим поколениям, а также формирование этнокультурной компетентности.

Этнокультурная компетентность человека предполагает глубокое знание основного комплекса его родной культуры, а также знание и хорошее представление об иных культурах, причем уровень этнокультурной компетентности зависит от состава той поликультурной среды, в которой человек проживает. Если человек проживает в государстве или республике, где численно преобладает или широко представлена в культурно-этническом плане титульная нация, при этом сам он не является ее представителем, его знание культуры, менталитета, обычаев должны носить глубокий и основательный характер. И это знание должно быть не формальным, поверхностным, а глубоко эмпатийным, оно должно быть пронизано искренним интересом и уважением к этой культуре.

В современном глобальном мире человек живет в открытом географическом, культурном и антропологическом пространстве. Независимо от тех или иных межгосударственных политических отношений, человек имеет возможность перемещаться, путешествовать, даже мигрировать в другие страны, в инокультурную среду. В этой ситуации этнокультурная компетентность ему жизненно необходима. Именно эмпатийное вживание в другую культуру даст ему возможность безболезненной адаптации в иной среде.

Формирование этнокультурной компетентности неизбежно детерминировано аксиологической составляющей любой культуры. Причем гуманистические ценности, нравственно-этические установки имеют универсальный характер у всех народов и культур. Различия, конечно, есть, но они носят частный характер, чаще всего касающиеся обрядово-ритуальной стороны культурной и религиозной жизни народа. Поэтому любой человек должен знать в первую очередь собственную культуру, корни которой питают нравственный потенциал каждого человека. Человек без корней может, конечно, гордо называть себя космополитом, но ему придется пройти довольно сложный индивидуальный путь формирования собственных этических установок. Если ему это удастся, то в результате он придет примерно к тем же универсальным гуманистическим ценностям. В каждом человеке блок универсальных ценностей заложен на архетипическом уровне, полноценная реализация которых осуществляется только в социуме. Значимость этнической культуры в том, что она на первичном социальном уровне легитимирует и объективирует универсальные этические ценности в виде духовной культуры.

В процессе сохранения и трансляции культурного наследия, традиций, обычаев, образа жизни, способа мышления ключевую позицию занимает проблема передачи ценностей. Первичные морально-нравственные установки человека формируются в культурном наследии этнокультурного воспитания в малом социуме. Ценности этнической культуры представляют собой совокупность материальных, духовных ценностей этноса. Каждая этническая общность практикует выработанные веками способы взаимодействия с природой и обществом. Ориентация на традиционные культурные ценности с опорой на устоявшиеся практики позволит сохранить и транслировать этническую культуру данного народа в последующих поколениях.

Приобщение подрастающего поколения к традиционной народной культуре является основой этнокультурного образования детей, а также всех возрастных категорий, всех тех, кто имеет пробелы в знаниях о своем народе, традиционной культуре. Такие знания направлены на осмысление и поднятие статуса собственной этнической идентичности, на грамотное конструирование межэтнических отношений и поликультурной компетентности.

Такие гуманитарные науки о традиционной культуре, как культурология, этнология, культурная антропология, социально-историческая антропология, этнопсихология, этнопедагогика исследуют проблемы существования, сохранения национальных культур. Теоретико-методологические разработки этих наук во многом похожи, и все они сходятся во мнении, что недостаточно интеллектуального теоретизирования, которое доступно узкому кругу ученых исследователей. Необходимо расширять круг знатоков традиционной культуры через этнокультурное образование и повышение этнокультурной компетентности. И таким образом приобщать широкие массы к ценностным установкам, обычаям и традициям своего народа, а также соседних народов и других народов, с которыми есть контакты.

При внимательном рассмотрении проблемы повышения этнокультурной компетентности становится очевидной необходимость ввода и расширения сегмента этнокультурного образования, хотя бы на уровне среднего общего образования. Традиции, обычаи, традиционное искусство, ремесла, особенности уклада и быта, психологические особенности своих и других этнических групп необходимо изучать и включать в сферу образования и воспитания.

В современном многонациональном российском обществе растет актуальность формирования этнокультурной компетентности. Н.М. Лебедева определяет этнокультурную компетентность как «совокупность знаний, представлений о других культурах, реализующиеся через навыки, установки, модели поведения, которые

обеспечивают эффективное взаимодействие с представителями этих культур [1, с. 145].

Этнокультурная компетентность выражается в знании об окружающей социальной реальности, наполненной культурной и этнической спецификой данного социально-культурного ландшафта. Это в первую очередь ориентация на ценности толерантных установок в межэтническом и межкультурном взаимодействии. Это способность к эмпатии в межличностных отношениях в полиэтнической среде, тактичность в реакции на поступки, образ мысли, образ жизни людей других национальностей. Готовность к эффективному взаимодействию в профессиональной деятельности в условиях многонационального коллектива. Это способность к конструктивному межкультурному диалогу и выбору решений в различных ситуациях межэтнического взаимодействия.

По мнению Т.В. Поштаревой, «этнокультурная компетентность – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [2, с. 35]. Эти знания рассматриваются как побудительные основания в области межэтнических коммуникаций и взаимодействий.

Современная философия представляет собой широкое поле теоретических и методологических подходов и решений в исследовании социальной реальности. Одной из самых актуальных является методология философской герменевтики. Герменевтика представляет собой направление философии, это теория и искусство толкования текстов. Основной вопрос герменевтики: как возможно понимание? Главная идея: существовать – значит быть понятым.

У истоков герменевтики стоят Шлейермахер, Дильтей, Гадамер. Первоначально герменевтика направляла свой творческий интерес на воспроизводство исторического и культурного контекста, в котором создавалось произведение. А также важно было выявление «духа автора» через психологическое «вживание», «вчувствование». Такой подход осуществляется через технологию «герменевтический треугольник». По углам этого треугольника располагаются автор, текст и читатель, и между ними неизбежно возникают особые взаимоотношения.

Вильгельм Дильтей, немецкий философ, основоположник понимающей психологии, рассматривает применение герменевтики в более широком ракурсе. По его мнению, герменевтика может быть универсальным методом понимания и текстов и всех проявлений человеческой сущности. Можно анализировать все – поступки, жесты, мимику, манеры, образ мыслей и т.д. Мир другого человека, понимание его духовности осуществляется путем «сопереживания». Чтобы понять другого, необходимо перевести его внутренний мир на язык собственных переживаний, «побывать в его шкуре».

Герменевтики определяют два подхода в исследовании «чужой духовности» – это симпатия и эмпатия. Симпатия – это особый эмоционально-психологический и морально-этический настрой, когда исследователь благосклонно относится к исследуемому объекту. Но при этом субъект-объектная оппозиция носит оттенок превосходства собственной культурной, этнической, политической, социальной позиции исследователя. При симпатии используются собственные способы интерпретации поведения других людей. При общении с носителями других культур мы проявляем симпатию, потому что рассматриваем приемлемость их поведения со своих позиций.

Для успешного осуществления межкультурных коммуникаций следует обратить внимание и практиковать эмпатийный подход, при котором исследователю недостаточно просто симпатизировать исследуемому объекту как представителю

другой культуры, этноса и т.д. Эмпатия – это вчувствование, интеллектуальное и эмоциональное проникновение во внутренний мир другого человека, способность понять его чувства, мысли, ожидания и стремления. Эмпатия основывается на предположении, что в одинаковых обстоятельствах все люди переживают одинаковые чувства и ощущения. Эмпатия стремится понять причину культурных различий изнутри.

Чтобы понять поведение представителей другой культуры, необходимо его рассматривать в рамках их культуры, а не своей, то есть здесь необходимо проявлять больше эмпатии, чем симпатии.

Любая культура наряду с универсальными ценностями, формирует собственную систему ценностей, моделей ментальности и поведения. Каждая культура заслуживает оценки, описания и интерпретации с позиций культурного детерминизма. Науки о культуре, такие науки, как культурология, этнология, культурная и социальная антропология – это систематические сравнительные науки о культурах разных обществ и эпох. Для наук, занимающихся культурным анализом, эмпатийный подход как методология герменевтики должен быть приоритетным в становлении гуманизма и культурного плюрализма.

Примечания

1. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. №5. С. 3-5.
2. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. 2005. №3. С. 35-42.

References

1. Lebedev O. E. Kompetentnostny podkhod v obrazovanii [The competence-based approach in education] // Shkol'nyje tekhnologii [School technologies]. 2004. No. 5. Pp. 3-5 [In Russ.].
2. Poshtareva T. V. Formirovaniye etnokul'turnoj kompetentnosti [The formation of ethnocultural competence] // Pedagogika [Pedagogy]. M., 2005. No. 3. Pp. 35-42 [In Russ.].

*Добрынин С. А.**Dobrynin S. A.***СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОДЮСИРОВАНИЯ
ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ФОРМ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ****SPECIFIC FEATURES OF PRODUCING THEATRICAL
FORMS OF HOLIDAY CULTURE**

В статье рассматриваются специфические особенности продюсирования театрализованных представлений и праздников в условиях сложившейся констелляции современного бытования праздничной культуры.

The article considers the specific features of producing theatrical performances and holidays in the context of the current constellation of the modern existence of festive culture.

Ключевые слова: специфика продюсирования театрализованных форм праздничной культуры, театрализация, социальный заказ, праздничная ситуация, событийная основа праздника, организационные технологии реализации арт-проектов, особенности финансирования и продвижения театрализованных форм праздничной культуры.

Keywords: production specifics of theatrical forms of holiday culture, theatricalization, social order, festive situation, event basis of the holiday, organizational technologies of art projects implementation, peculiarities of financing and promoting theatrical forms of holiday culture.

Феномен праздничной культуры как важный и неотъемлемый компонент культуры в целом на протяжении длительного времени является объектом изучения и анализа всевозможных направлений гуманитарных наук.

По мнению В. Н. Поповой, «постоянная трансформация праздников под влиянием меняющейся социокультурной ситуации обеспечивает перманентную актуальность исследования данной сферы» [1, с. 6]. Не является исключением и теория, и практика продюсерской деятельности, которая связана с реализацией арт-проектов в области театрализованных форм праздничной культуры.

Современный опыт постановок массовых праздников и театрализованных представлений подразумевает акцентированное внимание к решению вопросов организационного и финансового свойства. По сути, речь идет о том массиве работы по их подготовке и проведению, который относится к реализации продюсерских функций. Они, в свою очередь, требуют знания основ экономики, менеджмента, права, маркетинга и т.д. в сфере культуры и искусства и, что немаловажно, *специфики* продюсирования театрализованных форм праздничной культуры.

Специалист, осуществляющий продюсерские функции в реализации арт-проектов театрализованных мероприятий культурно-досуговой сферы помимо общепрофессиональных компетенций продюсирования должен обладать и рядом специфических знаний, умений и навыков. Это, в первую очередь, владение постановочными технологиями театрализованных праздников и представлений, умение работать с организационно-финансовыми структурами, коллективами народного художественного творчества и профессионального искусства, понимать сущность праздника как социально-культурного явления, его миссий, знать типы праздничного действия, специфику их режиссуры и сценарной драматургии, понимать и использовать

психолого-педагогические аспекты праздничного общения, активизации участников, факторы формирования замысла и его воплощения и продвижения в системе «социального заказа», его ресурсно-организационного планирования и обеспечения в условиях сложившейся на современном этапе констелляции бытования праздничной культуры.

Очень важным моментом для продюсирования театрализованных представлений и праздников является понимание и владение художественно-творческим методом театрализации. Театрализация – это феномен, принадлежащий к области искусства, поскольку связан с образным решением темы, с обращением к эмоциональной сфере человека. Образность является основой языка театрализации. В праздничных арт-проектах необходимо единство, синтез нетеатрального жизненного материала с материалом художественным, что важно для достижения определенного воздействия на зрителя. В театрализованных формах праздничной культуры эмоциональное *сопереживание*, присущее театру, соединяется с *содействием*, активным вовлечением в действие участников.

Как известно, продюсирование – это род деятельности, совмещающий искусство и бизнес и направленный на руководство художественно-творческим процессом и реализацию результатов этого процесса. Области применения продюсерских функций весьма обширны – от киноиндустрии до галерейного дела, в этом ряду находится и постановка праздников и театрализованных представлений. Яркие примеры успешного их продюсирования дали нам церемонии открытия и закрытия олимпийских игр в Сочи, театрализованный концерт на Красной площади, посвященный 70-летию Великой Победы, другие масштабные мероприятия, как в столице, так и в регионах. Многие из них удостоены национальной премии «Грани театра масс». Как правило, в таких проектах функции продюсеров и режиссеров разделены, в определенной мере уже можно говорить о формировании кластера продюсеров, специализирующихся на реализации арт-проектов театрализованных форм праздничной культуры. В то же время он не охватывает и вряд ли охватит всю совокупность праздников и представлений, проходящих на разных уровнях – в учреждениях и организациях, в сельских и городских поселениях, муниципальных районах, городских округах. Каждый из них невозможно обеспечить руководством продюсера-профессионала. И в этом случае выполнение продюсерских функций берут на себя руководители учреждений культуры, искусства, спорта, образования и, чаще всего, режиссеры-сценаристы театрализованных праздников и представлений, как авторы арт-проектов. Это обстоятельство во многом и определяет основные специфические особенности продюсирования театрализованных праздничных форм.

В тесной взаимосвязи с вышеизложенным фактором находится целый ряд специфических продюсерских компонентов подготовки и проведения праздничных мероприятий, которые нельзя не учитывать.

Во-первых, спрос на данную арт-продукцию определяется *социальным заказом и праздничной ситуацией*.

Во-вторых, виды продюсерской деятельности (исполнительный продюсер, линейный, креативный и т.д.), как правило, не разделяются и сливаются в некий *универсальный* вид продюсирования. Исключение, разумеется, составляют масштабные проекты высокого уровня.

В-третьих, поиск, формирование идеи, замысла праздничного арт-проекта привязано к его *событийной* основе, к дате праздничного календаря.

В-четвертых, привлечение средств, финансирование такого проекта, финансовый контроль – это в большей мере прерогатива его *заказчика*, за исключением собственных, не заказных проектов продюсера.

В-пятых, продвижение арт-проектов театрализованных форм праздничной культуры в основном сводится к *информационному* обеспечению, поскольку конкуренция практически отсутствует в виду всеобщности празднуемого события и необходимости объединения организационных, материальных и творческих ресурсов территории (за исключением, пожалуй, новогодних праздничных представлений).

В-шестых, преобладающее значение приобретают *организационные* технологии реализации арт-проектов праздничной культуры.

В-седьмых, финансирование подавляющего большинства арт-проектов в сфере массовых праздников и театрализованных представлений производится за счет *бюджетных* средств в рамках выполнения государственных (муниципальных) заданий учреждениям социально-культурной сферы. Исключения составляют арт-проекты, осуществляемые частными продюсерскими центрами, эвенторскими фирмами и т.п.

Таким образом, продюсирование массовых праздников и театрализованных представлений имеет свои специфические особенности, которые необходимо учитывать при их организации и финансировании.

Современные тенденции развития праздничной культуры ставят серьезные вопросы перед специалистами, отвечающими за эффективную и эффектную реализацию арт-проектов театрализованных ее форм. В определенной степени возникает противоречие между стремлением сохранить их традиционное начало и инновационными, зачастую упрощенными способами подачи и включения в жизнь социума. И эти вопросы необходимо разрешать позитивно, в том числе через адекватную реализацию продюсерских функций в ходе подготовки и проведения театрализованных праздников и представлений.

Примечание

1. Попова В. Н. Праздник как социально-культурный феномен : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 84 с.

Reference

1. Popova V.N. Prazdnik kak social'no-kulturny fenomen : ucheb. posobie [Holiday as a social and cultural phenomenon : manual]. Yekaterinburg, 2017. 84 p.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-4-12-104-111

УДК 94(517.3)

Чимитдоржиева Г. Н., Отгонтуул Т.

Chimitdorzhieva G. N., Otgontuul T.

ЗАКОНЫ ОБ ОДЕЖДЕ, УКРАШЕНИЯХ И ЭСКОРТЕ В ТЕКСТЕ «МАГАД ХУУЛЬ»¹

LAWS ON CLOTHES, JEWELRY AND ESCORT IN THE TEXT “MAGAD KHUUL”

В статье приведен обзор законов, правил, положений и указов об одежде, головных уборах, украшениях и элементах эскорта, изданных в период правления первых трех правителей раннецинского периода до правления Канси.

The article presents the review of the laws, rules, regulations and decrees concerning clothes, headwear jewelry and escort elements issued during the reign of the first three rulers of the early period of the Qing dynasty before the reign of Kanshi.

Ключевые слова: империя Цин, одежда, головной убор, ткани, драгоценные камни, эскорт.

Keywords: the Qing dynasty, clothes, headwear, fabrics, jewels, escort.

Исторический памятник *Daiċing ulus-un mongyul-un mayad qauli* ~ «Правдивые записи о монголах Цинской империи», составленный на основе «Цин ши лу», примечателен, прежде всего, как исторический и юридический источник. В числе законов, положений и указов раннего периода Цинской империи, которые содержат богатый и интересный материал, имеется более десятка сводов, где определены правила придворного этикета, а именно касаются гардероба подданных империи. Эта область заслуживает внимания и с точки зрения лексического их выражения, поскольку данная тематическая группа слов как часть культурной терминологии легче всего заимствуется при межъязыковых контактах. Поэтому в статье мы постарались представить некоторые названия одежды, тканей, камней, животных и птиц на письменном монгольском и китайском языках (*сокр.* п.-монг. и кит.) [3; 4].

В тексте «Правдивых записей о монголах Цинской империи» до 1661 г. представлены: 1. Закон о придворной одежде; 2. Указ об одежде и головных уборах; 3. Порядок ношения парадной одежды; 4. Правила ношения парадной одежды для свиты; 5. Положение о головных уборах, кафтанах и домах ванов, нойонов, знаменных нойонов и гунов; 6. 13 степеней для ношения наверхий головных уборов и поясов; 7. Правила ношения наверхий головных уборов и поясов для ванов, знаменных нойонов и туру-ун ванов; 8. Правила украшения шлемов сановников, рангом ниже вана; 9. Поправки к Правилам украшения шлемов верхними нитями для сановников, рангом ниже жалованных гунов, хоу, бо и выше дзанги; 10. Правила для императорского эскорта, а также эскортов ванов, нойонов, знаменных нойонов и гунов; 11. Правила для эскортов и одежды супруг ванов, принцесс, гэгэ, правила для экипа-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-59-94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)».

жей и одежды супруг сановников, рангом ниже гуна; 12. Правила для эскортов хуан-тайхоу и наложниц императора; 13. Правила использования экипажей и лошадей, одежды и украшений для гражданских и военных чиновников, а также простого народа.

В 1632 году Сэчэн-хан издал **Закон о придворной одежде** (тетрадь 12, 1632 г.) [1, с. 76], которого следовало придерживаться всем подданным в зависимости от ранга, пола, сезона, присутственного места. Согласно Закону командиры восьми знамен должны были в городе зимой и летом носить кафтаны с оплечьями (п.-монг. *ᠵᠠᠭᠠ-ᠲᠤ ᠳᠡᠪᠡᠯ*), а за городом – будничные кафтаны (п.-монг. *ᠰᠤᠮᠤᠨ ᠳᠡᠪᠡᠯ*), носить зимой при дворе шапки из черной лисицы, в обычных местах соболя шапки с красной кистью или соболя шапки без полей (п.-монг. *ᠲᠣᠶᠦᠷᠴᠠᠭ ᠪᠤᠯᠠᠭᠠᠨ ᠮᠠᠯᠠᠭ-ᠠ*), а весной и осенью при дворе – соболя шапки с красной кистью, летом прутьяные шляпы с шелковой кистью (п.-монг. *ᠲᠣᠷᠶᠠᠨ ᠵᠠᠯᠠᠭ-ᠠ-ᠲᠤ ᠳᠡᠷᠡᠰᠦᠨ ᠪᠦᠷᠻᠡ*). При наличии могли носить одежду из обычного шелка (п.-монг. *ᠲᠣᠷᠶ-ᠠ*) и шелка с вытканными золотом и серебром драконами (п.-монг. *ᠮᠠᠩᠭᠨᠠᠭ*), однако запрещалось носить одежду из желтого шелка и с вышивкой драконов с пятью когтями (п.-монг. *ᠲᠠᠪᠤᠨ ᠵᠢᠮᠤᠰᠤ-ᠲᠤ ᠴᠠᠳᠦᠮᠠᠯ ᠯᠠᠭ*), для ношения которых требовалось разрешение. Не позволялось носить атласные сапоги повсеместно, только летом при дворе.

Хатун восьми домов зимой и летом для выезда за город прописано надевать безрукавку с меховыми или парчовыми нашивками на воротнике (п.-монг. *ᠲᠠᠰᠢᠲᠤ ᠠᠶᠤᠵᠢ*, где *tasi* ‘опушка, выпушка, накладка на платье; в Китае у чиновников украшение в виде крыльев на плечах из соболей или шелковой ткани, обшитое золотом и употребляемое во время аудиенции при дворе’ [2, с. 1617]), зимой носить соболя шапки с красной кистью, летом прутьяные шляпы с шелковой кистью.

Чиновники ниже командиров маньчжурских, монгольских, китайских знамен и выше дайцзы, дзанги, зажиточных людей в городе зимой и летом должны надевать кафтаны с оплечьем и не носить будничные кафтаны. Чиновники выше резервных ханских телохранителей, дзанги, гвардейцев, а также резервных телохранителей, дзанги и гвардейцев командиров при наличии могли носить шелка, а чиновникам ниже их рангом надлежало носить одежду из простой ткани, поскольку цена одного куска шелка стоила десять кусков простой ткани. Простые неимущие люди должны носить повседневную одежду. Выезжая за город, все должны носить будничные кафтаны.

По данному Закону женщинам предписывалось носить одежду из шелка или простой ткани в соответствии с рангом своих супругов. Зимой полагалось носить шапки с шелковой кистью без полей, летом прутьяные шляпы. Если они могли себе позволить, то не запрещалось носить шелка с вытканными золотом или серебром драконами, однако возбранялся шелк желтого и оранжевого цветов, а также вышивка драконов с пятью когтями.

Супругам монгольских нойонов, монгольским женщинам зимой и летом следовало носить безрукавки с меховыми или парчовыми нашивками на воротнике, зимой носить соболя шапки с красной кистью, летом прутьяные шляпы с красной кистью. Монгольским женщинам Законом запрещалось носить меховые шапки с шелковой кистью, шапки из хлопчатобумажной ткани и низкие прутьяные шляпы с шелковой кистью. Такой запрет связан с дороговизной материала – на одну кисть шапки расходуется один большой кусок шелка.

Помимо этого сановникам не позволялось шить и носить шапки из черной лисицы, и не всем позволительно было носить атласные сапоги – их можно было надевать при дворе или на праздниках. Также в городе не стоило носить шапки из рыжей лисицы, они были разрешены для выездов за город в сильные холода. В за-

прете было ношение шапок с красной кистью, меховых шапок и шапок из хлопчато-бумажной ткани, запрещалось носить в городе широкие пояса, меха хищных животных, дорожные короткие куртки без рукавов, стеганные на вате, последние можно было надевать и подпоясывать, выезжая за город.

В 1633 году был издан еще один **Указ об одежде и головных уборах** (тетрадь 14, 1633 г.) [1, с. 82], в который были внесены незначительные уточнения.

Во время правления Эе-бэр-Дзасагчи в 1647 году в соответствии с указом министерства церемоний был утвержден **Порядок ношения парадной одежды** (тетрадь 35, 1647 г.) [1, с. 291]. В этом Порядке примечательным является перечисление различных видов тканей, необходимых для шитья парадной одежды. Это шелк с вытканными золотом и серебром драконами, золототканый шелк (п.-монг. *altan utasatu torγ-a*), обыкновенный шелк без собольей оторочки. Рядовым и простому народу следует носить шелк (п.-монг. *čuse*), тонкий шелк (п.-монг. *giuvansa*, кит. 绢 *juàn*), шелковую пряжу (п.-монг. *fangse*, кит. 纺丝 *fǎng sī*), газ (п.-монг. *ša*, кит. 纱 *shā*). Нельзя использовать высококачественный дамаст (п.-монг. *yeke torγ-a*, кит. 大缎 *dà duàn*), одноцветный без узоров атлас фиолетового цвета (п.-монг. *köke yasil*, кит. 蓝素 *lán sù*), ису (п.-монг. *isu*, кит. 衣素 *yī sù*), пэндуан (п.-монг. *pengduvan*, кит. 彭缎 *péng duàn*), сатин заграничного образца (п.-монг. *yangduvan*, кит. 洋缎 *yáng duàn*), одноцветный без узоров атлас черного цвета (п.-монг. *qar-a yasil*, кит. 帽缎 *mào duàn*) и шелк ло (п.-монг. *lo torγ-a*, кит. 罗 *luó*). Для облегчения работы дзанги роты в своих подразделениях составляли списки старых и новых кафтанов с указанием цвета и вида шелка.

Правилами ношения парадной одежды для свиты (тетрадь 71, 1653 г.) [1, с. 333] определены некоторые запреты – носить одежду, которую носят телохранители; носить шелк с вышитыми золотом и серебром драконами, многоцветный атлас и собольи меха; телохранителям запрещалось ношение павлиньих перьев на головном уборе. Свите сановников внешних аймаков, рангом ниже циньвана и выше гуна, дозволено носить собольи и рысьи меха, шелк с вышитыми серебром и золотом драконами и многоцветный атлас.

В **Положении о головных уборах, кафтанах и домах ванов, нойонов, знаменных нойонов и гунов** (тетрадь 10, 1644 г.) [1, с. 261] и в **Правилах ношения наверхний головных уборов и поясов для ванов, знаменных нойонов и турул-ун ванов** (тетрадь 18, 1645 г.) [1, с. 271] указано, что верхнюю и нижнюю подставку, верхнее и нижнее звено, а также золотое изображение будды (п.-монг. *saran* ‘золотое изображение будды на лбу княжеской шапки’) и заднюю кокарду (п.-монг. *qoyitu čečeg*) наверхния головных уборов (п.-монг. *malay-a-yin očir*) должно украшать определенное количество жемчужин (п.-монг. *tan-a*) в зависимости от ранга (вана, нойона, знаменного нойона, гуна, цзюньвана) – от одной до десяти. Помимо этого в кокарде для отличия головного убора улус-ун тушэ гуна и улус-тур тусалагчи гуна применялась бирюза (п.-монг. *оууи*, кит. 松石 *sōng shí*). Жемчужина и другие полудрагоценные камни, такие как кошачий глаз (п.-монг. *muuyan*, кит. 猫睛石 *māo jīng shí*), яхонт (п.-монг. *buuši*, 宝石 *bǎo shí*) и яшма (п.-монг. *köke qaš*) использовались также в строго определенном количестве согласно статусу на подвеске пояса (п.-монг. *büsen-ü tooqai-dur*).

В данном Положении говорится о том, что зимняя подушка для сидения согласно рангу должна иметь подкладку из рыси, снежного барса (п.-монг. *irbis*) и оторочку из соболя, а коньковую черепицу домов туру-дур-тусалагчи вана, циньвана и цзюньвана следует окрасить в зеленый цвет.

Различали 13 степеней для ношения наверхий головных уборов и поясов (тетрадь 18, 1645 г.) [1, с. 269]. Золотые наверхия с гравировкой в виде цветка (п.-монг. *čečeg biderlegsen altan očir*) различались материалом украшения (рубин (п.-монг. *badmaray-a*), жемчужина, сапфир (п.-монг. *köke sil* ‘сапфир; корунд синего цвета’), хрусталь (п.-монг. *čayan sil* ‘кристалл; хрусталь’)) и их количеством. Те, кому полагается носить жемчуг, не должны были использовать жемчужины размером более трех фэней (п.-монг. *vin, fün*, кит. 分 *fēn* ‘фэнь, мера длины, равная 0,33 см’). Также были и другие наверхия – серебряное наверхие с гравировкой в виде цветка, наверхие в виде золотой или серебряной птицы (п.-монг. *altan / mönggün biljuuqai očir*) высотой в четыре пальца и наверхие в форме тыквы-горлянки (п.-монг. *qulu metü očir*).

Что касается поясов, то они должны иметь окаймленные золотом либо серебром четыре подвески, в основном круглой формы. Подвески в зависимости от ранга изготавливались из круглой или прямоугольной яшмы, с выгравированным золотом цветком, из золота и серебра без узоров, из панциря черепахи (п.-монг. *daimei eber*, кит. 玳瑁 *dài mào* ‘панцирь черепахи, черепаховый’), из светлого бараньего рога (п.-монг. *ming yang giyu*, кит. 明羊角 *ming yang jiǎo*), из черного рога, а центр подвески могла украшать одна бирюза или рубин.

Помимо этого существовали **Правила украшения шлемов сановников, рангом ниже ванна** (тетрадь 134, 1660 г.) [1, с. 375]. Шлемы украшались золотым наверхием, инкрустированным бирюзой или кораллом (п.-монг. *bširu*), либо без камня, верх шлема могли украшать также хвост куницы, барса, рыси, выдры, орлиное, а от шлема вниз спускали соболий хвост либо красные нити. В поправках к **Правилам украшения шлемов верхними нитями для сановников, рангом ниже жалованных гунов, хоу, бо и выше дзанги** (тетрадь 133, 1660 г.) [1, с. 374] появляются хвосты куницы, выдры, барса и рыси на верхушке шлема.

В **Правилах для императорского эскорта, а также эскортов ванов, нойонов, знаменных нойонов и гунов** (тетрадь 26, 1646 г.) [1, с. 278] установлен состав эскорта в зависимости от статуса сопровождаемого лица – необходимые элементы эскорта, их количество, цветовое и художественное символическое решение. Например, императорский эскорт должен включать: пять пар лошадей, двадцать знамен, двадцать штандартов, десять копий, десять колчанов, десять алебард на длинной рукояти, четыре желтых зонта с изогнутой ручкой, восемь желтых зонтов с прямой ручкой, два красных зонта, два синих зонта, два черных зонта, два белых зонта, шесть желтых опахал с вышитыми драконами, четыре желтых опахала, шесть красных опахал с вышитыми драконами, четыре красных опахала с изображением феникса (п.-монг. *vongquvang*, кит. 彩凤 *cǎi fēng*), четыре жезла учжан (п.-монг. *eü jäng šiydem*, кит. 吾仗 *wú zhàng*), четыре копыя с леопардовыми хвостами, четыре посоха с головкой в виде тыквы и четыре булавы с удлиненным круглым набалдашником.

Эскорт других содержал посох-булаву (п.-монг. *saryalǰi*), знамена с каймой, а также опахала и зонты, но с некоторыми цветовыми и иными отличиями: черные опахала, черные и красные опахала с вышитыми павлинами, круглые расшитые опахала из красного шелка, круглые опахала из черного шелка с изображением павлина, расшитые опахала из черного шелка с изображением павлина, красные зонты с золотыми драконами, красные зонты с изображением чудесной травы (п.-монг. *šüi ebesün*, кит. 瑞草 *ruì cǎo* ‘чудесная трава, появление которой считается счастливым предзнаменованием’), красные зонты с изображением драгоценных цветов, расшитые зонты из красного шелка с изогнутой ручкой, позолоченные зонты из красного шелка, круглые расшитые зонты из красного шелка.

В установленных **Правилах для эскортов и одежды супруг ванов, принцесс, гэгэ, правила для экипажей и одежды супруг сановников, рангом ниже гуна** (тетрадь 30, 1647 г.) [1, с. 283] прописывается, что в экипаже и гардеробе супруг, принцесс, дочерей и гэгэ высокопоставленных лиц должны быть наверху, головная шпилька, золотая накладка в виде будды, ожерелье должны иметь по десять (восемь, семь, шесть, пять, четыре, три – в зависимости от ранга) жемчужин. У дзасагун хатун и принцесс еще должны быть жемчужины на серьгах, ожерелье, золотая накладка в виде будды, головная шпилька размером не менее пяти фэней. Правилами запрещалось использовать для одежды и сбриу желтый шелк и изображение феникса.

В их эскорте должны были содержаться знамена, жезл учжан, булава с удлиненным круглым набалдашником (п.-монг. *bosqaysan kemken bilayu*), посох с головкой в виде тыквы (п.-монг. *kebtægüügсэн kemken bilayu*), посох-булава, расшитые черные опахала, красные опахала с вышитым павлином, красный зонт с вышитыми драгоценными цветами, зонт с изогнутой ручкой.

Разные цветовые вариации верха, края и стенок кареты также позволяли различать статус сопровождаемого лица – полог для кареты мог иметь красный, черный или синий цвета, края и стенки – черный, синий, красный, причем красные края верха оторачивали черным, а черные края верха – красным. Кареты супруг гунов и чиновников различных степеней также отличались цветом покрытия, края и стенок, а также наличием серебряного или оловянного наверху либо наверху из окрашенного в черный цвет дерева. Верх мог быть черным или синим, края – зеленым, черным и синим либо края отсутствовали, стенки должны были быть черными или синими.

В **Правилах для эскортов хуантайхоу и наложниц императора** (тетрадь 52, 1651 г.) [1, с. 311] представлен реестр включаемых в эскорт необходимых предметов. Например, эскорт хуантайхоу должен включать: один желтый шелковый зонт с изогнутой ручкой расшитый девятью (семью, пятью) фениксами, четыре желтых шелковых зонта с изображением цветов бао-сян (п.-монг. *biu siyang*, кит. 宝相花 *bǎo xiàng huā* ‘цветы бао-сян, растительный орнамент в буддийском изобразительном искусстве, заимствованный из представлений о флоре Индии и Центральной Азии’), два красных зонта с изображением чудесной травы, два красных квадратных зонта, два синих зонта с девятью позолоченными фениксами, два черных зонта, два желтых опахала расшитых драконами и фениксами, два желтых опахала, два красных опахала с вышитыми драконами и фениксами, два красных опахала с вышитыми птицами луань (п.-монг. *hivan sibayun*, кит. 鸾 *luán* ‘луань, красный (голубой?) феникс, жар-птица, сказочная птица с ярким пятицветным оперением при преобладании красного, а по некоторым версиям голубого цвета’), фениксами и фазаньими хвостами, четыре жезла учжан, четыре посоха с головкой в виде тыквы, четыре булавы с удлиненным круглым набалдашником, восемь знамен – два красных, два желтых, два черных, два синих (изготавливаются из шелка с позолоченными драконами и фениксами), два жезла-бунчука (на шелковом флере с вышитыми драконами и фениксами) (п.-монг. *altan jiyei*, кит. 金节 *jīn jié* ‘жезл-бунчук, черное лаковое древо с дисками, оборачиваемыми красным шелком’), один желтый паланкин (п.-монг. *seüke*), две желтых телеги, один золотой парадный табурет (п.-монг. *altan sirege*), один золотой стул, одну скамеечку для ног, одну золотую плевательницу, один золотой кувшин, один золотой кувшин для воды, две золотые курильницы, одну мухогонку, один умывальный таз, два золотых фиала для благовоний, восемь красных больших восьмиугольных подносов с позолоченными цветами и фениксами, восемь

прямоугольных столиков, два красных деревянных шеста для курильниц с вырезанными с двух концов головами и хвостами птицы феникса.

Эскорт наложниц мог содержать помимо многих составных для эскорта хунтайхоу еще и красные или черные знамена с позолоченными фениксами, скамеечку для ног с позолоченными и посеребренными цветами, телегу с наверхиями в виде золотых или серебряных длиннохвостых фазанов по четырем углам, подставки.

Были установлены **Правила использования экипажей и лошадей, одежды и украшений для гражданских и военных чиновников, а также простого народа** (тетрадь 64, 1652 г.) [1, с. 320 – 321]. В данном внушительном своде представлены правила для различных сановников, туру-ин нойона, жалованным гунам (п.-монг. *irgen-ü güng титул гуна, пожалованный императором подданному за заслуги*), хоу (п.-монг. *heü*, кит. 侯 *hóu* наследственный титул знати второго из пяти высших классов), бо (п.-монг. *be*, кит. 伯 *bó* один из пяти высших титулов), командирам знамен и министрам, чиновников всех уровней и рангов (чиновники с первого по девятый ранг; чиновники министерств с первого по девятый ранг; чиновники с первого по девятый ранг; не имеющие отношения к министерствам; чиновники по делам знаменных войск, военные и гражданские чиновники провинций с первого по девятый ранг; чиновники министерства цензорского контроля; эмиссары юстиции в провинции, старшие полицейские чиновники вне зависимости от ранга) и их супругам, которым следовало носить одежду в соответствии с положением мужа. Также свод предписывал определенные правила и императорским телохранителям первой, второй и третьей степени, маньчжурским советникам, дзанги полка, свободным членам знатных родов, не входящим в восемь высших рангов, свободным членам рода гиоро, не имеющим ранга. Свод правил содержал требования и для учащихся и студентов (цзюйжэни (п.-монг. *giüü zhin*, кит. 举人 *jǔ rén*), гуаншэны (п.-монг. *guvan šeng*, кит. 官生 *guān shēng*), гуншэны (п.-монг. *güng šeng*, кит. 贡生 *gòngshēng*), цзяньшэны (п.-монг. *giyan šeng*, кит. 监生 *jiàn shēng*) и шуцаи (п.-монг. *šusai*, кит. 生员 *shēng yuán*, маньчж. *шусай* [5, с. 683]), гвардейцев, младших урядников, младших чиновников, письмоводителей, переводчиков, буддийских и даосских монахов, пожилых людей, родителей, сыновей (получивших и не получивших имущество), дочерей (выданных и не выданных замуж), простых людей без ранга, торговцев, слуг, гетер (п.-монг. *yuhu*, кит. 乐户 *lè hù* ‘гетера, гейша на казенном содержании’) из публичных домов и т.д.

Согласно Правилам сановникам, туру-ин нойону, жалованным гунам, хоу, бо, командирам знамен и министрам полагались различные виды паланкинов (открытые, закрытые), переносимые восьмью либо четырьмя носильщиками в зависимости от статуса.

В перечне одежды упоминаются кафтан с собольей оторочкой, соболья шуба, длинный халат из собольего меха (п.-монг. *bulayan jübčay-a*), кафтан из шелка с вытканными золотом и серебром драконами, воротник и рукава чаще всего оторачивались белым гладким атласом, церемониальное платье. Для пошива одежды в соответствии с занимаемым положением использовались различные виды тканей и пушнины: шелк с вытканными золотом и серебром драконами, многоцветный атлас (п.-монг. *juvanguvan*, кит. 彩缎 *cǎi duàn*), расшитый золотом узорчатый атлас (п.-монг. *altan utasu-tu torγ-a*, кит. 金花缎 *jīn huā duàn*), сорта шелка будуань (п.-монг. *dörbeljütü torγ-a*, кит. 补缎 *bǔ duàn*), японский шелк (п.-монг. *ögedeng*, кит. 倭缎 *wēi duàn*), узорчатый атлас (п.-монг. *ardu torγ-a*, кит. 花缎 *huā duàn*), белый гладкий атлас (п.-монг. *siluyun torγ-a*, кит. 素缎 *sù duàn*), сорта узорчатого атласа, сорта белого гладкого шелка, шелк маншуй (п.-монг. *mangsui*, кит. 满水 *mǎn shuǐ*) с изображением дра-

конов с тремя и пятью когтями, шелк юаньбу (п.-монг. *dügürig dürbelji*, кит. 圆补 *yuán bǔ*), желтый и темно-желтый шелк, красный и синий шелк, зеленый тонкий шелк, синий японский шелк, муар (п.-монг. *taji*), узорчатая шелковая ткань (п.-монг. *lingse*, кит. 绫 *líng* более тонкая, чем атлас), тонкий шелк (п.-монг. *giuvansa*, кит. 绢 *juàn*), белый креп, хлопчатобумажная и льняная ткань, парча с золотыми нитями (п.-монг. *nolum*, кит. 片金 *piàn jīn*); меха соболя, рыси, леопарда, лисицы, черной лисицы и волчья шкура.

Отличиями титулов и рангов чиновников в их внешнем виде служили пришитые к верхней одежде изображения животных и птиц: цилинь (п.-монг. *gilin*, кит. 麒麟 *qí lín* ‘единорог’, сказочный зверь, изображаемый в виде одноногого оленя, покрытого чешуей), носорог, единорог (п.-монг. *heuyi ji*, кит. 獬豸 *xiè zhì* ‘сказочный зверь-единорог’, символ правосудия), лев, тигр, леопард, медведь, мелкий тигр (п.-монг. *biyuu görügesün*, кит. 彪 *biāo*), белый журавль, золотистый фазан (п.-монг. *gin gi*, кит. 锦鸡 *jīn jī*), серебристый фазан (п.-монг. *be hiyan*, кит. 白鹇 *bái xián*), павлин, дикий гусь (п.-монг. *yün yan*, кит. 云雁 *yún yàn*), белая цапля, пурпурная мандаринка, перепелка, воробей, морской конек.

В числе головных уборов в Правилах встречаются прутьяные шляпы, соболя, лисьи и беличьи шапки, шапки из шкуры корсака и енота. Что касается обуви, сведения скудные – упоминается, кому следует и не следует носить атласные сапоги, запрет на оторочку чулков под сапоги и отделку сапог зеленой замшей, орнаментами и золотыми нитями.

Таким образом, представленные правовые положения определенно демонстрируют градацию одежды, головных уборов и элементов эскорта подданных Цинской империи по социальному, сословному, семейному положению, времени года и присутственному месту, полу и возрасту. Одежда как знак подчеркивает статус человека в социуме, содержательные элементы единого ансамбля – материал (ткань, мех), цвет, украшения, рисунок, нашивки, пояса, головной убор, обувь – выделяли его среди других. Комплекс регламентированных правил и запретов в отношении гардероба охватывали все слои общества – от императорского дома до простого народа, гражданских и военных чиновников, учащихся, религиозных деятелей, торговцев, слуг и т.д.

Примечания

1. Daičing ulus-un mongyul-un maγad qauli. Nigedüger emkitgel. Hohhot : The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013. 1236 p.
2. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan : Imprimerie de l'Université, 1849. 2690 p.
3. Большой академический монгольско-русский словарь : в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001-2002.
4. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М. : Наука, 1983-1984.
5. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1875. 1129 с.

References

1. Daičing ulus-un mongyul-un maγad qauli. Nigedüger emkitgel [True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1.] Hohhot, 2013. 1236 p. [In Mong.].
2. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, 1849. 2690 p. [In Mong.-Russ.-French].

3. Bolshoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar : v 4 t. [Big academic Mongolian-Russian dictionary : in 4 volumes / ed. by G. Ts. Pyurbeev. M., 2001-2002 [In Mong.-Russ.].

4. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' : v 4 t. [Big Chinese-Russian dictionary : in 4 volumes] / ed. by I. M. Oshanin. M., 1983-1984 [In Chinese-Russ.].

5. Zakharov I. Polnyj ma'chzhursko-russkij slovar' [Complete Manchu-Russian dictionary]. St.-P., 1875. 1129 p. [In Manch.-Russ.].

Протасова Л. И.

Protasova L. I.

**ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ БУРЯТСКОГО БАЛЕТА
(К 60-ЛЕТИЮ II ДЕКАДЫ БУРЯТСКОГО ИСКУССТВА
И ЛИТЕРАТУРЫ В г. МОСКВЕ)**

**THE BURYAT BALLET GOLDEN PAGES
(TO THE 60th ANNIVERSARY OF THE IInd DECADE OF THE BURYAT ART
AND LITERATURE IN MOSCOW)**

Статья посвящена второй Декаде бурятского искусства и литературы в Москве. Дано описание подготовки к выступлениям балетной труппы Бурятии на второй Декаде. В статье дано описание балетов «Во имя любви» и «Красавица Ангара», которые были представлены на второй Декаде бурятского искусства и литературы в Москве.

The article is dedicated to the second Decade of the Buryat art in Moscow. The description of the preparation for the performances of the ballet troupe of Buryatia at the Decade is given. The ballets “For Love” and “Beauty Angara” presented during that Decade are described.

Ключевые слова: бурятское искусство, театр оперы и балета, балетный коллектив, балетный репертуар, спектакль.

Keywords: the Buryat art, the opera and ballet theater, ballet group, ballet repertoire, performance.

Время проведения второй Декады бурятского искусства и литературы было назначено на ноябрь 1959 года. От первой Декады ее отделяло девятнадцать лет. В 1940 году первая Декада завершилась подлинным триумфом. Успех декады раскрыл большие творческие возможности перед Бурятским музыкально-драматическим театром, но ... началась Великая Отечественная война. Тем не менее, театр в военные годы продолжал работать, ставить новые спектакли, совершать поездки в воинские части, госпитали, гастролы по Дальнему Востоку, в Монголию и другие города. Несмотря на сложности военного времени, бурятский театр, в том числе и молодая балетная труппа, настойчиво и упорно осваивала технику, секреты своего трудного, но прекрасного искусства. В театре шел постепенный процесс профессионализации коллектива.

Конец 1948 – начало 1949 гг. был ознаменован закономерным разделением музыкально-драматического театра на два самостоятельных творческих коллектива: театр оперы и балета и театр драмы. Официальное разделение произошло в начале 1949 года, тогда и появились два театра: Бурятский театр оперы и балета и Бурятский театр драмы.

С приобретением официального статуса театра оперы и балета начинается новый этап в развитии оперно-балетного искусства, появилась необходимость обновления репертуара. «Труппа росла, воспитывалась и совершенствовалась свое профессиональное и актерское мастерство в дальнейших балетных постановках М.С. Арсеньева: подводном царстве в опере Даргомыжского «Русалка», в балетах «Штраусиана» (музыка И. Штрауса), «Коппелия» (музыка Л. Делиба), «Красный мак» (музыка Р. Глиэра). В этих работах постановщика раскрылась его богатая режиссерская фантазия, высокая хореографическая культура» [2, с. 60]. На этом этапе

вновь встал вопрос подготовки профессиональных кадров. Именно в его решении видел перспективу развития музыкально-драматического театра главный режиссер Г. Цыдынжапов. Благодаря его стараниям в 1948 году была набрана группа из 16 человек и отправлена в Ленинградское ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени хореографическое училище. В то время на национальном отделении Ленинградского училища обучались дети со всех республик Советского Союза. Пройдя девятилетний курс обучения в Ленинградском хореографическом училище, в 1956 году бурятская группа приехала работать в родной театр.

Надежды Г. Цыдынжапова оправдались: балетный коллектив пополнился профессионально обученными артистами. В дальнейшем из этих ребят получились замечательные мастера сцены, педагоги, балетмейстеры. Надо отметить, что с приходом в театр воспитанников ленинградского хореографического училища им. Вагановой, началась новая эра исполнительства как мужского, так и женского танца.

В начале 1950-х годов начались поиски либретто для бурятского балета. Балетмейстеру М. Заславскому для создания национального балета необходимо было найти и изучить корни и традиции народной хореографии. Решая эту сложную проблему, балетмейстер и его ассистент танцовщик Ф. Иванов много ездили по районам республики, Усть-Ордынскому национальному округу, изучая и зарисовывая движения бурятских народных танцев, записывая обычаи и обряды, стиль костюмов и украшений, слушая песни. Был собран огромный материал, который в дальнейшем помог М. Заславскому в создании национального балетного репертуара [2, с. 77].

Становление бурятского балета, его стиля и репертуара связаны с подготовкой второй Декады бурятского искусства и литературы в Москве. Почти через двадцать лет после первой Декады деятели культуры и искусства Бурятии вновь должны были выступить перед московским зрителем, чтобы продемонстрировать свои творческие достижения. Театр жил напряженной жизнью – подготовкой декадного репертуара. В него входили и классика, и национальные произведения: опера «Князь Игорь» А. Бородина и «Побратимы» Д. Аюшеева, балеты «Во имя любви» Ж. Батуева и «Красавица Ангара» Л. Книппера и Б. Ямпилова.

Премьерные представления балета Ж. Батуева и Б. Майзеля «Во имя любви» так же, как и оперы Д. Аюшеева «Побратимы», прошли в 1958 году в праздничные дни 35-летия Бурятской АССР. Либретто балета «Во имя любви» было написано М. Заславским и Л. Линховоиным еще до появления музыки. Сюжет, основанный на народной легенде, обращён к истории бурятского народа. Критик по достоинству оценил этот сюжет: «Авторам либретто удалось найти захватывающий, полный острых конфликтов сюжет и правдиво показать сложную и многообразную жизнь бурятского народа в отдаленную от нас, но очень важную эпоху его исторического развития (действие происходит на рубеже XVI-XVII вв.). Либретто балета не претендует на абсолютную историческую точность и является как бы легендой, основанной на историческом материале той эпохи» [5, с. 162]. В отличие от многих других, либретто балета «Во имя любви» считается одной из удач бурятского хореографического искусства.

Балет задуман как трагедийно-драматическое произведение. История любви и самоотверженности открывается зрителям в рассказе о прошлом. Одна из старых легенд повествует о прекрасной девушке Сэсэг (Цветок) и храбром охотнике Зорикто, которые любят друг друга. Жестокий и коварный богач Далю похищает Сэсэг, желая жениться на ней, но Зорикто удается вырвать любимую из рук нойона. Далю устраивает погоню за молодыми, в неравном бою погибают друзья Зорикто, а сам он и Сэсэг схвачены и доставлены к нойону. Далю ставит Сэсэг условие: если она не согласится стать его женой, юноша погибнет. Сэсэг вынуждена согласиться.

Подруга Гэрэл помогает бежать Сэсэг, но сама попадает в руки Далю; он приказывает казнить Гэрэл и Зоригто. Тем временем народ, терпение которого истощилось, собирает силы, чтобы пойти войной на ненавистного нойона. В лагерь восставшего народа прибегает измученная Сэсэг и просит о помощи. Народ разгоняет войско Далю. В бою гибнет Сэсэг, защитив своим телом любимого от стрелы, пущенной предателем. Ее трагическая смерть спланивает народ в борьбе за свободу.

Музыкальная драматургия балета Ж. Батуева и Б. Майзеля «Во имя любви» опирается на классическую традицию: конфликт двух сфер – положительной (тема любви Сэсэг и Зорикто, тема добра и справедливости) и отрицательной (тема зла – лейтмотив, связанный с деспотом-нойоном Далю).

Героическая и лирическая линии развиваются на фоне красочных картин жизни и быта народа. Переведя содержание либретто на язык музыки, Ж. Батуев и Б. Майзель создали запоминающиеся музыкальные характеристики персонажей – нежной и смелой Сэсэг, простодушного и волевого Зорикто, жестокого и коварного Далю, которые получают симфоническое развитие, тем самым углубляя сценическое развитие и создавая основу настоящей балетной драматургии [3, с. 48]. Так, в начале спектакля Сэсэг – веселая и общительная девушка, танец ее строится на незамысловатых движениях: арабесках, небольших прыжках. Позднее, когда Сэсэг стоит перед выбором: сохранить жизнь любимого ей человека Зорикто, выйдя замуж за ненавистного богача Далю, или обречь любимого на смерть, отстаивая свою свободу, – танец ее полон отчаяния, надлома – «это калейдоскоп стремительных выразительных движений и поз; танцевальный призыв ее, зовущий народ к борьбе, звучит настойчиво и страстно» [5, с. 162].

В премьерном спектакле партию Сэсэг исполнила заслуженная артистка РСФСР Л. Сахьянова. В этом спектакле она создала образ девушки сильной духом, способной пожертвовать собой во имя любви. В последних сценах ее героиню характеризуют героические краски. Образ Зорикто, созданный П. Абашеевым, запомнился темпераментностью, сочностью актерских красок. Менее удалась у него лирические эпизоды, тем не менее, в целом образ Зорикто получился достаточно цельным и выразительным. В балете Сахьянова и Абашеев создали не только прекрасный дуэт, но сумели выявить динамику в характерах героев.

Партию Далю мастерски исполнил Ф. Иванов. Его Далю – хитрый, заносчивый и подлый нойон-воначальник. Однако и ему не чужды человеческие чувства: в сцене с Сэсэг его «мелодия приобретает несколько иной, «певучий» характер», звучит мягко и задушевно [2 с. 132]. Как видим, образы в балете решены многопланово, жизненно достоверны и динамичны.

Балетмейстер-постановщик М. Заславский создал красочный спектакль, используя собранный им богатейший материал бурятских народных танцев. Хотелось бы выделить ёхор в сцене народного праздника, воспроизведение старинных обрядов, приготовления к свадьбе во второй картине балета, где в богатом шатре Далю разворачивалась разнохарактерная сюита. В нее вошли сценки «Борьба за подушку невесты», «Танец с блюдом», «Танец масок». «Своей яркостью выделяется «Танец шаманов» – блестящий образец воссоздания древнего обряда. Мелодия танца строится на варьировании короткой, как кружащейся на месте попевки – именно такова структура подлинных шаманских ритуальных напевов-речитаций», – пишет О. Куницын [3, с. 49]. Танец был темпераментно и динамично исполнен В. Бадиевым, В. Дамбуевым, В. Преловским и Н. Кондрашкиным. С большим мастерством исполнила Анна Тогонова партию молодой шаманки. Это была последняя роль в творчестве бурятской балерины.

Балет Ж. Батуева «Во имя любви» имел в Москве успех, он показал, что в коллективе работают талантливые артисты, такие как Л. Сахьянова, Ю. Семёнова,

А. Тогоноева, Г. Шулунова, К. Семянникова, Э. Кондратьева, В. Бадиев, П. Абашев, В. Дамбиев, Ю. Баранов, А. Мягков, Б. Васильев, Ц. Бадмаев, С. Доржиев, А. Сысоев. Столичная пресса высоко оценила музыку спектакля. Н. Эльяш писал: «Ясность музыкальных характеристик и тем, свежий и яркий национальный колорит помогли постановщикам и исполнителям создать масштабный спектакль, вылепить запоминающиеся реалистические образы» [7].

Но наиболее популярным и любимым произведением бурятского зрителя был балет «Красавица Ангара». Ставший легендой и визитной карточкой Бурятского театра оперы и балета, он вот уже почти полвека неизменно привлекает к себе интерес зрителей. Яркость хореографических образов и стройная драматургия позволили ему стать «жемчужиной» бурятской хореографии. Фактически, это единственный из национальных балетов, прошедший испытание временем и сохранившийся в своем сценическом воплощении до наших дней.

В основе спектакля лежит старинная бурятская легенда о том, как прекрасная и своенравная Ангара – дочь могучего Байкала, устремилась к своему возлюбленному Енисею. Рассердившись на непосlušную дочь, Байкал преградил ей дорогу шаманским камнем, но это не остановило Ангару (Ангара в переводе с бурятского – непокорная, развёрстая), и она прорвалась сквозь преграду.

Однако драматург Н. Балдано не ограничился одной легендой и обратился также к мотивам и образам других бурятских сказок и легенд. Для усиления драматического конфликта либреттист ввел в балет образ соперника Енисея – Чёрного Вихря, «отрицательного» персонажа, которому тоже нравится дочь Байкала, но всё же больше привлекает богатое приданое Ангары. Это дало драматургу возможность найти более выигрышные сценические ситуации, подчинить их основной сюжетной линии и выявить динамику в развитии сюжета. Получилось поэтическое зрелищное либретто. Народный артист Бурятии Б. Васильев, участник премьерной постановки балета, предполагает, что введённый в спектакль «Красавица Ангара» персонаж Чёрного Вихря, возможно, ассоциировался у либреттиста Н. Балдано с байкальскими ветрами – «баргузином», «сармой», «култуком» [1].

Музыка балета, написанная в 1959 году композиторами Б. Ямпилковым и Л. Книппером, вобрала в себя напевы бурятских песен и ритмы народных танцев. Но «Красавица Ангара» – не просто выставка мелодий, какими бы красивыми они ни были: развитие музыкальных образов следует за изменениями сценических ситуаций, оставляя впечатление большого симфонического дыхания.

Особый колорит спектаклю придает сплав классической и национальной хореографии. Уже в первой картине – танец юношей и девушек на берегу Байкала – балетмейстер М. С. Заславский использовал орнаментальный узор ломаных кистей, прямые невыворотные *passé*, которые сочетаются с академическими турами и аттитюдами у женщин и высокими полетными прыжками у мужчин. Атмосфера радости и веселья завершается «ёхором», где в общем круге, взявшись за руки, исполнители двигаются в едином задорном порыве.

Приход на землю грозного седовласого Байкала предвещается сурово-эпической музыкальной темой. Словно со дна великого озера, сопровождаемый громадными волнами, взбивающими морскую пену, поднимается сказочный голубовато-зеленый шатер. Из шатра выходит Байкал вместе со своей юной дочерью и впервые показывает ей красоту земли. Оставив дочь забавляться диковинными для нее цветами и бабочками, Байкал удаляется. Здесь-то и происходит первая встреча Ангары и Енисея.

Замечательные адажио Енисея и Ангары были поставлены признанным мастером танца И. Моисеевым в первой и пятой картинах.

Адажио первого акта – знакомство героев – овеяно несравнимым очарованием. Осторожная неуверенная поступь, первое прикосновение, первое признание откликаются в душе рождением первого большого чувства. Бесконечно красивые аттитюды в поддержках, украшенные грациозно-графической постановкой рук и ломаной линией опорной ноги, перетекают в мягкие переливы рук, схожие с едва заметным трепетом спокойной глади реки. Влюбленные то по-детски резвятся, окатывая друг друга брызгами воды, то, упоенные волшебным чувством, не могут отвести глаз друг от друга. Наконец, как большая река устремляет вдаль свои бурные потоки, Ангара в восторженном беге устремляется к Енисею, чтобы закончить дуэт поддержкой с большого прыжка. Именно так, согласно легенде, не побоявшись гнева отца, бросилась единственная дочь седого Байкала в объятия красавца Енисея.

Стан Чёрного Вихря, залитый чёрно-красным светом, звучит резким контрастом первым картинам. Мрачной тенью движется Чёрный Вихрь по своим владениям. Уже не радуют его ни томный пряно-ориентальный танец памирских невольниц, ни дикие пляски его воинственных подданных. Одержимый мыслью об Ангаре, он приказывает шаманам-смерчам вызвать ее видение. Под ритмичные удары барабанов с факелами в руках шаманы начинают свое заклинание, гипнотизирующее бесконечным повторением однообразных движений с подпрыгивающим переступанием ног. Постепенно ритм ускоряется. Подчиняясь какой-то властной таинственной силе, шаманы экстатически вращаются и в изнеможении падают.

В полной темноте, будто в глубине мрачного сознания Чёрного Вихря, фантастическим белым светом возникает видение Ангары. Оно манит и влечет, вызывая в его душе неудержимый соблазн, завладеть и подчинить себе чистое и светлое существо. Так, сильный разбушевавшийся ветер заставляет подчиняться своей воле чистые воды реки. Движимый безумным порывом мчится Чёрный Вихрь со всей своей свитой в подводное царство Байкала.

В картине Подводного царства резвятся обитатели байкальских глубин. Балетмейстер характеризует их волнообразными движениями поднимаемых и опускаемых рук; приседающими, словно качаемыми волнами арабесками; плывущими *pas de bougée* (па-де-буре), подобные мелким движениям рыб в стайке.

Появление незваных гостей, как нашествие чужеродной силы, приводит жителей морских глубин в сильное волнение. Напуганные внезапным движением ветра, рыбки исчезают.

Чтобы задобрить Байкала, Чёрный Вихрь подносит ему богатые дары. Оставшись наедине с Ангарой и желая расположить ее к себе, он демонстрирует свою силу динамичными прыжками и вихревыми вращениями, однако добивается обратного эффекта: коварно-хищнические повадки Вихря внушают Ангаре лишь отвращение. Тогда Чёрный Вихрь идет на хитрость и, облачившись Енисеем, пытается обманом завладеть любовью девушки. Ему это почти удается, но выдавшие его чёрные руки заставляют Ангару вырваться из тесных объятий соблазнителя.

При появлении Енисея возникает параллельное движение соперников навстречу Ангаре, очевидным становится их противопоставление, когда одним движется искреннее и возвышенное чувство, а другого обуревают ярость и сознание собственного бессилия [4, с. 64-65].

Кульминацией спектакля является дуэт Ангары и Енисея в третьем акте.

Широкие батманы и каскад взмывающих в воздух поддержек, одухотворенность танцевальных фраз проявляют окрепшее, сильное чувство, способное сопротивляться любым преградам.

Подчиняясь повелению Байкала, Енисей и Чёрный Вихрь сталкиваются в честном поединке. Этот бой выглядит достаточно схематично, представляя собой импровизационно-пантомимическую сцену. Бой, как и полагается в сказках, закан-

чивается победой светлых сил. В финале спектакля Байкал, покоренный любовью Енисея к Ангаре, благословляет соединение влюблённых.

На воплощение образов Ангары и Енисея, безусловно, повлияли талант и сценическое обаяние первых исполнителей этих партий Л. Сахьяновой и П. Абашеева. Вдохновленные поэтичностью, статью и поющими руками Л. Сахьяновой, М. Заславский и И. Моисеев создали образ красавицы Ангары, наделив его и человеческими чертами. Мужественный же темперамент Абашеева помог ему перевоплотиться в сильного, прямодушного и искреннего Енисея. Созданный Ю. Барановым образ Чёрного Вихря был полон необузданной страсти, стремительного неукротимого пыла. Выразителен был Ф. Иванов в исполнении мимической роли Байкала.

Художник спектакля А. Тимин выразительно и вместе с тем лаконично оформил спектакль. Удачно воссозданы им красота бурятской природы, сказочный колорит подводного царства, контрастирующий с мрачным, решенным в темных и багровых тонах, станом Чёрного Вихря.

В декабре 1959 года спектакль «Красавица Ангара» был достойно представлен на второй Декаде бурятского искусства и литературы в г. Москве. Успех был необычайный. Высокую оценку дала спектаклю столичная пресса. Дорогим для коллектива театра был теплый отзыв Галины Улановой: «Я очень рада присутствовать при рождении профессионального балета одного из народов нашей страны. Спектакль произвел хорошее впечатление. Материал для балета выбрали интересный – это что-то эпическое, величественное, как сам Байкал. Балет оформлен очень красочно, по всему чувствуется, что его создавали с любовью» [6].

Во второй редакции 1972 года М. С. Заславский значительно обогатил и усложнил хореографический язык спектакля, придал действию большую динамичность. Был добавлен монолог Енисея с шарфом, более экспрессивной и техниче ски сложной стала партия Черного Вихря. Создателям балета и первым его исполнителям – композиторам Л. Книпперу и Б. Ямпилу, балетмейстеру М. Заславскому, художнику А. Тимину, артистам балета Л. Сахьяновой и П. Абашееву была присуждена Государственная премия России им. М. Глинки. До сих пор этот балет не потерял своей прелести и притягательности,

Мы выявили, что балетное искусство Бурятии имеет народные истоки. Именно народная хореография послужила основой для создания национального балета: «Близость к народным истокам усиливает эмоциональное и эстетическое воздействие искусства на людей» [8, с. 16]. Вначале в любительских выступлениях появились отдельные танцы и фрагменты религиозных обрядов, затем танец, постепенно трансформируясь, вошел в драматические, музыкально-драматические и оперные спектакли.

Профессиональной базой для развития национального балетного искусства стала русская школа классического танца. Первые балеты в Бурятии были поставлены русскими педагогами именно на классической основе, и только в 50-е годы, когда профессиональное мастерство балетной труппы окрепло, возникли условия для появления на бурятской сцене национальных балетов. Вершиной бурятской хореографии явился балет «Красавица Ангара», органично соединивший классический и народный танец. «В балете «Красавица Ангара» трудно выделить народные танцы, трудно вообще выявить народную основу хореографии. Происходит это потому, что богатые массовые танцы обогатились в спектакле достижениями классики, ее образными средствами. Поэтому трудно разъять этот сплав, выделить его составные части. Народная и классическая основа в спектакле одинаково органичны» [2, с. 130-131].

Два спектакля – «Во имя любви» и «Красавица Ангара» убедительно доказали, что в Бурятии в 1950-е годы было создано национальное хореографическое искусство. Известный театровед Н. Эльяш отмечал, что «формирование национальной школы классического танца – процесс сложный, многолетний, но во многих национальных республиках есть своя балетная труппа, способная в стилистой достоверности передать хореографию Петипа и Фокина, классически строго отрепетировать балеты «Жизель» и «Лебединое озеро», «Шопениану» и «Спящую красавицу» и непременно иметь на своей сцене собственный национальный репертуар, включающий в себя все лучшее, чем располагает каждая нация» [7, с. 15].

Примечания

1. Васильев Б. Н. Жемчужина бурятской хореографии // Бурятия. 2004. 17 авг.
2. Гуревич П. Оперный театр Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. С. 77.
3. Куницын О. Музыкальный театр Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1988. С. 48-49.
4. Протасова Л. И. Балетный театр Бурятии (1939-2000). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2017. 204 с.
5. Угрюмов Н. П. Музыка советской Бурятии // Искусство Бурятской АССР. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 162.
6. Уланова Г. С. Рождение профессионального балета // Правда. 1959. 7 дек
7. Эльяш Н. Два бурятских балета // Советская культура. 1959. 5 дек.
8. Эльяш Н. Балет народов СССР. М. : Знание, 1977. 168 с.

Reference

1. Vasilyev B. N. Zhemchuzhina burjatskoj khoreografii [The pearl of the Buryat choreography] // Burjatija [Buryatia]. 2004. 17 Aug. [In Russ.].
2. Gurevich P. Operny teatr Burjatii [The Opera theatre of Buryatia]. Ulan-Ude, 1964. P. 77. [In Russ.].
3. Kunitsyn O. Muzikal'ny teatr Burjatii [Musical theater of Buryatia]. Ulan-Ude, 1988. Pp. 48-49. [In Russ.].
4. Protasova L. I. Baletny teatr Burjatii (1939-2000) [The ballet theatre of Buryatia (1939-2000)]. Ulan-Ulan-Ude, 2017. 204 p. [In Russ.].
5. Ugryumov N. P. Muzika sovetskoj Burjatii [Music of the Soviet Buryatia] // Iskusstvo Buryatskoj ASSR [Art of the Buryat ASSR]. Ulan-Ude, 1959. Pp. 162 [In Russ.].
6. Ulanova G.S. Rozhdenije professional'nogo balleta [Birth of professional ballet] // Pravda [Pravda]. 1959. 7 Dec. [In Russ.].
7. Elyash N. Dva burjatskikh baleta [Two Buryat ballets] // Sovetskaja kul'tura [The Soviet culture]. 1959. 5 Dec. [In Russ.].
8. Elyash N. Balet narodov SSSR [The ballet of the USSR peoples]. M., 1977. 168 p. [In Russ.].

*Русинова О. А.***Rusinova O. A.****ОПЫТ ПОЛИФОНИЗАЦИИ БУРЯТСКОГО ФОЛЬКЛОРА
ВО ВТОРОМ (БУРЯТСКОМ) КВАРТЕТЕ В. НАГОВИЦЫНА****THE EXPERIENCE OF THE BURYAT FOLKLORE POLYFONY
APPLICATION IN THE SECOND (BURYAT) QUARTET OF V. NAGOVITSYN**

Целью статьи является исследование возможностей применения к традиционному восточному мелосу средств многоголосия, сложившихся в европейском музыкальном профессионализме. Материал исследования – партитура Второго (Бурятского) квартета В. Л. Наговицына, тематизм которого основан на бурятских фольклорных мелодиях.

Выявляется использование разных видов полифонии и полифонических приемов, основное место среди которых принадлежит стреттным имитациям. Производится их классификация по видам и функциям, количеству голосов, структуре, формам введения, применению канонических форм, использованию техник сложного контрапункта. Делается вывод об органичности широкого применения в композиторском творчестве Бурятии различных полифонических средств.

The purpose of the article is to study the possibilities of applying the means of polyphony in the traditional Oriental melodies that have been developed in European music. The material of the research is the score of the Second (Buryat) Quartet of V. L. Nagovitsyn whose themes are based on the Buryat folk melodies.

The use of different types of polyphony and polyphonic techniques is revealed, the main place among them belongs to stretta imitations. Their classification into types and functions, number of voices, structure, forms of introduction, application of canonical forms, use of techniques of complex counterpoint is made. The conclusion about the harmony of a wide application of various polyphonic means in composing creativity of Buryatia is made.

Ключевые слова: полифонизация восточного мелоса, многоголосие, стретта, Наговицын.

Keywords: Oriental melody polyfonization, polyphony, stretta, Nagovitsyn.

Одним из важных вопросов проблемы взаимодействия музыкальных культур Востока и Запада является вопрос о формах и методах применения достижений европейской музыкальной мысли в национальных культурах Востока. Одноголосная природа последних ставит проблему многоголосного оформления восточных фольклорных мелодий, адекватности применения к ним гармонических и полифонических средств.

Данная статья имеет целью выявление особенностей применения полифонических приемов изложения и развития музыкального материала к бурятскому музыкальному фольклору на примере Второго (Бурятского) струнного квартета Вячеслава Лаврентьевича Наговицына. Композитор родился в 1939 году в Магнитогорске, после окончания в 1963 году Ленинградской консерватории по классам скрипки и композиции работал в оркестре Бурятского театра оперы и балета. Творческий интерес к культуре бурятского народа обусловил неоднократные обращения к музыкальному фольклору и литературе Бурятии. Наиболее значительными результатами на этом пути стали обработки 10 бурятских народных песен, авторские песни на

стихи Дондока Улзытуева, Второй (Бурятский) струнный квартет. Пребывание В. Л. Наговицына в Бурятии было недолгим: в 1966 году он поступил в аспирантуру, в класс Д. Д. Шостаковича.

Квартет был создан в 1965 году в Улан-Удэ и посвящен Бурятии. В основе его тематизма лежат бурятские народно-песенные мелодии из сборника, составленного Д. С. Дугаровым из собственных записей и их расшифровок.

Возможность полифонической интерпретации бурятских народных песен обусловлена двумя причинами. Во-первых, существуют свидетельства о зачатках многоголосия в самом фольклоре монгольских народов. Это замечания П. М. Берлинского об элементах гетерофонии в фольклоре бурят [1; 2] и В. Смирнова о присутствии имитационности в народной музыке монголов [4]. Во-вторых, темы квартета обнаруживают ряд специфических особенностей, позволяющих применять к ним полифонические средства, что свидетельствует о наличии фундамента для взаимодействия культур донора и реципиента (данные особенности подробно описаны автором данной статьи в Вестнике Бурятского государственного университета [3]).

В партитуре квартета применяются разнообразные полифонические приемы:

1. гетерофония;
2. контрастная полифония;
3. имитационность.

Особое значение, определяемое многообразием выполняемых функций, имеет имитационность: она реализуется и как способ первоначального или повторного изложения материала, и как изложение контрастного материала, и как принцип развития. Однако основное значение среди полифонических приемов приобретают в квартете стретты – канонические имитации, в которых каждый последующий голос вступает с темой раньше, чем заканчивается ее изложение в предшествующем голосе.

Стреттные проведения используются в квартете двадцать раз: дважды в первой части, шесть раз во второй части, правда, две первые экспозиционные стретты повторяются в статической репризе, двенадцать раз в финале. Большинство стретт квартета заключают в себе тематический контрапункт (контрапункт темы к самой себе), то есть являются реальными, проведения звучат полностью. Есть только два примера, где пропоста и респоста одновременно прекращают имитирование, не доводя изложение темы до конца. Это стретта из второй части, страница 31, и цепь стретт из третьей части, страница 60.

По количеству голосов выделяются тринадцать двухголосных, три трехголосных и четыре четырехголосных. Уточним, что количество голосов приводится без учета свободных голосов. Характерной чертой квартета является использование не отдельных стретт, а их групп (II часть, страница 31; III часть, страницы 49-54).

Стретты выполняют различные функции, выступая как метод экспонирования материала, как основной прием развития, как кульминация музыкального развития.

Функция вторичного экспонирования материала проявляется в крайних разделах второй части; основным приемом развития стретта предстает в финале квартета, где все разработочные проведения тем звучат в стреттном изложении: функцию кульминационного проведения в репризе первой части.

Введение стретт в форму осуществляется в различных вариантах. Казалось бы, коль скоро стретта представляет собой не отдельный самостоятельный раздел, а составной раздел полифонической формы, то естественным было бы ее незаметное

введение. Выделение ее появления оправдано в том случае, если она знаменует начало нового раздела – разработки или репризы.

В музыкальной практике трудно найти примеры полного вуалирования или полного выделения вступлений стретты, однако приемы частичного выделения выработаны, отличаясь по локализации. Внутри раздела пропоста обычно вступает после свободного движения, как бы выливаясь из него, а респоста, напротив, вступает после крупной длительности или паузы (пример: II часть, страница 33). В начале же раздела пропоста вступает после паузы, а респоста – после свободного движения (пример: III часть, цифра 4). Однако, большее количество стретт в квартете вступают рельефно во всех голосах. Это можно объяснить тем, что таким образом стретты и их группы отделяются друг от друга.

Кроме отдельных стретт в квартете присутствуют цепи стретт – проведения, связанные голосами, и различные стреттные группы, то есть построения, не разделенные ни интермедиями, ни другими проведениями. Это группы стретт, группы цепей стретт, группы стреттных проведений – по терминологии К. И. Южак [5].

Структура стретт. Каждая стретта состоит из трех разделов: вступительного, центрального, заключительного. Первый раздел – это материал, звучащий до вступления респосты в двухголосном построении и до последней респосты в многоголосном построении. Центральный раздел – самый многоголосный, включающий контрапунктическое соединение всех тематических проведений. Начинается он с момента вступления последней респосты и заканчивается окончанием темы в любом из голосов. Заключительный раздел не является обязательным. Начинаясь прекращением темы в одном из голосов, он содержит последовательное окончание тематических проведений во всех голосах.

Данные разделы присутствуют и в цепях стретт, то есть построений, в которых количество одновременно звучащих голосов меньше количества голосов, участвующих в проведении темы. Таких цепей в квартете четыре: в первой части (цифра 5), где тему проводят три голоса, а одновременно контрапунктируют друг другу две пары – 4-й – 3-й и 3-й – 1-й голоса. Аналогично строится цепь в третьей части (цифра 4): тему проводят три голоса, а одновременно контрапунктируют друг другу две пары – 3-й – 2-й и 2-й – 1-й. Следующие примеры, также в третьей части (страница 58, с 5 такта): проведение темы в пяти голосах и контрапунктирование во 2-м – 4-м голосах, 4-м – 3-м – 1-м и 1-м – 2-м. В цепи (цифра 13) тему проводят четыре голоса, а в одновременном контрапункте звучат 3-й – 4-й – 1-й и 1-й – 2-й. Очевидно, что в цепях стретт респоста (респосты) бифункциональна: она является респостой предыдущей и пропостой последующей стретт.

Отличительной чертой цепей стретт является бифункциональность разделов: центрального и заключительного, а в крупных цепях – и вступительного разделов. Так, в трехголосной цепи стретт из I части и в первой цепи стретт III части центральный и часть заключительного разделов первой стретты являются вступлением второй стретты, а окончание заключительного раздела первой стретты представляет собой центральный раздел второго стреттного построения.

Соотношение масштабов разделов стретт реализуется, как концентрическое: крайние разделы соотносятся как равновеликие, средний раздел больше или меньше крайних в зависимости от расстояний вступлений респост: чем больше расстояние вступления, тем меньше центральный раздел, и наоборот. Таковы двухголосные стретты: I часть, цифра 20 и II часть, цифра 13 – 0.5 такта – 3 такта – 0.5 такта. В стретте II части, цифра 3 – 0.5 такта – 2 такта – 0.5 такта; в стретте III части, цифра 8 – 0.5 такта – 4 такта – 0.5 такта. В трехголосной стретте III части, цифра 6 – 3.5 такта – 0.5 такта – 3.5 такта. В четырехголосных стреттах III части, цифры 7 и 9 –

1.5 такта – 2.5 такта – 1.5 такта (эти одинаковые по количеству голосов и масштабам разделов стретты отличаются порядком вступления голосов: S-B-A-T и S-A-T-B).

Приведенные примеры показывают, что центральный раздел стретт обычно крупнее крайних разделов, а, следовательно, тематический контрапункт продолжителен и развит. Для стретт квартета характерна законченность имитирования и постепенность разряжения тематического контрапункта, связанная с одновременным окончанием темы в респостах.

Вторая часть квартета демонстрирует наличие усеченных стретт, то есть стретт без заключительного раздела (цифра 1). В первой стретте усечено второе предложение респосты (страница 31, такты 5-9).

Рассмотрим группы стретт. Во второй части квартета группа стретт состоит из двух двухголосных стреттных построений, разделяющихся паузами во всех голосах. При этом вторая стретта оказывается сложнее первой, так как расстояние вступлений голосов в ней сокращается в четыре раза (вторая часть, такты 4-11). В третьей части группа стретт состоит из четырехголосного и двухголосного построений. На первый взгляд эта группа кажется цепью, так как вторая стретта вступает на педали последнего звука темы первой стретты. Но поскольку тематического контрапункта между стреттами не возникает, это построение вернее определить как группу стретт, разделенных педалями и паузами (такты 54-55).

Группа цепей стретт используется в третьей части квартета при разработке второй темы фуги. Группу составляют две четырехголосные цепи с разным порядком вступлений голосов, разделяются цепи паузированием перед вступлением каждого голоса (цифры 11-14).

Группа стреттных проведений, то есть построения, включающие и стретты, и цепи стретт, применена в разработке первой темы двойной фуги. Она состоит из трехголосной цепи, трехголосной и четырехголосной стретт. Все эти построения следуют одно за другим на расстоянии полутакта, заполненного свободным движением в одних голосах, паузой или педалью в других и разделяются паузами во всех голосах (III часть, страницы 49-52).

В стреттных построениях тема не всегда проводится в неизменном виде. Изменения касаются в основном метра: это перенос ритмических отношений темы на половину такта вперед или назад в четных размерах, то есть замена сильных долей относительно сильными и наоборот (III часть, цифры 9,11,13; страница 54 с 6-го такта; страница 74 с 5-го такта; II часть, цифры 3,13; I часть, цифра 5). Присутствует перенос ритмических отношений темы либо на половину или 1/6 такта в нечетных размерах, то есть замена сильных долей слабыми или наоборот. Встречается сочетание метрически неизменных и измененных тем. Интонационные изменения несущественны (III часть, цифра 4), ритмические и структурные изменения в квартете не встречаются.

Большинство стретт в квартете проводят тему в прямом движении, без существенных изменений. Только в одной стретте пропоста и респоста проводятся в ракоходном контрапункте.

Стреттные построения – места широкого применения канонических форм, причем их использование отличается большим разнообразием. Около половины всех канонических форм составляют двухголосные конечные каноны. Преимущественно все они прямые, полные, включающие продолжительный тематический контрапункт и сопровождающиеся свободными голосами. Почти все каноны на прямую тему, за исключением двух канонов, принадлежащих к виду исключительных форм, так как они сочетают проведение темы в прямом и обращенном виде. Это канон на вторую тему II части (страница 37) и трехголосный встречный канон, сочетающий два проведения темы в прямом движении и одно в обращении (III часть, цифра 6).

Дважды встречается в квартете многоголосный конечный канон I разряда, с неизменным расстоянием вступлений в полутакт (III часть, цифра 9 – с прямым порядком вступления голосов: S-A-T-B и цифра 7 – с непрямым порядком вступления голосов: S-B-A-T). Оба раза все голоса тематически наполнены, и свободных голосов не остается.

Многоголосный конечный канон II разряда встречается в партитуре квартета четыре раза. Это всегда цепь стретт из двух звеньев. Дважды количество голосов сводится к трем (звенья по 2 голоса), дважды – к четырем (звенья по 2-3 голоса или наоборот). Особенность данных канонов состоит в том, что каждая следующая респоста сокращает расстояние вступлений темы.

Сложным каноническим образованием является трехголосная цепь стретт в третьей части, где имитируется не только тема, но и удержанное противосложение.

Во второй части применен бесконечный канон, простотой которого служит начальное предложение первой темы части. Респоста вступает через четверть такта в интервал верхней ноты. Образуется сложный контрапункт отрицательной секстдецимы.

Сопоставив все стреттные проведения квартета, можно составить картину использования техники сложных контрапунктов. Во второй части звучат четыре двухголосные стретты. Две первых, на одну тему, представляют собой первоначальное и производное соединения в горизонтально-подвижном контрапункте с показателем $И+1$. Две следующие, на другую тему, также оказываются первоначальным и производным соединениями в неполно-обратимом контрапункте. Однако, следуя предложению К. Южак принимать за первоначальное соединение более сложное, оказывается, что первая стретта является производным соединением, так как вторая стретта – встречная, соединяющая прямое и обращенное движение. В финале двухголосных стретт три, и две последние являются производными соединениями от маэстральной стретты (цифра 7).

При появлении свободного голоса в стреттах образуется основное соединение вдвойне подвижного контрапункта (двухголосные стретты из первой части (цифра 20), упоминавшиеся стретты из Второй части, ракоходная стретта из Третьей части).

Анализ музыкального материала Второго (Бурятского) квартета Наговицына позволяет сделать следующие выводы:

1. Полифоническое развитие является в квартете преобладающим, к тому же его значимость и интенсивность по мере развертывания материала повышается: если в двух первых частях полифонические средства использовались композитором в качестве локальных, то в финале квартета образуется самостоятельная полифоническая форма – двойная fuga.

2. Наиболее часто используемым приемом развития являются стреттные имитации, что сообщает музыкальному действию значительную динамику, при этом расстояния вступления респост в них демонстрируют тенденцию к сокращению, что также приводит к драматизации и динамизации действия.

3. Стреттные имитации характеризуются разнообразием видов: стретты, цепи стретт, группы стреттных имитаций, которые, в свою очередь, подразделяются на группы стретт, группы цепей стретт, группы стреттных проведений (синтез стретт и их цепей).

4. Стреттные имитации являют примеры возникновения в них длительного тематического контрапункта при строгом и полном имитировании и формировании соотношений в различных видах сложного контрапункта.

5. Нередко стреттные имитации звучат в сопровождении свободных голосов, появление которых образует построения, аналогичные первоначальному и про-

изводному соединением в горизонтально-подвижном контрапункте. Данный вид контрапункта приводит к большему контрасту между основным и производным соединениями, чем в контрапунктах вертикально-подвижном, обратимом, допускающем удвоение, так как образует контраст в одновременности.

6. Характерно стремление к организации различных стреттных образований в разнообразные канонические формы, в числе которых применяются все известные категории канонов, кроме канонических секвенций. Обнаруживается соответствие всех категорий канонов определенным типам стреттных проведений, а именно: двухголосным, многоголосным канонам I разряда и исключительным формам канонов соответствуют стретты, многоголосным канонам II разряда – цепи стретт.

7. В процессе развития темы в стреттах подвергаются изменениям, главным образом метрическим и интонационным (обращение), таким образом, стретты являются не только фактором канонической интенсивности, но и сферой вариантного преобразования тематизма, то есть узловыми этапами в развитии формы квартета.

8. Национальный тематический материал органично принял полифонические приемы изложения, принципы развития, структурные формы, что является доказательством возможности широкого применения в композиторском творчестве Бурятии различных полифонических средств.

Примечания

1. Берлинский П. М. Монгольский певец и музыкант Ульдзуй Лубсан-хурчи. Опыт анализа монгольского устного музыкально-поэтического творчества. М. : Огиз-Музгиз, 1933. 128 с.

2. Берлинский П. М. Музыкальная культура бурят-монголов. Верхнеудинск, 1932. 67 с.

3. Русинова О. А. Исторические условия формирования композиторского творчества Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. №10. С. 50-55.

4. Смирнов Б. Музыка народной Монголии. М. : Музыка, 1975. 213 с.

5. Южак К. Некоторые особенности строения фуг И.-С. Баха. М. : Музыка, 1965. 126 с.

References

1. Berlinsky P. M. Mongolskij pevec i musikant Ul'dzuj Lubsan-khurchi. Opyt analiza mongol'skogo ustnogo musical'no-poeticheskogo tvorchestva [The Mongolian singer and musician Uldzui Lubsan-hurchi. The experience of the analysis of the Mongolian oral musical poetical creativity]. M., 1933. 128 p. [In Russ.].

2. Berlinsky P. M. Muzikal'naja kul'tura burjat-mongolov [The musical culture of the Buryat-Mongols]. Verkhneudinsk, 1932. 67 p. [In Russ.].

3. Rusinova O. A. Istoricheskiye uslovija formirovaniya kompozitorskogo tvorchestva Buryatii [Historical conditions of the composing creativity formation in Buryatia]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat state university]. 2014. № 10. Pp. 50-55 [In Russ.].

4. Smirnov B. N. Musika narodnoi Mongolii [The music of the folk Mongolia]. M., 1975. 213 p. [In Russ.].

5. Yuzhak K. Nekotoryje osobennosti strojenija fug I.-S. Bakha [Some peculiarities of the structure of I. S. Bach's fugues]. M., 1965 [In Russ.].

Уранчимэг Доржсүрэн

Uranchimeg Dorzhsuren

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МОНГОЛИИ:
ПРОЕКТЫ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ В МУЗЕЕ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. ЗАНАБАЗАРА**

**PRESERVATION OF THE CULTURAL HERITAGE OF MONGOLIA:
PROJECTS IMPLEMENTED AT THE MUSEUM OF FINE ARTS NAMED
AFTER ZANABAZAR**

В статье дан обзор основных проектов Музея, осуществленных в сотрудничестве с зарубежными исследователями, художниками и неправительственными организациями из США, Нидерландов, России за 2000-2018 гг. Особо отмечена роль экспертов ЮНЕСКО и ИКОМ. Изложены цели, задачи и результаты работ по улучшению условий сохранности экспонатов. Автор характеризует совместные российско-монгольские проекты, осуществленные на базе Музея им. Занабазара в 2011-2018 гг.

The article provides a review of the main projects of the Museum implemented in collaboration with foreign researchers, artists and non-governmental organizations from the USA, the Netherlands, Russia in 2000-2018. The experts' role from the UNESCO and ICOM is greatly emphasized. The goals, objectives and results of work to improve the conditions of the preservation of the exhibits are outlined. The author characterizes some joint Russian-Mongolian projects implemented at the Museum named after Zanabazar in 2011-2018.

Ключевые слова: музей, сохранность фондов, консервация, экспозиция, Монголия.

Keywords: museum, preservation of funds, conservation, exposition, Mongolia.

В музеях нашей страны хранится значительная часть исторического и культурного наследия, сотворенного умом и золотыми руками многих поколений монгольского народа. Один из них Музей изобразительных искусств имени Занабазара, первый художественный музей Монголии.

Музей изобразительных искусств им. Занабазара, расположенный в центре города Улан-Батор, был открыт 23 июля 1966 г. Тогда в фонды музея было передано 350 экспонатов, а в настоящее время в них хранится около 20 тыс. единиц и действует 11 залов постоянных экспозиций, в которых представлены произведения искусства от древних цивилизаций до начала XX столетия; один зал предназначен для временных выставок.

Гордостью нашего музея являются работы Г. Занабазара – статуэтки из бронзы, позолоченные статуи четырёх Будд, богини Белой Тары, автопортрет и портрет его матери Ханджамц. Музей обладает обширными коллекциями петроглифов, происхождение которых относится к ледниковому периоду; собраниями буддийской иконографии XIII-XVIII вв., контурных аппликаций, традиционных масок Цам, предметов религиозного культа, работ монгольских мастеров (ювелирные украшения, ритуальные обрядовые и бытовые изделия).

Бронзовый век представлен знаменитыми оленными камнями (древние каменные плиты с изображением оленей) и собранием изделий из бронзы: сабли, ножи, наконечники для стрел, ожерелья и браслеты. В музее демонстрируются произ-

ведения основоположника современного монгольского искусства Балдуугийна Шаравы: картины «События одного дня Монголии» и «Праздник кумыса».

С первого дня создания Музей изобразительных искусств им. Занабазара выполнял свой долг перед народом в области эстетического воспитания и художественного образования, популяризации произведений монгольских художников, скульпторов, в том числе произведений Г. Занабазара. В 1995 г., в годовщину 360-летнего юбилея Гомбодоржийн Занабазара, первого монгольского Богдо-гэгэна, правителя Халхи, выдающегося скульптора, основателя монгольской портретной живописи и изобретателя соёмбо, Музей изобразительных искусств был назван в его честь. В настоящее время музей ведет широкую научно-исследовательскую, образовательную и фондовую работу.

Со временем уникальные памятники культуры, являющиеся реальным историческим фактом, «отдаляясь» от людей, становятся редкими, зачастую утрачивая свое значение. Музей несёт огромную ответственность перед обществом за хранение самой лучшей части культурного наследия страны. Поэтому основной долг музея и его работников – розыск, изучение, долгосрочное хранение культурного наследия на научной основе. Наш музей с честью выполняет свою почётную миссию в сохранении уникального наследия кочевого народа, передаваемого из поколения в поколение.

В ходе своей работы в сфере хранения фондов и музейных предметов, изучения музейной среды, внедрения новых технологий экскурсионной работы в музее и организации персональных выставок зарубежных художников и скульпторов за последние 20 лет мы реализовали несколько проектов с участием зарубежных музейных специалистов и негосударственных организаций.

Одним из весомых событий конца XX в. явился распад социалистической системы и переход составлявших ее стран на рыночные принципы ведения экономики. Эта закономерность не обошла и Монголию, и монгольские музеи. Тогда люди перестали посещать музей, а нам, музейщикам, пришлось думать, как двигаться вперед, развиваться самим и развивать музей.

С середины 90-х гг. XX в. стали расширяться внешние связи Монголии в сфере культуры, в том числе и отношения между монгольскими и зарубежными музеями. Одним из партнеров стал Музей азиатского искусства в г. Сан-Франциско (США).

Халл Фишер, менеджер Музея азиатского искусства в Сан-Франциско, в 1998 г. приехал в Монголию с целью реализации совместных проектов по улучшению хранения музейных фондов. Музей азиатского искусства совместно с Центром сохранения культурного наследия Монголии при поддержке Азиатского фонда осуществили долгосрочный проект на сумму 15800000 тугриков для приобретения полок, бескислотной бумаги, лестниц и других предметов для организации хранения и консервации музейных экспонатов. Этот проект был реализован в 2000 г., став началом многих проектов за последние 20 лет.

В 2005 г., по инициативе Монгольской Национальной комиссии ЮНЕСКО и по просьбе Музея изобразительных искусств им. Занабазара, начали реализовывать проект по сохранению культурного наследия кочевых монголов. Проект сыграл значительную роль в улучшении условий сохранности и безопасности музейных экспонатов. Целью проекта являлось сохранение культурного наследия из фондов музея. Эксперты ИКОМ изучили здание, электрическую сеть и фонды музея, ознакомились с состоянием музейных экспонатов как в фондохранилищах, так и в экспозиционных залах.

В процессе реализации проекта был сделан ремонт в фондохранилищах музея, обновлено оборудование, заменены полки, для консервации экспонатов приоб-

ретенны инструменты для чистки, реставрации и т.д. Стремясь привести условия хранения экспонатов в Музее к международным стандартам, музейные работники и эксперты ИКОМ обратили внимание не только на предметы, хранящиеся в фонде, но и на предметы, экспонируемые в залах. Команда проекта вместе с экспертом ИКОМ Бригит Канзенбач изучила среду, условия хранения экспонатов в витринах и залах. В результате была улучшена сигнализация, «защищены» экспонаты открытого доступа, предотвращен тактильный контакт. Было приобретено оборудование для контроля температурно-влажностного режима, новые полки и ящики для музейных предметов, а также обеспечены возможности создания и поддержания учетно-информационной базы. Наряду с этим был обновлен вид экспозиционных залов, изменены их тематические планы, добавлены новые экспонаты, расширены и обновлены аннотации и этикетаж; в рамках проекта также были подготовлены и напечатаны музейные путеводители и брошюры.

Важно отметить, что в рамках этого проекта на базе Музея изобразительных искусств им. Г. Занабазара для работников других музеев страны были организованы несколько тренингов, по теме менеджмента, организации фондовой работы и хранения тканей.

Проект продолжался до 2010 г., и его результаты позволили значительно улучшить обеспечение стандартов сохранности музейных экспонатов, обеспечение безопасности и условий хранения. Мы продолжили работу и после проекта, сделав всё возможное, чтобы наш фонд стал “примером” для других музеев. Наши фонды посещали хранители многих музеев – Национального музея Монголии, Музея монгольского воина, музеев Среднегобийского и Южногобийского аймака, музея Сэлэнгэ, Сухэбатор, Эрдэнэ зуу и работники музеев города Уланбатора. В 2011 г. в Музее побывала делегация ЮНЕСКО во главе с Генеральным директором Ириной Боквой; сотрудники ЮНЕСКО высоко оценили результаты проекта.

Уровень сохранности музейных предметов, хранящихся в фонде музея, зависит от консервации и реставрации. Мы максимально используем все возможности для этого, а также стараемся своевременно укреплять и реставрировать новые предметы и археологические находки.

В 2009 г. Международной российско-монгольской экспедицией, организованной Международным институтом кочевых цивилизации ЮНЕСКО и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН под руководством проф. С.В.Данилова и проф. А. Очира был исследован курган тюркского времени Шороон бумбагар в Центральном аймаке Монголии. Памятник был ограблен ещё в древности, поэтому большинство предметов было разрушено, нам пришлось не только их укреплять, но надо было и реставрировать находки. Эти работы были профинансированы Культурной программой Посольства США в Монголии. Специалисты Центра культурного наследия (ныне Национальный центр культурного наследия) провели высококвалифицированные реставрационные работы, и в настоящее время экспонаты этого кургана представлены на специальной экспозиции.

В сотрудничестве с Монгольской национальной комиссией ЮНЕСКО, Комитетом по искусству и ремеслам и Ассоциацией ремесел Монголии, в 2012 г. были организованы национальный тренинг и семинар по двум основным направлениям: «Укрепление потенциала участия монгольских ремесленников» и «Проектирование цифрового контента монгольского культурного наследия» в Программе сертифицированных продуктов ремесленных изделий ЮНЕСКО. В рамках этих тренингов в Музее изобразительных искусств им. Занабазара реализовали проект “Музейный магазин”. Целью этого проекта являлись развитие монгольского ремесла и культурной индустрии и пропаганда монгольского культурного наследия. В результате те-

перь в музее работает сувенирный магазин, реализующий сувениры с музейным контентом.

Наряду с проектами в сфере хранения музейных экспонатов, мы также выполнили проект в области музейной экскурсионной работы – внедрение новой современной технологии в экскурсионную работу, т.е. аудиогид. В 2012-2013 гг. по гранту Фонда Принца Клауса (Нидерланды) в нашем музее посетители стали использовать аудио-гид на монгольском и английском языках. В рамках этого проекта купили 80 комплектов оборудования, разместили опознавательные знаки на экспонатах в залах, продублировали информацию об экспонатах на монгольском и английском языках, напечатали буклет о музее на монгольском языке.

Хотя наш музей расположен в центре города, посетители, особенно дети из отдаленных районов, встречаются с различными сложностями при его посещении. Поэтому в сотрудничестве с Советом по искусству Монголии в 2013 г. мы реализовали проект «Музей в ящике», где представлены миниатюрные экспонаты из экспозиционных залов. Наши сотрудники путешествуют по отдаленным от центра города школам и рассказывают детям о своем музее и об экспонатах.

Другим важным направлением работы в нашем музее в последнее десятилетие стало знакомство монгольского общества с творчеством зарубежных художников. Так, спустя многие годы наш музей восстановил сотрудничество и обмен выставками с музеями соседней страны, России.

Например, в 2011 г., в рамках X международного конгресса монголоведов была организована выставка картин «Н.К. Рерих и Монголия». Ее организаторами стали Министерство образования, культуры и науки Монголии, Всемирная ассоциация монголоведов, Музей изобразительных искусств им. Занабазара и Международный Центр-Музей имени Н.К. Рериха (г. Москва). Проект получил поддержку президента Монголии Ц. Элбэгдоржа и министра образования культуры и науки Ё. Отгонбаяра.

Творческое наследие семьи Рерихов уже многие годы служит духовным мостом, связывающим культуры русского и монгольского народов. На выставке было представлено 60 картин Н.К. Рериха, созданных с 1925 по 1947 гг., а также портрет отца, написанный Святославом Рерихом в 30-е годы прошлого столетия. Публика также смогла познакомиться с материалами о жизни и деятельности всех членов семьи Рерихов. В состав выставки вошли фотографии и видеофильмы, раскрывающие вклад этой выдающейся семьи в российскую и мировую культуру. Знаковым экспонатом являлась картина из фондов Музея изобразительных искусств им. Занабазара «Великий Всадник», созданная в 1927 г. в Улан-Баторе.

В 2016 г. у нас появилась редкая возможность познакомиться с испанской скульптурой, керамикой и живописью. В рамках проекта «Гостеприимный Улан-Батор» в Музее изобразительных искусств им. Занабазара прошла выставка мировых шедевров художественного искусства. Александр Шадрин, российский бизнесмен и коллекционер, продемонстрировал свою коллекцию, состоящую из более 200 произведений искусства: скульптур, керамики и картин известных испанских художников и скульпторов Сальвадора Дали и Пабло Пикассо.

В 2018 г. в нашем Музее были организованы выставки произведений художников Бурятии Жигжита Баясхаланова и Мэдэгмы Дандарон.

Жигжит Баясхаланов – известный ювелир-оружейник Бурятии. В марте 2018 г. в экспозиционном зале нашего музея открылась его персональная выставка «Сквозь стихию». На выставке были представлены уже ставшие известными бронзовые скульптуры, которые он создал за последние три года. Кроме того экспонировались ножевые и бронзовые отливки, традиционный бурятский нож и небольшие скульптуры.

Осенью 2018 г. также в нашем музее бурятская художница, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Восточно-Сибирского государственного института культуры Мэдэма Дандарон представила свою персональную выставку «Путь Алая – Виджняны». Она посвятила эту выставку философии своего отца, Бидии Дандарона – известного буддолога и философа, являвшегося признанной реинкарнацией настоятеля тибетского монастыря Джаягсы Гэгэна. Мэдэма Бидияевна Дандарон в своих работах соединила два вида искусства: гобелен и живопись, необычные фактуры и цвета, и получила принципиально новый продукт. В результате – соединение традиционных технологий с современными техниками живописных работ. М.Б. Дандарон демонстрирует новый стиль, представляющий современный мир гобелена, смешанной техники. Яркие, разноцветные абстрактные картины описывают процесс духовного поиска. Монгольские зрители увидели инновационные методы в виде гобеленов, расписанных вручную, также скульптур.

Исследование окружающей среды музея занимает важное место в проектах последних лет. В этом году в сотрудничестве с исследователем М. Оюунтулга (ныне генеральный технолог Национального центра культурного наследия) и директором Института исследования загрязнений окружающей среды Японии Масахико Ямазакки мы изучали окружающую среду музея, чтобы создать необходимые условия для качественного хранения экспонатов. С помощью измерителя алмонической, органической и формальдегидной кислоты были проведены исследования в помещении фонда, в экспозиционном зале, в витрине и вне музея одновременно. В результате этих измерений мы смогли сравнить загрязнение окружающей среды, температурно-влажностный режим фонда, экспозиционного зала, витрин и вне музея. К сожалению, мы приобрели всего один инструмент, это не позволило провести исследования одновременно, но они были выполнены по очереди.

Мы не останавливаемся на достигнутом. В дальнейшем нам предстоит еще больше работы, чтобы продолжить поступательное развитие нашего музея.

Каржаубаева А. И.

Karzhaubaeva A. I.

**ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ****ELEMENTS OF THE BURYATS' TRADITIONAL CULTURE
IN THE PROFESSIONAL CHOREOGRAPHIC CREATIVITY**

В статье отмечается, что истоки танцевальной культуры каждого народа неразрывно связаны с его религиозными верованиями, трудовыми традициями и бытом. Автор рассматривает особенности взаимодействия традиционной хореографии бурят с профессиональной хореографической культурой, основные направления этого взаимодействия. Включение элементов народного танца в современные хореографические постановки значительно их обогащает. Расширяются границы существования этнической культуры, возможности ее проявления на уровне профессионального хореографического творчества.

The article points out that the sources of dance culture of the each nation are inseparably connected with the religious beliefs, labor traditions and everyday life. The author considers the peculiarities of the Buryats' traditional culture interaction with the professional choreographic culture, its main directions. The inclusion of the elements of folk dance in modern choreographic performances enriches them significantly. The boundaries of ethnic culture existence as well as the possibilities of its manifestations on the level of professional choreographic creativity are expanding.

Ключевые слова: народная хореография, бурятские танцы, охотничьи танцы, хороводные танцы, народно-сценические танцы.

Keywords: folk choreography, the Buryat dances, hunting dances, round dances, folk scenic dances.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к народной хореографии как профессионалов, так и любителей. Сегодня хореографы-постановщики «смело обновляют образную поэтику народного танца на сцене, органично выражают в танцевально-пластической хореографии культурные традиции» [5, с. 64].

Истоки танцевальной культуры каждого народа неразрывно связаны с его религиозными верованиями, трудовыми традициями и бытом. Например, у бурят это в первую очередь охотничий промысел. Танец, связанный с охотой, определял магический смысл всех действий, предрекавших удачную охоту. Всесторонне исследуя творчество бурятских сказителей-улигершинов, известный бурятский этнограф М. Н. Хангалов описал танцы, которые исполнялись перед охотой. Так, в «тетеревином танце» (тетээрин наадан) показал все действия тетеревов и охотников, подражающих повадкам птиц. Драматическое преследование птицы охотником включало в себя искусное перевоплощение, умение приблизиться к ней – без этого не могло быть удачной охоты [9, с. 14]. Так возникли танцы, роль которых заключалась в предсказании и обещании победы человека над зверем.

Бурятский танец «медвежья игра» (баабгайн наадан) также включал действия охотника-медвежатника и медведя [9, с. 14]. Охотник, облачившись в шкуру медведя, воспроизводил как можно точнее характер движения, повадки животного. «Действия ритмизированы, обусловлены участием коллектива и словесным выраже-

нием – напевом» [7, с. 4]. По мнению исполнителей, медведь только в таком случае быстрее давался в руки охотников.

Охотничьи игры и танцы записаны не только этнографами, но и хореографами, которые, как и фольклористы, записывали сведения о танцевальном искусстве народа, передававшиеся из поколения в поколение. Ставя народные танцы, хореографы воспроизводили движения в виде прыжков на корточках, одновременное пение, сопровождаемое хлопками в ладони и отдельными выкриками. В мужских танцах, где наряду с уподоблением птице или зверю, проявляются элементы соревнования, выделяется победитель – лучший охотник или воин. Танец основного исполнителя не копировал пластику животного, а представлял собой уже перевоплощение в образ этого животного. Так, например, имитируется полет орла в танце победителя состязаний Сурхарбана: сначала идет подготовка танца, когда танцующий приседает, наклонив корпус вперед, приподняв грудь, смотрит прямо перед собой. Затем он делает правой ногой шаг вперед, сразу перескочив на всю ступню, и высоко поднимает назад согнутую левую ногу. Одновременно с этим делается взмах руками на уровне головы и выше, как будто это крылья птицы.

Такие подражательные танцы были положены на музыку известным бурятским композитором Ж. Батуевым. «Танец охотников», «Танец черных тетеревов» вошли в репертуар известных танцевальных коллективов. Сценический танец, используя движения, записанные у информаторов балетмейстерами Т. Е. Гергесовой, Ф. С. Ивановым, претерпел изменения, но в основном рисунке оставался неизменным, таким, каким он был описан в их книгах.

О. Б. Буксикова в своей диссертации анализирует танец «Тарбаганы», который был поставлен по принципу подражания народным играм. Она пишет, что Т. Е. Гергесова «воспроизведя средствами хореографии характерные движения сурков, их повадки, добродушный, веселый характер, создала самобытный танец, который исполняли двое юношей: один, повязав на голову платок, изображал самку, а другой – самца. В танце, больше напоминавшем пантомиму, балетмейстером показаны взаимоотношения самца и самки, их забота друг о друге, их игры. Весь танец исполнялся на корточках, как и “Танец тетеревов”. Первая часть танца исполнялась без музыкального сопровождения, а вторая – под аккомпанемент национального духового инструмента – лимбы» [1, с. 98].

Мифы и ритуалы бурят легли в основу хороводных танцев. Например, девичий хоровод «Ульмэшээлгэ» (ёхор аларских бурят) танцевали в честь Белой Лебеди – праматери хоринских бурят. Д. В. Дугаржапов в своем исследовании отмечает: «Культ Лебеди – матери-прародительницы присутствует в наскальных рисунках около озера Байкал, в обычаях и обрядах, народных песнях, играх, танцах. Пластические подражательные элементы танца “Лебеди” у бурят Приангарья отражают пластику птицы в полете, ее принадлежность к Небу, через кинетику – подъемом на полупальцы» [3, с. 15]. Т. Е. Гергесова, воспроизвела танец «Ульмэшээлгэ» от информатора М. П. Данчиновой, описав основной ход, который отличался подъемом на полупальцы и опусканием с акцентом на пятки [2, с. 28]. Происхождение этого танца связано с шаманизмом, поклонением Вечному Синему Небу.

Религиозные представления в сохранившихся от далекого прошлого хороводных танцах были связаны с родовым культом местности, обрядами, которые сопровождались шаманскими жертвоприношениями, играми и плясками. Это отразилось в названии древнего хороводного танца ёхор. Танцующие, держась за руки, покачиваясь, с пением движутся по кругу медленными шагами. Другие движения, когда шаги сменяются прыжками и движение убыстряется, осуществляются на припеве. Танец несложен, но вся его сила – в энергетике, когда взявшись за руки и двигаясь по кругу, участники объединены коллективным чувством. Иногда число танцую-

щих может доходить до 100 человек и более. Своеобразны локальные варианты танца. Но при всем многообразии движений в разных вариантах – аларском, эхирит-булагатском, тункинском, закаменском, баргузинском – выделяется ряд наиболее устойчивых и распространенных движений. Это приставной шаг по ходу солнца, лицом к центру, сначала левой ногой влево по кругу, тяжесть корпуса переносится на левую ногу, потом правую ногу приставляют к левой и тяжесть тела переносят на правую и т.д.

Хореографы-постановщики пытаются объединить противоположные мнения исследователей о правилах исполнения ёхора. Так одни этнографы считают, что ёхор является молодежным хороводным танцем (Д. С. Дугаров), другие пишут о том, что без представителей старшего поколения не обходился танец на празднике и что именно пожилые руководили организацией танца (М. Н. Хангалов). Для ёхора характерна яркая эмоциональная составляющая, выраженная в улыбках танцующих и песнопениях. Трансформации подвержены хореографические элементы в ёхоре – от традиционного бытового до современного сценического. В бытовом варианте видно: чем больше количество участников танца, тем больше состояние определенной медитации, в которую впадают участники. Сценическая же версия трансформировалась в более широкие жесты танцующих, которые двигаются по солнцу, но уже не соединяются плотно руками друг с другом. При этом резкое отличие от привычных движений и поз сосуществует одновременно с тенденцией к сохранению общего духа и настроения.

Разумеется, фольклорный танец в современных условиях не может выглядеть и воспроизводиться в первозданном виде. Качественный уровень его исполнения выглядит несколько иначе, чем прежде. Но использование наиболее общих стилистических особенностей народного первоисточника в создании современного хореографического произведения совершается на основе традиционных хореографических приемов, элементов, характерных черт пластики и манеры исполнения. Все это, безусловно, послужило серьезной предпосылкой для рождения ансамблей народного танца. А в первых бурятских балетах народный танец использовался в массовых сценах с целью передачи общего настроения и национального колорита.

Сохранению и развитию народной хореографии способствует творчество как отдельных талантливых хореографов и исполнителей, так и деятельность профессиональных танцевальных коллективов. Например, в Бурятии в разные годы работали И. А. Моисеев, М. С. Заславский, М. С. Арсеньев, Т. К. Глязер, М. С. Годенко. Появились и свои мастера народной хореографии, собиравшие, изучавшие и использовавшие в своих творческих поисках народный танцевальный фольклор: Г. Ц. Цыденжапов, Т. Е. Гергесова, Ф. С. Иванов, Ц.-Е. Бадмаев. Государственный театр песни и танца «Байкал» к работе над фольклорными танцами привлекал собирателей источников, воспроизводящих элементы народных танцев, таких как Т. Е. Гергесова, Ф. С. Иванов. С первых дней своего создания «Байкал» опирался «на разработку национальных пластических традиций, сценическую адаптацию фольклорных образцов, сочинение танцев, развивающих формы национальной хореографической выразительности» [3, с. 89-90]. Богатейший фольклор бурятского народа стал основой репертуара танцевальной труппы «Байкал». Самыми популярными танцами коллектива стали танцы «Охотники» и «Наездники». В них подчеркивался настрой участников охоты на будущие действия, на то, как следует держаться во время охоты, что нужно предпринять при встрече с животными. Отсюда в танце «Охотники» сочетались темпераментные действия людей, птиц и зверей. Этот танец, изображающий подготовку и выход племени на облавную охоту, сопровождался торжественными актами, камланием шамана, подражательными танцами, напоминающими повадки зверей.

Поиски собственного пути, накопление опыта народно-сценической хореографии – все это можно наблюдать на различных этапах формирования театра песни и танца «Байкал». Руководителям приходилось подчеркивать национальную специфику народного танца, преодолевать подражание профессиональному классическому танцу. Ф. С. Иванов учил артистов: «Не тяните носок по-балетному. Бурят ставит ногу так!» – и показывал характерное движение в народном танце [4, с. 65]. Но и слепое подражание народному танцу хореографы «Байкала» избегали. Следование национальным особенностям, понимание того, что в концертных представлениях ансамбля отражена не просто обработка народного танца с опорой на узнавание зрителем этнографического варианта, а творческое переосмысление и даже фантазия на тему этнографического образца. Это отразилось в музыкально-хореографических спектаклях последних лет, когда ансамбль, получив статус театра, был переименован в 2005 г. в Государственный национальный театр песни и танца «Байкал». При всем соблюдении традиций исполнения народного танца хореографы-постановщики выражают через традиционные позы и жесты чувства глубоко современные и одновременно вечные: упоение каждого танцора ритмом музыки и танца, желание ощутить себя одним из участников общего, коллективного действия.

Представляет интерес хореографическое решение бурятской легенды в спектакле профессионального драматического театра, актеры которого владеют искусством танца, прежде всего национального. Вот уже около двадцати лет в репертуаре Бурятского государственного академического театра драмы им. Х. Намсараева (режиссеры С. и Э. Жамбаловы) идет музыкально-драматический спектакль «Улейские девушки». В спектакле складывается система обрядовых, ритуальных, игровых танцев, сопровождаемых хоровой ёхорной песней. Улейские девушки – это духи трагически умерших женщин, которые, согласно легенде, покончили с собой до свадьбы или были замучены мужьями. Писавшие о спектакле видели над головами главных героинь огненный нимб девушек, поскольку, невинно пострадавшие, они причислены к сонму святых духов-заянок, ставших, согласно шаманским призываниям и песнопениям (западные буряты – шаманисты), хранительницами священного огня, охраняющего порядок на земле (у западных бурят издавна почитается культ огня) [8, с. 113; 6]. Пластическое решение танцев позволяет передать общий музыкально-танцевальный облик драматического спектакля. В спектакле мы видим, что положенная в основу драматургическая фольклорная традиция западных бурят выступает в единстве с танцем и музыкой. Этим синтезом был отмечен период возникновения Бурятского театра драмы в конце 1940-х годов в результате разделения музыкально-драматического театра (год образования – 1939-й) на два творческих коллектива – драматическую труппу и оперно-балетную часть. И с тех пор драматическая труппа в память о своей истории активно использует в спектаклях старинные игры и танцы [7, с. 101].

Подобные крупноформатные музыкально-хореографические спектакли ставятся и Государственным ансамблем песни и танца «Байкал». В его репертуаре последних лет представлены этно-балет «Угайм Сулдэ» (Дух предков), этно-опера «From Mongols to Mogols» (От Монголов к Моголам), спектакль «Эхо страны Баргуджин Тукум». Эти постановки осуществлены на основе драматургической обработки мифов и легенд бурятского народа. Режиссеры-постановщики театра песни и танца «Байкал» стремятся в этих спектаклях отразить острые, актуальные и спорные вопросы, связанные с происхождением и историей бурятского народа.

Танцы «Наездники» и «Охотники», с которыми было связано становление национального ансамбля песни и танца «Байкал», возвратились в его репертуар в составе музыкально-хореографического представления «Дух предков».

Так же, как первые исполнители бурятского народного танца, их последователи в лице нового поколения хореографов-постановщиков сумели в своем творчестве передать его уникальное своеобразие и богатый общечеловеческий смысл.

Примечания

1. Буксикова О. Б. Игры бурят конца XIX – начала XX вв. и их опыт трансформации в национальной хореографии : дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 142 с.
2. Гергесова Т. Е. Бурятские народные танцы. Улан-Удэ, 1984. 204 с.
3. Дугаржапов Д. В. Танец в культурном пространстве народов Байкальского региона : дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2004. 148 с.
4. Иванова Е. Ф. Душой исполненный полет: к 90-летию Ф. С. Иванова. Улан-Удэ, 2006. 147 с. : ил.
5. Карпенко В. Н., Никитин В. И. Народная хореография как неотъемлемая составляющая классических балетов // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9, ч. 2. С. 62-65.
6. Мордвина Т. Н. Мифо-ритуальные мотивы в фольклорно-музыкальном театре (на примере спектакля «Улейские девушки») // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2008. Вып. 10. С. 283-288.
7. Найдакова В. Ц. Бурятский советский драматический театр. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. 372 с.
8. Николаева Д. А., Николаева Л. Ю. Космос «Улейских девушек // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. С. 110-114.
9. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Улан-Удэ, 1958. 506 с.

References

1. Buksikova O. B. Iгры burjat konca XIX-nachala XX vv. i ikh opyt transformacii v nacional'noj khoreografii : dis. kand. ist. nauk [The Buryats' games at the end of the XIXth – beginning of the XXth centuries and their experience of transformation in the national choreography: dissertation thesis ... candidate of sciences in History]. Ulan-Ude, 2000. 142 p. [In Russ.].
2. Gergesova T. Ye. Burjatskije narodnyje tancy [The Buryat folk dances]. Ulan-Ude, 1984. 204 p. [In Russ.].
3. Dugarzhapov D. V. Tanec v kul'turnom prostranstve narodov Baikal'skogo regiona : diss. kand. kul'turologii [Dance in the cultural space of the peoples of the Baikal region : dissertation thesis ... candidate of sciences in Culturology]. Ulan-Ude, 2004. 148 p. [In Russ.].
4. Ivanova Ye. F. Dushoj ispolnenny poljet : k 90-letiju F.S. Ivanova [Flight made by soul : to the 90th anniversary of F.S. Ivanov]. Ulan-Ude, 2006. 147 p. [In Russ.].
5. Karpenko V. N., Nikitin V. I. Narodnaja khoreografija kak neotjemlemaja sostavljajushchaja klassicheskikh baletov [Folk choreography as integral part of classical ballets] // Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. 2019. № 9, p.2. Pp. 62-65 [In Russ.].
6. Mordvina T. N. Mifo-ritual'nyje motivy v fol'klorno-muzykal'nom teatre (na primere spektaklja "Ulejskije devushki") [Mythical ritual motives in folklore musical theater (the premier of the performance «Uley girls» as an example) // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Bulletin of the Buryat state university. Philology]. 2008. Issue 10. Pp. 283-288 [In Russ.].
7. Naidakova V. Ts. Burjatskij sovetskij dramaticheskij teatr [The Buryat Soviet drama theater]. Ula-Ude, 1974. 372 p. [In Russ.].
8. Nikolaeva D. A., Nikolaeva L. Yu. Kosmos "Ulejskikh devushek" [Cosmos of "Uley girls" // Kulturnoje prostranstvo Vostochnoj Sibiri i Mongolii [Cultural space of Eastern Siberia and Mongolia]. Ulan-Ude, 2002. Pp. 110-114.
9. Khangalov M. N. Sobranije sochinenij : v 3 t. [Collection of works : in 3 volumes]. Ulan-Ude, 1958. V. 1. 506 p. [In Russ.].

Воронцова Л. С., Солнцева Г. Н.

Vorontsova L. S., Solntseva G. N.

ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ ГОРОДА УЛАН-УДЭ

THE PROBLEMS OF ARCHITECTURAL AND SPACIAL COMPOSITION OF ULAN-UDE CITY

В статье дается краткий анализ градостроительных проблем в архитектурно-пространственной композиции города. Рассматриваются особенности формирования социально-эстетических аспектов в проектировании городской среды. Дается обзор проблемных мест в практике планировки и застройки города, их согласованность с точки зрения искусства и жизни. Рассмотрена задача создания среды, обладающей высокой эстетической значимостью, которая должна формировать предложения по охране исторической городской среды, обладающей высокохудожественной, историко-культурной ценностью.

The article gives a brief analysis of urban planning problems in the architectural and spatial composition of the city. The features of social and aesthetic aspects formation in the design of the urban environment are considered. The review of the problem places in the practice of city planning and building is given as well as their coherence from the point of art and life. The task of creating the environment of high aesthetic significance that should be the source of the suggestions connected with the protection of the historical urban environment of artistic, historical and cultural value is considered.

Ключевые слова: композиция, проект, планировка, среда, перспектива, ландшафт, структура, скульптура.

Keywords: composition, project, planning, environment, perspective, landscape, structure, sculpture.

Целью градостроительного проектирования является оптимизация материально-пространственных условий многообразных процессов социального воспроизводства, осуществляемых в городе. Эта цель применима к различным объектам проектирования и определяет взаимосвязь социальных и пространственных характеристик: экономической, социально-демографической, экологической, эстетической. В качестве специальной цели проектирования выделим обеспечение экологической и эстетической полноценности окружающей среды.

Задача создания среды, обладающей высокой эстетической значимостью, должна формировать предложения по охране исторической городской среды, обладающей высокохудожественной, историко-культурной ценностью; предложения по охране эстетически ценных элементов среды, природных ландшафтов; должна содержать преемственность развития новых пространственных структур, обладающих высоким художественным потенциалом.

Природный ландшафт составляет основу формирования любого градостроительного объекта. Геометрия рельефа и гидрографической сети непосредственно влияют на планировочную структуру поселения и определенным образом воздействуют на создаваемую человеком городскую среду. Можно сказать, что рисунок сложившегося расселения почти всегда следует за рисунком природного ландшафта. Город и его окружение значительно изменяют природный ландшафт, поэто-

му при проектировании новых объектов вопросы природоохраны не всегда стоят в сочетании с задачами технического преобразования ландшафта.

На всех уровнях проектирования цель – охрана природного окружения, требующая такой организации градостроительных объектов, при которой обеспечивалось бы наименьшее давление на природный комплекс.

Столица Бурятии расположена в долине реки Селенги, окруженной отрогами хребтов Хамар-Дабана, Улан-Бургасы и Цаган-Дабан.

Улан-Удэ обладает уникальным природно-ландшафтным и историко-культурным наследием. Становление и развитие города Улан-Удэ происходило постепенно, продуманно и основательно.

Вместе с тем сегодня имеется необходимость оптимизации производственных процессов с позиции природоохраны. К примеру, район Верхняя Березовка являлся зоной отдыха горожан Верхнеудинска еще с начала прошлого века. Сохранились замечательные фотографии «гуляний» на фоне нетронутой природы Баргузинского тракта. Этот уникальный кусочек сибирской тайги в черте города активно застраивается стихийным жильем. Некогда цветущие сады и луга по обе стороны федеральной трассы сменились на деревенские улицы. И этот процесс продолжается.

Другой пример: решение социально-функциональных задач реконструкции парка им. Орешкова может привести к исчезновению соснового бора, как ресурса для организации отдыха населения, а главное как ресурса обеспечения экологического равновесия данного района.

Пейзаж города исторически меняется, по ул. Бабушкина был снесен частный сектор, открыв замечательный панорамный вид на реку Селенгу, но процесс преобразований не остановлен, сейчас там выстроен ряд серых бутиков, не украшающих облик города и не пользующихся потребительским спросом.

Необходимо градостроительными средствами способствовать сохранению экологического равновесия, при котором обеспечивается естественное воспроизводство природного ландшафта. Средствами решения таких задач являются планировочные приемы взаимного размещения охраняемых территорий и зон активного хозяйственного использования, учет при этом климата, рельефа, гидрографии района.

Город – интегрированное пространство, являющееся специфической формой среды социальной жизни человека, где переплелись общности исторические, культурные, духовные. Они образуют своего рода «очаги», связанные с традиционным городским центром, обладающие своей «географией» внутри пределов города. Исторические застройки «деревянного» города и громадные массивы новых кварталов, кристаллы из стекла и металла, художественные формы больших и малых масштабов соединяются в одну панораму, создают образ города.

Улан-Удэ на протяжении веков сохранил свой самобытный облик, сочетающий русскую и восточную культуры. Город богат разнообразной архитектурой культовых сооружений, купеческими каменными и деревянными домами, монументальными зданиями советского периода истории нашей страны. В центре исторического города сохранилось более 200 памятников архитектуры, истории и культуры, среди которых выделяются особо ценные ансамбли каменной и деревянной застройки.

Своеобразием центра Улан-Удэ является то, что он демонстрирует в достаточно большом объеме историческую застройку разных эпох развития. Улица Ленина (Большая Николаевская), являясь главной осью центра, интегрирует все кварталы в единый ансамбль. От нее в разные стороны расходится сеть дорог и пешеходных путей. Начинаясь от Одигитриевского собора, улица Ленина пересекает центральную часть города и связывает два главных публичных пространства: площадь Революции и площадь Советов. Большинство зданий, расположенных в историческом центре – памятники истории и архитектуры. В 2006 году часть улицы Ленина стала

пешеходной зоной с фонтанами, магазинами, ресторанами, скамейками и скульптурными композициями. Создано многофункциональное общественное пешеходное пространство.

Пространственная концепция архитектурных ансамблей является неразрывной частью организации коммуникативной структуры города.

Развитие градостроительных систем характеризуется использованием и развитием систем, сложившихся ранее. Особенно это проявляется в наше время, когда новое строительство активно ведется в исторически сложившихся частях города. И не всегда удачно вписывается в окружающую среду, ломая инфраструктуру исторического центра. Вновь построенные высотки закрыли обзор замечательного фасада Государственного Бурятского академического театра драмы им. Х. Намсараева. Общественное здание ТРЦ «Еврозона» на пересечении улиц Балтахинова и Куйбышева нависает над проезжей частью и теряет обзор перспективы улицы. Стилистически неверно определено место монументу «Гэсэр» на Набережной реки Уды, мощная подпорная стена тяжеловесна и контрастирует с природным ландшафтом, монумент лишен возможности подхода к нему горожан и туристов. Хотелось бы видеть монумент на большом открытом степном пространстве.

Православный крест, традиционно требующий поклонения, установленный на месте бывшей церкви у развязки Удинского моста, теряет свой сакральный смысл из-за несоответствия его масштаба с окружающей средой и невозможности подхода к нему.

Современно-стилизованный скульптурный ансамбль, посвященный материнству и детству автора Ч. Мандаганова, противоречит классическому стилю окружающего пространства Гостиных рядов, рассматриваемый объект приобрел бы смысловую ценность при его размещении у современного здания республиканского перинатального центра. Несмотря на множество проектных предложений по благоустройству территории, прилегающей к театру оперы и балета в пределах улиц Ленина и Советской, был построен ТЦ «Форум», закрывший обзор прекрасной архитектуры Государственного академического театра оперы и балета им. Г. Ц. Цыдынжапова.

Город – это особый объект художественного творчества. Известный нам термин «градостроительное искусство» подчеркивает эстетическую значимость принимаемых проектных решений. Градостроительный проект представляет образную модель организации пространства. Эстетические аспекты объектов градостроительной среды заключаются в соразмерности, пропорциональности ее элементов, ритмической структуре и рисунке планов, панорам, перспектив, в пластическом и цветовом богатстве, в гармоничности сочетания искусственных элементов среды с природным ландшафтом.

С помощью художественных средств: ритма пространственных структур, пластики зданий, цветосветового решения складывается эмоциональная значимость среды.

Монументальная скульптура, памятники, объекты городской среды традиционно закрепляют принадлежность к тем или иным историческим событиям и развитию современного общества.

Необходимость объясниться языком монументальных символов зачастую приводит к необоснованной, противоречащей историческому контексту объемно-пространственной структуре городской среды.

Эстетические качества среды, создаваемые по проектному замыслу, обращены к человеку – жителю города, потребителю эстетических ценностей. Поэтому градостроительное искусство – форма сложного синтетического пространственного искусства, сочетающего в себе архитектуру, пластические искусства, живопись, ландшафтное искусство.

С исторических времен скульптурные монументы становятся пластическими акцентами городской среды. Монументальная скульптура – форма искусства, которая совершенствуется с развитием общества.

Создание сложных средовых форм не всегда обогащает архитектурно-пространственную композицию города, где наряду с высокохудожественными скульптурными объектами, появляется материал менее традиционный, менее художественно осмысленный.

Зачастую объекты дизайна городской среды, скульптура, малые формы, монументы не всегда находят себе точное место в пространстве старого и нового города.

Характерный пример несоответствия архитектурно-средовому контексту монумент «Мать-Бурятия» скульптора Э. Цыденова. Первоначально монумент (приветствующий священным обрядом) был установлен спиной к заднему фасаду оперного театра. Пространственная среда не позволяла охватить общий силуэт монумента, кроме того, идейное содержание не соответствовало стилистике архитектурного ансамбля театра и вызывало недоумение. По-настоящему величественной аллегорией Республики скульптура стала при переустановке на въезде в город на склоне набережной, возвышающейся на фоне небосклона. Монумент приобрел символическое значение, даже некую сакральность. «Монумент – это художественный синтез формы с идеально трактованной средой, имеющей категорию вечности» [1, с. 17].

Особенно важен масштаб монументальной скульптуры в пространстве. Скульптурно-архитектурный объект «Гэсэр» автора Б. Сундупова (бульвар Карла Маркса) не производит большого художественного эффекта, так как выполненный в небольших размерах, установлен на высокий шпиль-постамент, лишен обзора с близкого расстояния (развязка). Если попытаться увидеть скульптуру, спустившись с проспекта, то являющееся фоном высотное здание «Солнечная башня» делает скульптурную установку совершенно незаметной, детали её не просматриваются. Кроме того, трудно проследить смысловую или другую любую связь сидящих львов в начале бульвара (автора А. Миронова) ни со скульптурой Б. Сундупова, ни с Русским драматическим театром им. Бестужева. Такое впечатление, что их здесь забыли.

Городская среда, сочетающая архитектуру с другими видами пространственных искусств, является фактором активного воспитательного воздействия на человека. При помощи художественных средств формируется эмоциональная значимость среды: чувство красоты, торжественность, лиричность, патриотизм, причастность к своему городу, краю.

Хочется затронуть эмоциональную сторону объемно-пространственных средовых объектов, не вызывающих положительных чувств жителей города: оскаленные пасти тигров, готовых к прыжку (скульптуры Селенгинского моста); шипящие змеи на улице Ленина нарушают торжественность геральдического герба Верхнеудинска, выполненного в объеме; жителей города мучает вопрос, в кого направлена стрела «Лучника». В процессе духовного потребления городской среды художественный и логический языки должны интегрироваться, восприниматься едино: художественное творчество в градостроительстве, композиция градостроительных объектов, эстетическое восприятие средовых объектов.

При планировке и застройке новых районов города, при реконструкции существующих исторических ансамблей нужно создавать комплексные планы сооружений монументов, произведений монументального искусства, объектов малой пластики и дизайна. Это должно решаться на уровне генеральных планов и проектов детальной застройки города.

Современная социальная база культуры и искусства имеет отражение в создаваемых объектах. Непланный подход к возведению объектов монументального искусства порождает неверные и ненужные архитектурно-художественные формы.

Многие скульптуры и архитектуры малых форм, особенно дизайн-объекты, являют собой низкопробное украшательство. К примеру, световая установка «Бабочка» на развязке Удинского моста, кованные цветники вдоль перегруженной транспортной линии Проспекта 50-летия Октября, где нет возможности ухода за растениями, кованные пирамиды с искусственными (зимой) цветами на площади у гостиницы «Бурятия».

Закономерности эстетического восприятия градостроительных объектов позволяют выявить задачи общества и потребности населения в духовном потреблении окружающей среды и разработать эстетические программы проектирования. Знания закономерностей художественного творчества позволяют расширить рамки творческой активности проектировщика, повысить эстетический уровень создаваемых градостроительных комплексов [2, с. 140].

Проектная деятельность в градостроительстве должна сочетать элементы инженерного конструирования, научного анализа и художественного творчества.

Примечания

1. Турчин В. С. Монументы и города. М. : Совет. художник, 1982. 160 с.
2. Основы теории градостроительства / З. Н. Яргина, Я. В. Косицкий [и др.]. М. : Стройиздат, 1986. 325 с.

References

1. Turchin V. S. Monumenty i goroda [Monuments and cities]. M., 1982. 160 p. [In Russ.].
2. Osnovy teorii gradostroitel'stva [Fundamentals of urban building theory] / Z. N. Yargina, Ya. V. Kositsky [et al.]. M., 1986. 325 p. [In Russ.].

*Санжиева Л. Н.**Sanzhieva L. N.*

О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ МУЗЫКОВЕДА ABOUT THE MUSICOLOGIST'S CREATIVE WAY

В статье идёт речь о становлении и творческих достижениях доцента ВСГИК Н. Ц. Цибудеевой, начиная со школьной поры и по сегодняшний день. За годы её самостоятельной деятельности она ярко проявила себя в творческой и педагогической работе: в музыкальном училище им. П. Чайковского, театре оперы и балета им. Г. Цыдынжапова, институте культуры (ВСГИК). Как музыковед с хорошим образованием, она публиковала популярные и научно-популярные статьи в печати, где своим неравнодушным отношением оценивала разнообразные явления культуры республики и выражала тем самым свою гражданскую позицию.

The article is about the formation and creative achievements of the associate professor of East Siberian state Institute of culture N.Ts. Tsybudeeva, starting from her school age to the present days. Over the years of her independent activity, she has clearly proven herself in creative and pedagogical work in the music school named after P. Tchaikovsky, Opera and Ballet Theater named after G. Tsydynzharov, Institute of Culture (ESSIC). As a musicologist with good education, she published popular and science-oriented articles where she assessed various phenomena in the culture of the Republic expressing her great concern and civil position.

Ключевые слова: музыковед, детская музыкальная школа, Российская Академия музыки им. Гнесиных, кандидатская диссертация, монография, абсолютный слух, нейронные связи, авторский тандем, гражданская позиция.

Keywords: musicologist, children's music school, the Russian Academy of Music named after the Gnesins, Ph.D. thesis, monograph, absolute pitch, neural connections, author's tandem, civil position.

Доцент ВСГИКа, известный в республике музыковед, Заслуженный деятель искусств РБ Надежда Циденовна Цибудеева получила широкую известность у читателя незаурядной и живой подачей материала, за которой стоит глубокая заинтересованность автора в происходящих в республике событиях культуры, а также её гражданская позиция. Творческие портреты композиторов, вокалистов, рецензии на спектакли оперного театра, подчас довольно критические, вызывали и вызывают широкий общественный резонанс глубиной и объёмом полученной информации, а также стилем изложения, за которыми угадывается высокий интеллектуальный и общекультурный багаж, складывающийся из совокупных знаний из книг и окружающей действительности. Её профессиональный путь складывался последовательно: от начальных ступеней детской музыкальной школы №1 до окончания прославленной Российской Академии музыки им. Гнесиных в Москве и защиты кандидатской диссертации на кафедре искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Всем этим Надежда Циденовна обязана семье, которая обладала возможностями для воспитания детей. Циден Цибудеевич Цибудеев долгие годы редактировал газету «Буряад Үнэн», откуда черпал разностороннюю информацию о том, что происходит в глобальном мире. Мама Цыцък Григорьевна Шанюшкина – инструктор Бурятского Обкома КПСС – обладала врождённой грамотностью и занималась

ведением протокольной документации с составлением докладов для высшего руководства БурАССР. На заре становления музыкально-театрального искусства в 30-е годы его основоположник Г. Ц. Цыдынжапов привёз её из Курумкана, выискивая таланты для участия в I-ой декаде. Но, решив, что петь и плясать – занятие несерьёзное, она свернула с этого «шаткого» пути.

С детства Надежда проявляла редкие музыкальные способности – абсолютный слух, улавливающий любую фальшь, как в звучании музыки, так и вне её. Объяснение этому находится в исследованиях современных психологов, исследовавших свойства головного мозга музыканта, который обладает расширенными нейронными связями благодаря возможности его стимулирования средствами музыкального искусства.

Итак, на сегодня в активе Н. Ц. Цибудеевой более 130 популярных и научно-популярных статей. Ряд творческих портретов в журналах «Байкал» и «Вершины»: «Мы Родине славу поём» (о Сергее Манжигееве) [9, с. 111-114], «Песня рождается в сердце» (о Базыре Цырендашиеве) [14, с. 111-114], «Со временем в унисон» (об Анатолии Андрееве) [15, с. 137-139], «Композитор – лицо духовное?» (о Юрии Ирдынееве) [7, с. 80-86] стал пропуском музыковеду для вступления в члены Союза композиторов РБ и РФ.

Монография «Бурятская вокальная школа, как феномен национальной музыкальной культуры, её истоки. Факторы становления» 2016 г. на основе диссертационного исследования отразила историю возникновения и развития в РБ оперного театра, деятельность разных поколений ведущих певцов [2]. С научным руководителем – доктором искусствоведения и профессором ВСГИКа Валентиной Цыреновой Найдаковой – они прежде работали над выпуском сборника мемуаров «Г.Ц. Цыдынжапов. Материалы и воспоминания» с живыми и правдивыми свидетельствами ветеранов сцены в пору их совместной постановочной деятельности [3].

В 2003 г. серия творческих портретов педагогов городских музыкальных школ вышла брошюрой «Тропинка первая моя». В ней говорится о тех, кто закладывал в республике основы музыкального образования в 20-е годы XX в. в лице выпускницы Ленинградской консерватории В. Д. Обыденной и её продолжателей-учеников: В. С. Соколовой, А. З. Фёдоровой-Баклановой и других преподавателей ДМШ №1 [16].

В 70-80-е годы прошлого века авторский тандем Л.С. Башкуева – Н.Ц. Цибудеева отслеживал тонус музыкальной жизни города и регулярно откликнулся в печати на оперные фестивали и премьеры, филармонические концерты и конкурсы. В 2005 г. их многолетняя театрально-критическая деятельность нашла своё отражение на страницах монографии «О профессиональной музыкальной культуре Бурятии 80-90-х годов XX века. Критика. Проблемы. Анализ» [12].

Критическая позиция и острое перо не всегда вызывали однозначную реакцию со стороны коллег-музыкантов. В этих случаях защиту от их нападков брали на себя композиторы, которые, будучи старшими братьями, давали профессиональные поручения, помогали вступлению в ряды членов творческого Союза.

Обеспеченность за сохранность национального песенного наследия привела Н. Ц. Цибудееву к составлению и изданию в 2011 г. антологии «Зандан эрхи» («Сандаловые чётки») из 108 народных и эстрадных образцов, которые пользуются популярностью как в профессиональной среде, так и у широкого слушателя» [5]. Антология стала данью благодарной памяти родителей – стойких носителей родного языка и фольклорного наследия предков.

Появление ряда статей о творчестве Б.М. Балдакова и развёрнутой биографии в сборнике «Арии, романсы и песни из репертуара Б.М. Балдакова» объяснимы многолетней дружбой между семьями Шанюшкиных и Балдаковых, прошедших вместе почти трёхвековой путь, начиная с 1740-х годов, когда баргузинские буряты

переселились с верховьев Лены в Саганскую степь на берегу оз. Байкал. В 1861 г. после разрушительного землетрясения они непроходимыми таёжными тропами двинулись далеко на север, пока не достигли твёрдой каменной почвы, обосновав селение Курумкан (по эвенкийски «каменные россыпи»). А уже в XX веке народный артист РСФСР Бадма Балдаков написал в 1957 году свой бессмертный романс «Уянхан гараараа хүзүүдэлдээд» («Инагни шамдаа») и посвятил его народной артистке РСФСР Чимите Шанюшкиной [1].

Двухгодичное пребывание на преподавательской работе в КНР с наблюдениями современной экономико-культурной жизни страны Н.Ц. Цибудеева обобщила в статье «Мозаика китайской жизни» в журнале «Вершины» [8, с. 166-195]. Так же, как и впечатления от деловых и творческих встреч в поездках: «О бурятско-монгольском культурном сотрудничестве» (на научно-практической конференции в Улан-Баторе) [10, с. 99-105], «Огней так много золотых» (о фестивале Л. Собинова в Саратове) [11, с. 16], «Дом дружбы, музыки, мастерства» (к 50-летию Уральской консерватории в Свердловске) [4, с. 138].

Сегодня Надежда Циденевна преподаёт в Восточно-Сибирском государственном институте культуры и ведёт комплекс музыкально-теоретических дисциплин у вокалистов, исполнителей на народных инструментах – русских и бурятских. В 2015 году она издала два учебно-методических пособия: «История оперного искусства» [6] и «Оперное искусство Бурятии» [13] для вокальной кафедры и работает над монографией о прошлом музыкальной культуры РБ.

А наш дружный Союз композиторов в лице всех его членов желает ей крепкого здоровья для осуществления всех задуманных планов на благо музыкального искусства и науки РБ.

Примечания

1. Арии, романсы и песни из репертуара Б. М. Балдакова. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2008. 163 с.

2. Цибудеева Н. Ц. Бурятская вокальная школа, её истоки, факторы становления. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2016. 172 с.

3. Г. Ц. Цыдынжапов. Материалы и воспоминания. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 128 с.

4. Цибудеева Н. Ц. Дом дружбы, музыки, мастерства (к 50-летию Уральской консерватории) // Советская музыка. 1985. № 1. С. 138.

5. Цибудеева Н. Ц. Зандан эрхи (Антология бурятской песни). Улан-Удэ : Буряад Үнэн. 246 с.

6. История оперного искусства / сост. Н. Ц. Цибудеева. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2015. 52 с.

7. Цибудеева Н. Ц. Композитор – лицо духовное? // Вершины №1-2, 2004. № 1-2. С. 80-86.

8. Цибудеева Н. Ц. Мозаика китайской жизни. Вершины. 2011. № 2. С. 166 - 195.

9. Цибудеева Н. Ц. Мы Родине славу поем. Байкал. 1983. № 6. С. 111-114.

10. Цибудеева Н. Ц. О бурятско-монгольском сотрудничестве в области музыкального искусства // Россия в Монголии: история и современность : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 8-9 апр. 2008. Улан-Батор, 2008. С. 99-105.

11. Цибудеева Н. Ц. Огней так много золотых // Городская газета. 2002. № 12. С. 16.

12. Цибудеева Н. Ц., Башкуева Л. С. О профессиональной музыкальной культуре Бурятии 80-90-х годов XX века. Критика. Проблемы. Анализ. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2005. 87 с.

13. Цибудеева Н. Ц. Оперное искусство Бурятии. Улан-Удэ : Изд.-полигр.

комплекс ВСГИК, 2015. 52 с.

14. Цибудеева Н. Ц. Песня рождается в сердце // Байкал. 1984. № 6. С. 132-134.

15. Цибудеева Н. Ц. Со временем в унисон // Байкал. 1990. № 6. С.137-139.

16. Цибудеева Н. Ц. Тропинка первая моя (творческие портреты преподавателей ДМШ РБ. Улан-Удэ : Улзы, 2003. 44 с.

References

1. Arii, romansy i pesni is repertuara B.M. Baldakova [Arias, romances and songs from the repertoire of B.M. Baldakov]. Ulan-Ude, 2008. 163 p. [In Russ.].

2. Tsybudeeva N. Ts. Buryatskaja vokal'naja shkola, je istoki, factory stanovlenija [Buryat vocal school, its history, factors of formation]. Ulan-Ude, 2015. 172 p. [In Russ.].

3. Tsydynzhapov G. Ts. Materialy i vospominanija [Materials and memories]. Ulan-Ude, 1990. 128 p. [In Russ.].

4. Tsybudeeva N. Ts. Dom dryzhby, muzyki, masterstva (k 50-letiju Jural'skoj konservatorii [House of friendship, music, craftsmanship (to the 50th anniversary of the Ural Conservatory) // Sovetskaja muzika [Soviet music]. No. 1, 1985. - P. 138 [In Russ.].

5. Tsybudeeva N. Ts. Zandan Erkhi (Antologija burjatskoj pesni) [Zandan Erkhi (Anthology of the Buryat song). Ulan-Ude. 246 p. [In Russ.].

6. Istorija opernogo iskusstva [History of the opera art] / comp. by N.Ts. Tsybudeeva. Ulan-Ude, 2015. 52 p. [In Russ.].

7. Tsybudeeva N. Ts. Kompozitor – lico dukhovnoje [Is a composer a spiritual person?] // Bershiny [Vershiny]. No. 1-2. 2004. Pp. 80-86 [In Russ.].

8. Tsybudeeva N. Ts. Mozaika kitajskoj zhizni [Mosaic of the Chinese life] // Bershiny [Vershiny]. № 2, 2011. Pp. 166-195 [In Russ.].

9. Tsybudeeva N. Ts. My Rodine slavu pojem [We sing glory to the Motherland] // Bajkal [Baikal]. No. 6, 1983. Pp. 111-114 [In Russ.].

10. Tsybudeeva N. Ts. O burjatsko-mongol'skom sotrudnichestve v oblasti muzykal'nogo iskusstva [On the Buryat-Mongolian cooperation in the field of musical art] // Rossiya v Mongolii: istorija i sovremennost' : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 8-9 apr. 2008 [Materials of the international scientific-practical conference, 8-9 April 2008]. Ulaanbaatar, 2008. Pp. 99-105 [In Russ.].

11. Tsybudeeva N. Ts. Ognj tak mnogo zolotykh [There are so many golden lights] // Gorodskaja gazeta [City newspaper]. No. 12 (23) 06.12.2002. P. 16. [In Russ.].

12. Tsybudeeva N. Ts., Bashkueva L. S. O professional'noj muzikal'noj kul'ture Burjatii 80-90-gg XX veka. Kritika. Problemy. Analiz [About the professional musical culture of Buryatia in the 80-90s of the XXth century. Criticism. Problems. Analysis]. Ulan-Ude, 2005. 80 p. [In Russ.].

13. Tsybudeeva N. Ts. Opernoje iskusstvo Burjatii [Opera art of Buryatia]. Ulan-Ude, 2015. 52 p. [In Russ.].

14. Tsybudeeva N. Ts. Pesnja rozhdaetsja v serdce [Song is born in the heart] // Bajkal [Baikal]. No. 6, 1984. Pp. 132-134 [In Russ.].

15. Tsybudeeva N. Ts. So vremen v unison [In time, in unison] // Bajkal [Baikal]. No. 6, 1990. Pp. 137-139 [In Russ.].

16. Tsybudeeva N. Ts. Tropinka pervaja moja (tvorcheskije portrety prepodavatelej DMSH RB [My first path (creative portraits of the teachers of the Children's Music School of the Republic of Belarus]. Ulan-Ude, 2003. 44 p [In Russ.].

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

DOI 10.31443/2541-8874-2019-4-12-144-147

УДК 37.016:821.161.1(571.54)

Нимаева И. Б.

Nimaeva I. B.

АНАЛИЗ НРАВСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ФАКТОР УГЛУБЛЕНИЯ ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ

ANALYSIS OF THE MORAL CONCEPTS IN LITERATURE AS A FACTOR OF DEEPENING THE LEARNERS' SPIRITUAL POTENTIAL

Данная статья посвящена проблеме изучения нравственных концептов в русской и национальной литературе на примере бурятской школы.

The article is devoted to the problem of studying the moral concepts in the Russian and national literature taking the Buryat school as an example.

Ключевые слова: повесть, концепт, духовный потенциал, русская литература, национальная литература.

Keywords: story, concept, spiritual potential, the Russian literature, national literature.

В целях углубления духовного потенциала учащихся необходимо актуализировать проблему изучения нравственных концептов в русской и национальной литературе. Такой подход необходим для целенаправленного воспитания духовно развитых, самостоятельных, ответственных личностей, ориентированных на общечеловеческие ценности. Так, в 9 классе опорной бурятской школы были рекомендованы для изучения такие произведения, как «В прекрасном и яростном мире» Андрея Платонова, «Ранние журавли» Чингиза Айтматова, «Шамсура и Шамсутдин» Анатолия Генатулина. В этих замечательных произведениях, выдержанных во времени, явственно проглядываются элементы, связанные с рассмотрением таких, к примеру, нравственных концептов, как добро и зло, человеколюбие и равнодушие, жестокость и жалость, трудолюбие и лень, честность и бесчестие и др. В частности, в повести Чингиза Айтматова «Ранние журавли» [1] рассказывается о подростках, взявших на себя тяготы военного тыла вместо своих отцов, ушедших на фронт. Предметом для обсуждения становятся проблемы долга, ответственности, совестливости, самоотверженности, самопожертвования, дружбы.

Вопросы для обсуждения данной повести предполагают развитие умений учащихся самостоятельно рассуждать, высказывать собственное мнение при оценке поступков героев. Так, например, они говорили, что герои повести – Султанмурат и его друзья – испытывают чувство ответственности за своих родных и близких, а также за все дела в колхозе. Автор много места уделяет описанию их труда в колхозе, как они готовят колхозных лошадей к весенней пахоте, ухаживают за ними, чтоб лошади набрались сил. А потом уже весной, живя отдельно от взрослых, Султанмурат и его друзья пахут землю на лошадях в далекой местности Аксай, которая находилась у подножья Великого Манасового хребта. Подростки работали без усталости, погоняя своих лошадей, как настоящие плугари. Также девятиклассники отметили то, что эти подростки, живя в суровых условиях военного тыла, ничуть не ожесточились душевно, они способны радоваться наступлению весны, любоваться проле-

тающими караванами журавлей в небе, сочувствуют своему другу Анагаю, получившему известие о смерти своего отца на войне. В конце рассуждения прозвучала мысль о том, что в жизни необходимо быть самостоятельной, ответственной, целеустремленной личностью, способной преодолевать любые трудности.

И как продолжение этой работы можно предложить для чтения и изучения великолепное произведение Андрея Платонова «В прекрасном и яростном мире» [3]. Вопросы предполагают личностный подход к оценке героев произведения, их поступков, событий со стороны девятиклассников:

1. Ваше мнение о главных героях данного произведения?

2. Как вы оцениваете поступок в защиту машиниста Мальцева, совершенный героем-рассказчиком? Правильно ли он поступил, ваши аргументы?

3. Какие проблемы нравственного характера вы могли бы выделить? (к примеру, проблемы долга и ответственности и другие).

Герой повести Андрея Платонова машинист Мальцев был настоящим мастером своего дела. Поезд он водил вдохновенно, погружался полностью в свое дело, совершенно забывая обо всем на свете. Однажды с ним произошел странный случай, который оставил след в жизни Мальцева. Когда он вёл поезд, опаздывающий по вине другого машиниста на четыре часа, пошли сильные ливневые дожди. Вдруг рядом ударила молния. А машинист, увлеченный вождением, даже не заметил, что на мгновение ослеп. Он по-прежнему вёл состав, ему казалось, что видит всё вокруг, но оказывается, что всё это было в его воображении. Машинист Мальцев настолько хорошо знал свое дело, что мог даже с закрытыми глазами вести поезд. Но так долго продолжаться не могло. Поезд остановился, чудом не столкнувшись со стоящим впереди паровозом.

Позже машиниста Мальцева обвинили в том, что он повредил поезд, превысив скорость, и едва не допустил аварию. Внезапное ослепление глаз, происшедшее в поезде, оказалось кратковременным, и оно тут же прошло. Поэтому ему никто и не поверил, и его посадили в тюрьму. И только помощник машиниста Мальцева не мог смириться с совершившейся на его глазах несправедливостью. Он добился вторичного следствия, настояв на эксперименте с использованием искусственной молнии, после чего Мальцев ослеп уже надолго. Но зато его невиновность была уже доказана, и он был тут же освобожден из тюрьмы. Девятиклассники понимали, что это доказательство невиновности Мальцева обошлось слишком дорого, но зато было бы вдвойне тяжелее жить с чувством несправедливо осужденного.

Помощник машиниста Мальцева, от имени которого ведется повествование, долго размышлял над тем, почему судьба именно «избранных и возвышенных» людей, к каким он относит Мальцева, оборачивается трагедией. Для него страшной догадкой было то, что существуют какие-то грозные, незримые силы, которые сокращают жизнь именно таких талантливых людей, как машинист Мальцев. Он почувствовал ответственность за то, что случилось с Мальцевым, поэтому решил встать на его защиту.

Как мы видим, цена ответственности может быть очень большой. Автор говорит о том, что надо иметь мужество взять на себя ответственность за чью-то судьбу, так как это тяжелая ноша. Это удел сильных людей, у кого совесть не дремлет, кто сильно любит людей, кто внутренне свободен, кто мужественен. Это с одной стороны, а с другой, - надо полагать, что по-настоящему талантливые люди, видимо, нуждаются в чьей-то защите, покровительстве, для того чтобы могли противостоять враждебным обстоятельствам внешнего мира. Всё это говорит о том, что проблемы, поднятые в произведении Андрея Платонова, способствуют обогащению жизненного опыта школьников, росту их нравственно-духовного потенциала.

Далее, продолжением рассуждения о нравственных концептах является и рассказ башкирского прозаика Анатолия Генатулина «Шамсура и Шамсутдин» [2]. Главным героем произведения Анатолия Генатулина является ослепший на войне солдат по имени Шамсутдин, вернувшийся с фронта. В рассказе показана его нелегкая жизнь после возвращения с войны. Автор затрагивает проблемы добра и зла, жестокости и милосердия, любви и равнодушия через своих героев. Первая жена Шамсутдина Фарида отказалась даже увидеться с ним, не то, чтобы жить вместе, как узнала, что муж вернулся с фронта ослепшим. А у них было трое детей. Девушка Шамсура, которая сопровождала Шамсутдина до дома после выписки из госпиталя, так и осталась с ним, потому что тот оказался совершенно беспомощным в своем одиночестве. Шамсура стала любимой женой Шамсутдина. Она несла на себе груз семейных, домашних забот и еще работала в колхозе. При этом ни разу не упрекнула мужа в том, что она всё делала одна, не жаловалась, что ей тяжело. Она смогла создать дружную семью, где хорошо было не только им двоим, но и родным детям Шамсутдина. Дочь Халия и сын Рифат перешли жить с родным отцом. Шамсура стала для них доброй матерью.

Выросли дети. Дочь Халия вышла замуж, а сын Рифат остался дома. Но случилось в семье несчастье: умерла его жена Шамсура от ранней старости, от вечных забот, отнявших у нее здоровье. В доме остались двое несчастных людей – незрячий мужчина и его слабоватый умом сын. Стало невозможно жить без женских рук. И пришла в их дом Бибикамал, женщина злая, крикливая, сразу же невзлюбившая своего пасынка. В этой женщине особенно возмущает ее злобное отношение к этим несчастным людям. Она не смогла оценить доброту Шамсутдина, его мягкость, готовность помогать жене по хозяйству. Несмотря на свою слепоту, Шамсутдин уже мог косить сено, колоть дрова. Такие разные по характеру люди, конечно, не могли долго жить вместе.

В данном произведении через образы Шамсуры и Шамсутдина показано, насколько важно быть в жизни человеческими, ответственными, способными к сопереживанию, состраданию. Показывая образы Фариды, Бибикамал, автор осуждает в людях такие отрицательные черты, как равнодушие к чужой беде, безответственность, жестокость. Девятиклассники отметили, что рассказ писателя Анатолия Генатулина заставляет размышлять о том, что и в жизни есть много одиноких людей, страдающих, мучающихся, которым некому помочь, и по отношению к ним нужно проявлять доброту и сострадание, быть внимательнее, помогать и поддерживать их.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что показ нравственных концептов в русской и национальной литературе в свете диалога культур обогащает духовный потенциал учащихся, способствует становлению нравственно зрелых личностей, ориентированных на общечеловеческие ценности.

Примечания

1. Айтматов Ч. Ранние журавли : повести. М. : Совет. писатель, 1987.
2. Генатулин А. Шамсура и Шамсутдин // Вот кончится война... : повести. М. : Терра, 2005.
3. Платонов А. В прекрасном и яростном мире : повести, рассказы / сост. и авт. послесловия В. М. Акимов. Л. : Лениздат, 1979.

References

1. Aitmatov Ch. Rannije zhuravli : povesti[Early cranes : stories]. M., 1987 [In Russ.].

2. Genatulin A. Shamsur i Shamsutdin [Shamsur and Shamsutdin] // *Vot konchitsja vojna* [The war that will be over ... : stories]. M., 2005 [In Russ.].

3. Platonov A. V. *V prekrasnom i jarostnom mire : povesti, rasskazy* [In the beautiful and furious world : stories] / compiler and the afterword author V.M. Akimov. L., 1979 [In Russ.].

*Степанова С. Г.**Stepanova S. G.***ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН:
ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА****ART EDUCATION AT THE THRESHOLD OF CHANGES:
CHALLENGES OF THE XXIst CENTURY**

Центральной тематикой содержания статьи является актуализация сохранения и перспективы развития системы художественного образования, известной как одной из ведущих в мировой практике. Появление новых ценностей в образовании, современные требования на рынке труда ставят принципиально иные задачи перед высшими учебными заведениями. Особое внимание в данное время уделяется формированию модели выпускника, который как будущий специалист должен обладать компетенциями, необходимыми для успешной реализации в профессиональной области, способный грамотно и творчески действовать в нестандартных ситуациях, а также, в условиях стремительно меняющихся запросов общества.

The central theme of the article is actualization of preserving and prospects developing of the art education system known as one of the leading in the world practice. The new values in education, modern requirements at the labor market set essentially different tasks before higher educational institutions. Special attention at present is paid to the model formation of a graduate who, as a future expert, should possess competences necessary for successful self-actualization in the professional area and be capable of acting competently and creatively in non-standard situations and also in the conditions of promptly changing society demands.

Ключевые слова: художественное образование, компетенции, модель.

Keywords: art education, competences, model.

В связи с происходящими изменениями в социально-экономической жизни в стране и в мире, возникает множество вопросов и противоречий. Образование сталкивается с необходимостью решения новых задач. Происходит смена культурологической и образовательной парадигмы: предлагается иное содержание, подходы, культурные стереотипы, углубляется изучение региональной ментальности. Остро стоит проблема осмысления концептуальной направленности образования, путей повышения качества его содержания и сохранения преемственности. Пересматриваются позиции и роли образовательных учреждений в формировании мировоззрения россиянина. Возникшие факторы диктуют принципиально иные задачи перед учебными заведениями, в том числе, перед вузами культуры и искусства. В данное время на рынке труда востребован не только знающий и делающий грамотно свою работу, сколько творчески мыслящий профессионал. Данный фактор требует формирования особых качеств, что, по мнению специалистов, «связано с социально-личностными компетенциями, необходимым уровнем развития интеллекта, степенью усвоения культурных и этических норм, эмоционально-волевыми, мотивационными и другими важными личностными особенностями. В связи с этим, существенно актуализируется роль и сущность гуманитаризации образования» [4].

Впрочем, предъявляемые ныне требования не являются открытием в истории образования и философии культуры. Обращаясь к классическим традициям прошлого, в определенной степени сохраняется преемственность в способах реше-

ния проблем нынешнего образования со способами, провозглашаемых философами в разные эпохи. Так, подобные идеи прослеживаются в XIX веке у Фридриха Вильгельма Ницше, в сочинениях которого «проблема образовательных учреждений определяется тем, как формируется природа человека в век модерна и на основании какого идеального замысла»... и с точки зрения Ф. Ницше «неотделима от внешней, а затем, от внутренней организации природы человека» [2].

Ближе к нашему времени, в трудах М. С. Кагана утверждается, что «культура – это непрерывный процесс обращения человеческих качеств в бытие материальных, духовных, художественных ценностей, начинающих существовать самостоятельно» и каждое поколение «усваивает или перерабатывает прошлую культуру, развивая тем самым свою культуру» [6].

Т. В. Наумова, погружаясь в историю философской мысли, упоминает о том, что «человеку давали разные определения: *Homo sapiens* (человек разумный), *Homo faber* (человек создающий), *Homo ludens* (человек играющий)» и т. п. Однако М. С. Каган предлагает другое определение – «*Homo agens* (человек действующий), в котором соединяются все процессы, связанные с жизнью человека» [6]. Эволюция человеческого сознания продолжает свой путь развития.

По мнению ученых, «человечество, достигнув состояния *homo sapiens*, завершило один из сценариев развития Земли и Человечества. Начинается другой, когда предстоит сформировать человека духовного – *homo spiritualis*. О таком типе человека мечтали все великие философы с древнейших времен, отмечая при этом огромную сложность в ее реализации в связи с постоянной борьбой человека между духовным и материальным. Поэтому предстоит кардинально изменить образование, которое создаст свободные возможности для этого перехода» [3].

Сегодня, уже в эпоху цифровизации, влиянию искусства на духовное развитие человека отведено не менее важное место. При этом, важно учитывать, что «еще вчера, в индустриальную эпоху, ключевыми навыками, определявшими грамотность, были чтение, письмо и арифметика. Навыки XXI века включают умение критически мыслить, творческий подход к делу, способность к взаимодействию»... Но мир стремительно меняется. Поэтому, сегодня, важно искать новые подходы к методике обучения и его содержанию. И об этом думают ученые и специалисты в самых различных областях теории и практики. В данном контексте Р.И. Пшеничникова в своей статье приводит следующий пример: «На экономическом форуме в Давосе, касаясь вопросов роботизации, китайский миллиардер Джек Ма, выразил свою позицию по поводу того, чему надо учить детей. По его мнению, надо учить их чему-то уникальному, в чем роботы не смогут превзойти нас. То есть надо учить детей музыке, рисованию, танцам и другим искусствам, развивать эмоциональный интеллект. Ведь творчество – это и есть свободные возможности нового свободного образования и развития человека» [3].

Вступая в дискуссию о художественных ценностях, традициях, инновациях и современных воззрениях на роль искусства, гуманитарного и художественного образования в формировании личности, можно рассуждать достаточно продолжительное время. В итоге, мы лишь подтверждаем мнение о том, что сегодня в мировой практике накоплен огромный опыт и предоставлены почти безграничные возможности для определения тех или иных подходов к содержанию образования, способов их реализации и т.п. В этом есть, как большие плюсы, так и сложности, обусловленные переходным периодом.

Обращаясь к нормативным документам по вопросам разработки содержания отечественного образования на современном этапе (например, в актуализированных ФГОС ВО 3++), можно убедиться в предоставленных альтернативных возможностях разработки компетенций, еще более гибких, чем в предшествующих до-

кументах. Например, во ФГОС ВО 3++ указывается на то, что «организация включает определенные самостоятельно одну или несколько профессиональных компетенций, исходя из направленности (профиля) программ бакалавриата, на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников (при наличии), а так же, при необходимости, на основе анализа иных требований, предъявляемым к выпускникам...» [5, п. 3.5].

Таким образом, можно сказать, что в вузах культуры накоплен значительный культурный потенциал и в достаточной мере предоставлены широкие возможности для решения образовательных задач. Вместе с тем, в условиях обостряющейся конкуренции на рынке образовательных услуг, с появлением новых вызовов (внешних и внутренних), возникает ряд проблем, решение которых требуется для динамичного и поступательного развития высших учебных заведений. Всех волнует: что ожидает нас в будущем на фоне законодательных изменений, содержательных, материальных проблем? Ко всему вышесказанному, одной из наиболее острых, является проблема нарастающего дефицита кадров. Ведущие деятели в области образования и профессионального искусства констатируют, что «сегодня, ситуация в регионах такова, что региональные учебные заведения практически не подкрепляются, как это было раньше кадрами из центра. Сами же провинциальные вузы в целях самосохранения вынуждены значительно снижать конкурсные требования к поступающим. Что, несомненно, сказывается на профессиональном уровне будущих специалистов, а значит и на уровне культуры регионов. Но, несмотря на все возникшие «риски», художественно-образовательная среда всеми силами сопротивляется наплывающим социально-экономическим угрозам» [1].

Подготовка профессиональных кадров на творческих специализациях в региональных вузах культуры осложняется растущей «борьбой за абитурантов» с центральными профильными вузами. Невозможно запретить абитуриентам учиться в лучших вузах страны, покидая свой регион, или принудительно заставлять их работать по системе государственного распределения (как это было в советское время). Ныне это предусмотрено только лишь на договорной основе. Но и этот способ не перекрывает существующую проблему. И в ее решении видится поиск и внедрение универсальной модели выпускника, создание условий для привлекательного имиджа и конкурентоспособной образовательной среды, сочетающей самобытность локальных вузовских и существующих отечественных традиций, сопряженных с региональной ментальностью. Как любая модель индивидуальна, так и модель выпускника творческих специализаций в вузе культуры имеет свои особенности. Подробное ее рассмотрение является отдельной темой для научной статьи. Но ключ, все же, можно указать. На наш взгляд, он находится в углублении гуманитарной и общепрофессиональной подготовки, что обусловлено в некотором роде социальным заказом и определением профессиональной области работника культуры и деятелей искусств. В данном формате, кратко характеризуя ее особенности, следует отметить, что наряду с творческо-исполнительской подготовкой, при составлении образовательной программы, должны быть раскрыты компетенции, позволяющие выйти молодому специалисту на рынок труда конкурентоспособным «специалистом-многостаночником».

Сегодня, в условиях постоянно меняющейся экономики, пересматриваются требования к социальному статусу и функциям работника в сфере культуры и искусства. От него требуется мобильность в применении знаний и различных навыков, как в творческой деятельности, так и в прикладных областях. Растет спрос к применению такой области знаний, как арт-педагогика. В связи с востребованностью и все более растущей потребностью на рынке труда осуществлять организационно-управленческую, менеджерскую деятельность, как один из видов профессиональ-

ной деятельности возникает интерес к арт-менеджменту. Это должны быть кадры, подготовленные по необходимости к оказанию и проведению качественной социально-педагогической работы; специалисты, владеющие технологией проведения досуговой деятельности; готовые к практике инклюзивного образования; обладающие способностью, если потребуется, быть психологом, педагогом, менеджером и широким знатоком своего дела.

В заключение статьи, можно сделать вывод о том, что сегодня каждый творческий вуз осознает необходимость повышения качества образовательной, творческой, научно-исследовательской, просветительской деятельности в вузе, создания атмосферы творчества и саморазвития, активного взаимодействия с окружающим культурным сообществом. Большое внимание при этом уделяется формированию модели будущего специалиста, обладающего всесторонними личностно-ориентированными качествами и компетенциями, необходимыми для успешной реализации в профессиональной области, а также отвечающим современным запросам общества и рынка труда.

Примечания

1. Бородин Б. Б. Отечественные традиции воспитания профессионального инструменталиста // Музыкальное образование. Проблемы и вызовы XXI века. М., 2016. С. 94 – 95.

2. Выжлецов П. Г. Ф. Ницше о природе человека и проблеме образования (на материале ранних сочинений) // Креативность в пространстве традиции и инновации : III Рос. культуролог. конгресс с междунар. участием : тез. докл. и сообщ. СПб. : ЭЙДОС, 2010. С. 25.

3. Пшеничникова Р. И. Познать самого себя // Байкал. 2019. № 2 (65). С. 22 – 27.

4. Танхасаева С. С. О педагогической подготовке студентов вуза культуры // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 2. С. 138 – 139.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 3++, уровень бакалавриат по направлению подготовки 53.03.02. Музыкально-инструментальное искусство : приказ М-ва образования и науки Рос. Федерации от 1 авг. 2017 г. // ГАРАНТ. РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71650742> дата обращения: 02.12.2019).

6. Наумова Т. В. М. С. Каган: системный подход как основа в исследовании человеческой деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 32. С. 124. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/m-s-kagan-sistemnyy-podhod-kak-osnova-v-issledovanii-chelovecheskoy-deyatelnosti#ixzz4fQuE4sYP> (дата обращения: 02.12.2019).

References

1. Borodin B.B. Otechestvennyje tradicii vospitaniya professional'nogo instrumentalista [National traditions in educating professional instrumentalist] // Muzykal'noje obrazovaniye. Problemy i vyzovy XXI veka [Musical education. Problems and challenges of the XXst century]. М., 2016. Pp.94-95 [In Russ.].

2. Vyzhletsov P.G. F. Nicshe o prirode cheloveka i probleme obrazovaniya (Na materiale rannikh sochinenij) [Nietzsche about the nature of a man and problem of education (on the material of the early works)] // Materialy Tretjego Rossijskogo kulturologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem "Kreativnost' v prostranstve tradicii i innovacii" : Tezisy dokladov i soobshenij [Materials of the 3rd

culturological congress with the international participation "Creativity in the space of tradition and innovation"]. St.-P., 2010. P.25 [In Russ.].

3. Pshenichnikova R.I. Poznat' samogo sebja [To know oneself] // Bajkal [Baikal]. № 2 (65), 2019. № 2 (65). Pp.22-27 [In Russ.].

4. Tankhasaeva S.S. O pedagogicheskoj podgotovke studentov vuza kultyry [About pedagogical training of the students of the higher educational institution of culture] // Vestnik VSGIK [Bulletin of ESSIC]. Ulan-Ude. 2019. № 2(6). Pp.138-139 [In Russ.].

5. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatelnyj standart vysshego obrazovanija 3++, uroven' bakalavriata po napravleniju podgotovki 53.03.02. Muzykal'no-instrumental'noje iskusstvo: prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 1 Avg. 2017 g. [Federal state educational standard of higher education 3++, the bachelor's level in specialty 53.03.02 Musical instrumental art : decree of the Ministry of education of the RF] // ГАРАНТ. РУ [GARANT. RU]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71650742/> (02.12.2019) [In Russ.].

6. Naumova T.V. M.S. Kagan: Sistemnyj podkhod kak osnova v issledovanii chelovecheskoj dejatelnosti [The system approach as the basis for studying human activity] // Bulletin of Chelyabinsk state university]. 2008. № 32. P.124. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/m-s-kagan-sistemnyy-podhod-kak-osnova-v-issledovanii-chelovecheskoj-deyatelnosti#> (02.12.2019) [In Russ.].

Езова С. А.

Ezova S. A.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

THE USE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TRAINING LIBRARIANS

В статье обобщается авторский опыт применения ряда педагогических технологий в изучении учебной дисциплины «Этика библиотечного общения» с целью формирования у будущих специалистов этико-коммуникативной компетенции.

The article generalizes the author's experience in applying some pedagogical technologies in studying the discipline "Ethics of library communication" with the aim of forming future specialists' ethical communicative competence.

Ключевые слова: интеллект-карта, пазл-технология, этико-коммуникативная компетенция, радикантное мышление, визуализация.

Keywords: intellect-card, puzzle-technology, ethical communicative competence, radiant thinking, visualization.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» (уровень бакалавриата) сделан акцент на этико-коммуникативную подготовку специалистов, этико-коммуникативную компетенцию, под которой понимаем «готовность и способность специалиста применять знания в сфере профессиональной этики (кодексы и правила поведения (этикета), умения, личностные качества для успешной организации библиотечного общения в профессиональной деятельности в конкретной ситуации» [4].

Знакомство в печати с новой технологией, трактуемой как пазл-технология, побудило к ее апробации в данном курсе.

Пазлы определяют как педагогическую технологию, которая воздействует на ценностную, мотивационную, деятельностьную, волевую, познавательную сферы личности студента. Она получила название «Пазл-технология» [6].

«Пазлы» относят к игровой и образовательной технологии, цель которой сформировать у обучаемого внимание, сосредоточенность, умение собирать и анализировать информацию [7]. Пазл-технология считают универсальной, доступной и привлекательной в процессе внедрения. Пазл в переводе с английского означает «недоумение, замешательство, загадка» и т.д. Он является главным элементом метода. Благодаря пазлам можно активизировать воображение, визуализацию, творческий потенциал обучаемых.

В статье А.И. Потаповой «Методические особенности реализации метода» рассмотрены основные принципы применения метода: 1) «от большего к меньшему», 2) принцип «единства и непротиворечивости». Автором выделены этапы работы с пазлом: 1) выбор темы, цели; 2) определение правил взаимодействия обучаемых в процессе составления пазла и требования, которые следует учитывать. На первом этапе ставятся цель и задачи реализации выбранной темы, определяются элементы технологии и порядок их выстраивания, далее следует представление, презентация пазла [7].

Эти требования легли в основу применения метода среди студентов второго курса. Работа с пазлами внесла интерес у студентов по их составлению, она потребовала теоретической проработки материала, его структуризацию (среди ряда студентов наблюдается стремление к пересказу изучаемого материала, отсутствие умения выстраивать связи и зависимости его компонентов), кроме того, благодаря визуализации у обучаемых развивается способность к упорядочиванию элементов пазла.

Для студентов важно выстроить логику в усвоении терминосистемы курса. С этой целью были предложены два пазла: «Этика библиотечного общения» (Приложение №1), «Теоретические ракурсы библиотечного общения» (Приложение №2).

В пазле №2 (приложение раскрывает часть его составляющих элементов) раскрыты не только типы поведения, представленные через виды трансакций, но и вторая составляющая библиотечного общения: отношения, его виды: диалогические, нормативные, императивные, манипулятивные, а также механизмы психологического воздействия в общении.

Проблемный вопрос: какие еще пазлы можно разработать по проблематике курса, порождает различные предположения у студентов, которые подвергаются анализу, критике, доказательствам, т.е. активизируют восприятие прочитанного курса.

В заключение изучения курса была сделана попытка составить пазл: «Пути изучения и развития этикокоммуникативной компетенции студентов».

Игра пробудила у обучаемых Эго-состояние Ребенка, его эмоциональную сферу, творческий потенциал, интуицию, интерес к изучаемой проблеме.

На завершающем этапе изучения дисциплины «Этика библиотечного общения» были использованы интеллект-карты, «карты ума» (mind maps) психолога из Британии – Тони Бьюзена, разработанные им с целью развития творчества, запоминания и мышления личности [1].

Цели их применения: развить: 1) радиальное (радиантное), ассоциативное мышление; 2) способности структурировать материал; 3) задействовать оба полушария студента (благодаря визуализации) и т.д. [5].

Студентам была предложена следующая методика работы: в центре листа бумаги, расположенном по горизонтали, размещаем центральный образ: «Я – коммуникатор», от него в разные стороны рисуем ветви, раскрывающие роли, в которых студент реализует себя как коммуникатор, они записываются на верху ветви. От ветвей идут веточки, конкретизирующие коммуникативное поведение студента в той или иной роли.

Для обозначения ветвей и веточек используется до 8 цветов фломастеров (маркеров). Наряду с текстом студенты иллюстрируют материал рисунками и фотографиями (маленьких размеров).

В Приложениях № 3, 4 использованы прямоугольники, так как через эти графические фигуры легче выразить материал в статье, студенты используют произвольные формы самовыражения своих коммуникативных ролей (овал, круг и др.).

Благодаря интеллект-карте студенту удастся осознать себя как коммуникатора, а студентам-заочникам как коммуникатора в профессиональной сфере.

Студенты используют свою интеллект-карту при составлении своего психологического портрета.

Интеллект-карта способствует визуализации студентом своего образа (в ракурсе коммуникации), структурировать представление о себе, обеспечивая его целостность.

Интеллект-карта развивает ассоциации у студентов, например, он называет себя коммуникатором в соцсетях, далее перечисляет соцсети, где он общается, далее

выстраивает веточки: характеристика своего нетикета, его элементов и др. Педагогу удается диагностировать обучаемых как коммуникаторов [3].

Опыт использования студентами интеллект-карты пробуждает интерес к самому методу, его возможностям применения в осознании различных ракурсов своей жизнедеятельности [2].

На учебном занятии студенты, презентуя свои интеллект-карты, делают для себя выводы, отмечают, какую роль забыли указать в сравнении с однокурсниками, кое-кто по своей инициативе составляет новые интеллект-карты.

Таким образом, технология-пазл и метод интеллект-карты, ориентированные на моделирование образов в учебном процессе, развивают визуализацию и ассоциативное мышление студентов.

В заключение отмечу, что эти два метода – пазлы и интеллект-карты – логично вписываются в изучение и усвоение студентами дисциплины «Этика библиотечного общения».

Примечания

1. Бьюзен Т. Интеллект-карты. Полное руководство по мощному инструменту мышления. М. : МИФ, 2018. 208 с.

2. Езова С. А. От яркого образа к осмыслению проблем // Библиотека. 2018. № 12. С. 14-16.

3. Езова С. А. Этика библиотечного общения : программа и учеб.-метод. рекомендации по изучению дисциплины направления подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» (бакалавриат). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК. 2018. 41 с.

4. Езова С. А., Кучмурукова Е. А. Этико-коммуникативная компетенция студентов: пути формирования и развития // Библиотековедение. 2019. Т. 68, № 3. С. 311-319. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-3-311-319.

5. Mind map: чем помогут студенту интеллект-карты. URL: <https://studlance.ru/blog/mind-map-chem-pomogut-studentu-intellekt-karty> (дата обращения 03.06.2019).

6. Пазл-технология в образовательном процессе. URL: <http://edu-sovet.ru/blog/ekspert-22> (дата обращения: 03.06. 2019).

7. Потапова А. И. Методические особенности реализации метода «Пазлы» в учебном процессе // Современная педагогика. 2016. № 6. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2016/06/5773> (дата обращения: 07.09.2019).

References

1. Bjuzen Tony. Intellekt-karty. Polnoje rukovodstvo po moshchnomu instrumentu myshlenija [Intellect-cards. Comprehensive guidance on powerful instrument of thinking]. M., 2018. 208 p. [In Russ.].

2. Ezova S. A. Ot jarkogo obraza k osmysleniju problem [From the bright image to comprehending problems] // Biblioteka [Library]. 2018. № 12. Pp. 14-16 [In Russ.].

3. Ezova S. A. Etika bibliotecnogo obshchenija: programma i uchebno-metodicheskiye rekomendacii po izucheniju discipliny napravlenija podgotovki 51.03.06 "Bibliotечно-информационная деятельность" (bakalavriat) [Ethics of library communication: program and methodical recommendations in studying the discipline, specialty 51.03.06 «Library information activity» (bachelor's course of study). Ulan-Ude, 2018. 41 p. [In Russ.].

4. Ezova S. A., Kuchmurukova Ye. A. Etiko-kommunikativnaja kompetecija studentov: puti formirovanija i razvitija [Students' ethical communicative competence: ways of formation and development] // Bibliotekovedenije [Library Science]. 2019. V. 68 № 3. Pp. 311-319. DOL: 10.25281/0869-608X-2019-68-3-311-319 [In Russ.].

5. Mind map: chem pomogut studentu intellect-karty [Mind-map: how will intellect cards help students]. URL: <https://studlance.ru/blog/mind-map-chem-pomogut-studentu-intellekt-karty> (03.06.2019) [In Russ.].

6. Pazzl-tehnologija v obrazovatel'nom processe [Puzzle-technology in the educational process]. URL: <http://edu-sovet.ru/blog/ekspert-22> (03.06.2019) [In Russ.].

7. Potapova A. I. Metodicheskiye osobennosti realizacii metoda "Pazzly" v uchebnom processe [Methodical peculiarities of implementing the method "Puzzles" in the educational process] // *Sovremennaja pedagogika* [Modern pedagogy]. 2016. № 6. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2016/06/5773> (07.09.2019) [In Russ.].

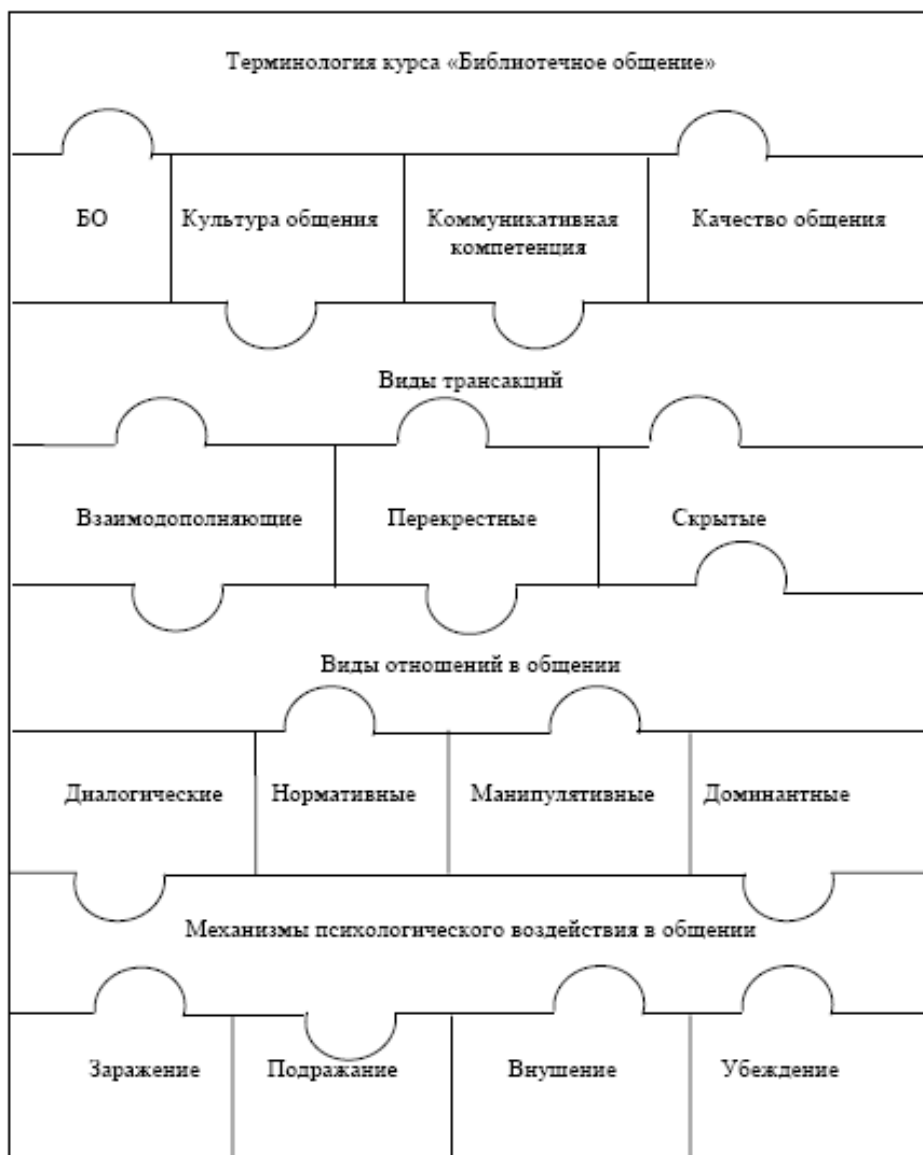
Приложения к статье С. А. Езовой «Использование инновационных технологий в подготовке библиотекарей»

Приложение № 1

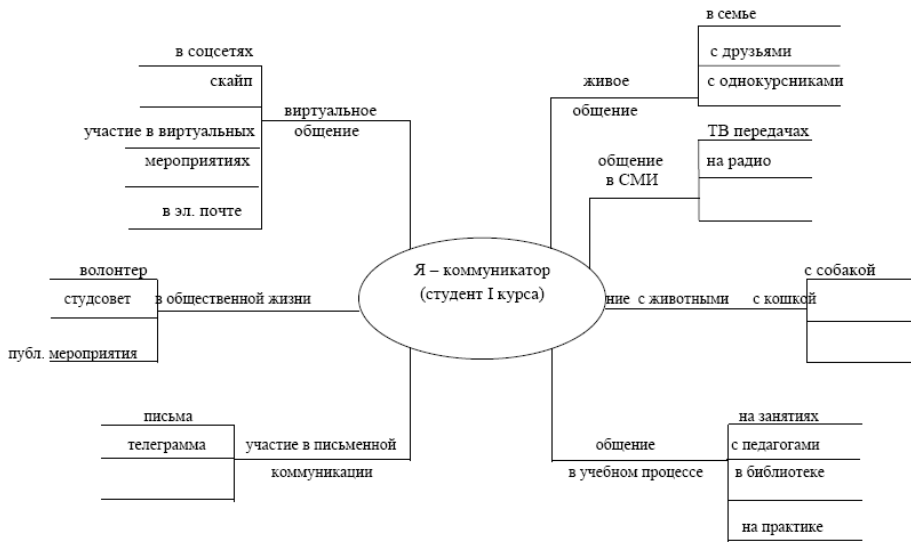
Пазл: Этика библиотечного общения (ЭБО)

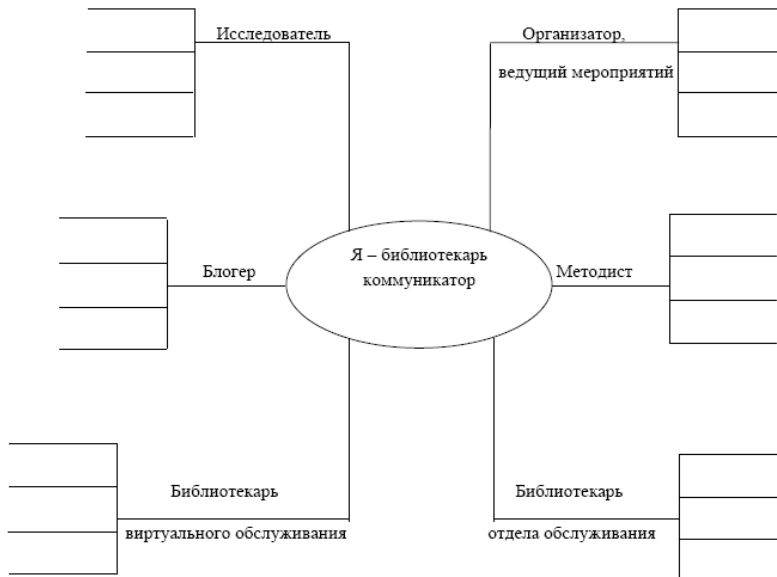
Пазл: Теоретические ракурсы библиотечного общения

Интеллект карта «Я – коммуникатор»

Интеллект карта «Я – библиотекарь коммуникатор»

Батуева Э. Б., Миронова Л. В.

Batueva E. B., Mironova L. V.

**СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ НАПРАВЛЕНИЯ
«ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО» В СОЗДАНИИ
ТУРИСТИЧЕСКОГО БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА
THE PROJECTS OF CREATING A TOURIST TERRITORIAL BRAND OF THE
STUDENTS MAJORING IN DECORATIVE AND APPLIED ART:
FORMULATION OF THE QUESTION**

В порядке постановки вопроса рассматривается создание и продвижение туристического бренда территории с помощью сувенира для туристов.

The issue under discussion is considered from the point of creating and promoting a tourist brand of the territory with the help of souvenirs.

Ключевые слова: событийный туризм, событийный проект, народные праздники, фестивали, туристический бренд, декоративно-прикладное искусство, мастер-классы, сувениры.

Keywords: event tourism, event project, folk holidays, festivals, tourist brand, decorative and applied arts, workshops, souvenirs.

В контексте рассматриваемой нами темы особое внимание привлекает перспективная Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)» [3]. С позиции системного подхода в прикладных исследованиях по рассматриваемой нами проблематике представлен серьезный аналитический материал в ряде работ [4; 5]. В них показан пример анализа и описания отдельных мероприятий и обобщение результатов проектов культурно-досуговой деятельности на уровне отдельного региона. Также сделан акцент на уточнение понятий «событийный туризм» и «событийный проект» [4, с. 404]. Т. Ю. Смирнягина обращает внимание, что само понятие «событийный туризм» конкретно привязано к определенному событию, как правило, с определенной датой. «Событийный проект ориентирован на нечто уникальное, имеет созидательный преобразовательный характер, связан с решением стратегических задач, рассчитанных на долгосрочную перспективу и цикличность. Такого рода проект должен стать не только праздничным мероприятием, но и иметь огромный потенциал, заключающий в себе социальную значимость, востребованность аудитории...представлять в конечном итоге своеобразный бренд территории» [4, с. 405]. Как мы видим, это явление, событие имеет связь с конкретным географическим пространством. Сегодня важными становятся вопросы осмысления проводимых мероприятий и в целом постановка социально-культурной деятельности на уровне региона. Приходится констатировать и такой факт, что еще многие вопросы слабо отражаются в печати, также серьезного анализа требует целый спектр массовых мероприятий, затрагивающих развитие народно-художественной культуры в рамках событийного туризма. Более детальное и глубокое изучение проблематики событийного туризма и событийного проекта, на наш взгляд, требует анализа потока информационных ресурсов, контента профильных сайтов, проведение конкретного социологического исследования по изучению темы на уровне региона.

Известно, что в первую очередь, в нашем регионе туристов и гостей привлекает череда народных праздников со своими зрелищными традициями, обрядами та-

кие как «Сагаалган» - «Белый месяц», «Алтаргана», «Сурхарбан» и «Эрын гурбан наадан», фестивали этнической музыки «Белый месяц» или «Голос кочевников». Всемирную известность приобрел Международный этно-музыкальный фестиваль «Голос кочевников» на базе туристического комплекса «Степной кочевник». Данный этно-музыкальный фестиваль пользуется большой популярностью среди любителей и исполнителей этномызыки и удостоен отраслевой награды Национальной премии «Russian Event Awards». На родине у местного населения, среди широких масс, он даже приобрел свое нарицательное значение «поедем-поедим», так как на базе туркомплекса можно отведать и национальную кухню. Конечно, национальный колорит создают живой звук, мастерство исполнителей на народных инструментах.

В целом, надо отметить, что многогранность мероприятий, отдельные номинации, проводимые в рамках событийного туризма, становятся предметом не только самостоятельного обсуждения, но и серьезного анализа на основе социологических исследований, проводимых мероприятий по конкретному региону и их оценка по номинациям за определенный промежуток времени [1; 5]. Исследование, проведенное, И. А. Суслевой и Л. С. Морозовой на примере Московской области, представляет собой практический пример аналитического отчета. Он содержит динамику роста праздничных мероприятий по годам. Обширна тематика мероприятий по номинациям, удостоенных Национальной премии в области событийного туризма «Russia Event Awards» за 2012-2015 гг. [5]. Обобщенный авторами материал показывает широту направлений и творческий поиск путей для привлечения молодежи.

Студенты ВСГИК могут не только заявить о себе, но и заполнить перспективную нишу в кластере туриндустрии. Доминирующую позицию может занять направление подготовки 54.03.02 «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», где можно раскрыть всю палитру материальной и духовной культуры народов республики. Например, неслучайно, предметы народно-художественного промысла рассматриваются как средство активизации событийного туризма [2]. В этом аспекте важно дополнить, что они выполняют ещё познавательную-образовательную функцию, способствуя пробуждению интереса к истокам традиционной культуры этносов конкретного региона. Например, наш вуз может разработать серию мастер-классов под девизом «Приезжай/приходи – покажем – научим». Студенческие проекты, содержащие социальную, образовательную составляющие, станут брендом проводимых мероприятий в рамках отдельных событий из жизни, истории территории. Наибольшую популярность приобрели пленэры в сфере изобразительного искусства. Например, мастер-классы на природе. Никого не оставит равнодушным пейзажные зарисовки «Байкальские фантазии», этюды «Байкальские каникулы», «Звездное небо Ацагата», выполненные самим участником под руководством профессиональных художников, где творчество, фантазия превращаются яркое незабываемое событие. В этом плане кафедра декоративно-прикладного искусства ВСГИК может лидировать в проведении ряда мастер-классов: от натуральных зарисовок, быстрых этюдов до сюжетной композиции происходящего события, применяя разные техники. Непосредственное участие студентов на таких мероприятиях способствуют не только развитию мыслительно-творческой деятельности, но самое главное приобретает опыт практической работы, научно-исследовательской деятельности и формируются профессиональные компетенции будущего специалиста. Незабываемым и зрелищным станет цикл студенческих проектов с практическими занятиями на лоне природы: уроки по ехору, игра на национальных инструментах, показ технологии художественной чеканки, художественной работы с глиной, роспись по ткани, техника ювелирной резьбы по дереву, секреты рисования и живописи, тонкости семантики и символики орнаментики и т.д.

Широка тематика релизуемых выпускных квалификационных работ по направлению 54.03.02 «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Например, новая идея – замысел разработать подарочный комплект «Волшебная шкагулка» с набором целебных трав и запахом байкальского багульника, а также начать серию сувенирной продукции «Мешочек счастья из Бурятии», «Байкальское здоровье», наполненные ароматом степной ая-ганги и других целебных трав или же композиция «Табан хушуун мал». Предполагается, что данная серия сувенирной продукции будет работать на психологическом уровне по установлению эмоционального контакта связи «турист – бренд территории».

Авторами статьи не ставилась задача проанализировать отраслевую статистику по развитию сферы туриндустрии в региональном разрезе. Как известно, одним из инструментов развития любой отрасли является экономическая составляющая. В этом ключе поставлен вопрос о туристическом сувенире как особом сегменте градообразующей части в экономике и значении сувенирной продукции в деле создания и продвижения туристического образа территории. Однако самое общее представление о состоянии турпродуктов в республике можно составить по итогам Всероссийского конкурса «Туристический сувенир». Знакомство со списком номинаций показывает разнообразие подходов. Только их простое перечисление свидетельствует о разновидности продуктов в качестве сувенира.

Стоит пояснить, что в финале Всероссийского конкурса «Туристический сувенир» были представлены более 400 туристических сувениров из 44 регионов страны. 1 ноября в Саратове названы имена победителей и финалистов конкурса. Отметим, что 12 работ мастеров и производителей Бурятии заняли призовые места в 8 номинациях. По итогам конкурса высшую награду – Гран-При – получили 2 работы, первое место – 2, второе место – 4, третье место – 4. Еще два сувенира удостоены специальных дипломов за продвижение территории с помощью гастрономического сувенира по категориям: VIP – Байкальский кедр ООО «Ориентал Вэй»; эконом – Джем облепиховый; 3 место – Шоколадные конфеты в форме бууз в упаковке в форме позницы «Сибирское ассорти». Следует отметить мнение эксперта Олега Колесникова, репортера проекта «Литературное варенье» (г. Воронеж) о сувенирах из Бурятии: «Виден качественный уровень. Многие сувениры имеют товарный вид, обладают хорошей качественной упаковкой. Если говорить о слагаемых успеха для туристического сувенира, то, на мой взгляд, это удобство транспортировки, вкусная легенда и мощное утверждение, что именно этот продукт стоит везти из региона. Не стоит забывать, что сувенир для впечатления» (<http://baikaltravel.ru/news/events/487/>). Сама коллекция сувенирных фото представлена на сайте (<http://baikaltravel.ru/news/events/487/#gallery-2>).

К сожалению, немаловажным фактором для туристов является возможность приобрести памятные сувениры. Это, в первую очередь, продукция местных мастеров-резчиков по дереву или наборы мужских и женских украшений, различные изделия из кожи, художественной керамики, востребована художественная роспись по ткани в технике батик. Повсеместно отмечается, что сувенирная продукция ещё не заняла свою позицию в туриндустрии. Сегодня надо признаться, что набор сувениров ограничен, к тому же стоит дорого, ещё рано говорить о создании линейки сувенирной продукции с этническим мотивом, необходимо начинать разработку опытной партии в режиме пилотного проекта, создавать собственный бренд сувенирной продукции. Стоит сказать, что реальная ситуация на рынке сувенирных продуктов малоутешительная, организаторы мероприятий до сих пор озабочены проблемой комплектации подарочных наборов в плане подбора сувенирных изделий народных мастеров, особенно дизайна упаковки. В этом деле студенты кафедры ДПИ безус-

ловно могут позиционировать себя в качестве разработчиков – исполнителей идей целой линейки сувениров для продвижения туристического бренда Бурятии.

На наш взгляд, именно изобретательность и мобильность студентов будут способствовать в разработке научно-творческих проектов общественно значимого характера. Технология проведения событийного туризма, а особенно разработка событийного проекта, позволяет представить в новом формате уже известные мероприятия как возможность координации и реализации учебно-творческих студенческих проектов разных профилей обучения. Это могут быть форумы, презентации проектов, виртуальные выставки, мастер-классы и т.д. В этом контексте активное привлечение студентов к проектной деятельности решает не только организационные вопросы, но и устанавливает многие междисциплинарные связи по интеграции и решению учебных задач на профессиональном уровне. Нет сомнения, что ВСГИК должен стать центром притяжения для сотрудничества не только в создании линейки сувенирной продукции, но и разработки грантовых проектов по народно-художественному творчеству, музыкально-этнографическому сопровождению мероприятий, проводимых в рамках событийного туризма или событийного проекта.

Примечания

1. Бадмаева Д. Д. Событийный туризм как способ сохранения культурного наследия (на примере Национальной премии Russian Event Awards) // Байкальские встречи – X : Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации : междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ – оз. Байкал, 20-22 сент. 2018 г., Респ. Бурятия. Улан-Удэ, 2018. С. 558-560.

2. Ганьшина Г. В., Чаус Н. В. Народно-художественные промыслы как средство активизации событийного туризма в России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 2. С. 76-86.

3. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)». URL: <https://www.russiaturism.ru/upload/iblock/b6a/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 19.11.2019).

4. Смирнягина Т. Ю. Социально-культурный проект как механизм репрезентации культурного наследия территории // Байкальские встречи – X : Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации : междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, оз. Байкал 20-22 сент. 2018 г., Респ. Бурятия. Улан-Удэ, 2018. С. 403-412.

5. Суслова И. А., Морозова Л. С. Событийный туризм : тенденции регионального развития // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 1 (60). С. 94-104 // Лань : электронно-библиотечная система. URL: [http // e.lanbook.com](http://e.lanbook.com) (дата обращения: 28.10.2019).

References

1. Badmayeva D. D. Sobytijnyj turizm kak sposob sokhraneniya kul'turnogo nasledija (na primere Nacional'noj premii Russian Event Awards) [The event tourism as the way to preserve cultural heritage (the National award "Russian Event Awards" as an example) // Baikalskije vstrechi – X: Kul'turnaja pamjat' i kul'turnaja identichnost' v uslovijakh globalizacii: mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ulan-Ude - oz. Bajkal, 20-22 sent. 2018 g., Resp. Buryatija [Baikal meetings – XX: Cultural memory and cultural identity in the conditions of globalization: intern. scientific pract. conf., Ulan-Ude city – Lake Baikal, September 20-22, 2018]. Ulan-Ude, 2018. Pp. 558-560 [In Russ.].

2. Ganshina G. V., Chaus N. V. Narodno-khudozhestvennyje promysly kak sredstvo aktivizacii sobytijnogo turizma v Rossii [Folk art crafts as the means of event

tourism activation] // Sovremennyye problemy servisa i turizma [Modern problems of service and tourism]. 2012. № 2. Pp. 76-86.

3. koncepcija federal'noj celevoj programmy "Razvitije vnutrennego i v'jezdnogo turizma v Rossijskoj Federacii (2019 – 2025 gody)" [The conception of the federal target program «Development of inner and inbound tourism in the Russian Federation (2019 – 2025). URL: <https://www.russiatourism.ru/upload/iblock/b6a/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (19.11.2019). [In Russ.].

4. Smirnyagina T.Yu. Social'no-kul'turnyj projekt kak mekhanizm reprezentacii kul'turnogo nasledija territorii [Social cultural project as the mechanism of representing the cultural heritage of the territory] // Bajkal'skije vstrechi – X: Kul'turnaja pamjat' i kul'turnaja identichnost' v uslovijakh globalizacii : mezhdunar. nauch – prakt.konf. g. Ulan-Ude, oz. Bajkal 20-22 sent. 2018 g., Resp. Buryatija [[Baikal meetings – X: Cultural memory and cultural identity in the conditions of globalization: intern. scientific pract. conf., Ulan-Ude city – Lake Baikal, September 20-22, 2018]. Ulan-Ude, 2018. Pp. 403-412 [In Russ.].

5. Suslova I. A., Morozova L. S. Sobytijnyj turizm : tendencii regional'nogo razvitija [Event tourism : tendencies of the regional development] // Servis v Rossii i za rubezhom [Service in Russia and abroad]. 2016. № 1 (60). Pp.94-104 // Lan': elektronno-bibliotecnaja sistema [LAN: electronic library system]. URL: [http // e.lanbook.com](http://e.lanbook.com) (28.10.2019) [In Russ.].

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-4-12-164-172

УДК 94(571.3)

Курас Л. В.

Kuras L. V.

МОНГОЛИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Размышления историографа по поводу монографии: Гольман М.И. Монголия глазами монголоведа (60-70-е годы XX века) / отв. ред. К.В. Орлова; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. 288 с., ил.

MONGOLIA THAT WE LOST

Thoughts of the historiographer on the monograph: Golman M.I. Mongolia through the eyes of the Mongolian researcher (60-70s of the XXth century) / chief editor K.V. Orlov; Institute of Oriental studies of the RAS. M., 2019. 288 p., ill.

Рецензируется монография – воспоминания ведущего монголоведа России М.И. Гольмана, подготовленная на материалах «путешественных записок», которые автор вел во время длительных командировок в Монголию в 1966 и 1971-1972 гг. Ценность работы состоит в автобиографических деталях и личных восприятиях автора событийного ряда об устройстве, управлении и жизни аймаков и сомонов Монголии. Но по настоящему колорит исследованию придают воспоминания о людях, событиях, неформальных встречах и застольях.

Книга написана настоящим профессионалом, но при этом доступна самому широкому читателю. Она пронизана добротой и любовью к Монголии, а также тонким и даже изящным юмором.

The monograph under review is M.I. Golman's memoirs, a leading specialist in the Mongolian studies. It contains the materials of the journey notes that the author made during his long business trips to Mongolia in 1966 and 1971-1972. The autobiographical details comprise the value of the work and the author's perception of some events connected with the organization, management and life of aimaks and somons in Mongolia. The memories about people, events, informal meetings and feasts add a genuine color to the research.

The monograph is written by a true professional and accessible to the widest reader. It is permeated by kindness and love to Mongolia as well as by gentle humor.

Ключевые слова: М.И. Гольман, Монгольская Народная Республика, персоналии, монголоведение, «путешественные записки».

Keywords: M.I. Golman, the Mongolian People's Republic, personalities, the Mongolian studies, "journey notes".

Предисловие

На моем письменном столе лежит монография, написанная в жанре воспоминаний ведущим российским монголоведом, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института востоковедения Российской академии наук, почетным доктором Института истории и археологии АН Монголии, кавалером ордена «Полярная звезда» Марком Исааковичем Гольманом. Сам факт того, что он проработал в стенах Института 62 года (с 1957 г.) и продолжает плодотворно трудиться на зависть многих молодых (7 ноября Марку Исааковичу исполнилось 92 го-

да), уже достойно восхищения. Как автор свыше 200 научных трудов по средневековой, новой и новейшей истории, международным отношениям и современному положению Монголии, Марк Исаакович признан научным сообществом во всем мире. Но главная его любовь – западная историография – это тот мировой рекорд, который в ближайшие десятилетия вряд ли будет кем-либо побит [2; 3; 5; 6].

А все начиналось так

Конечно же, воспоминания начинаются с самого чудесного времени в жизни любого ученого – студенческих лет (в 1944 г. Марк Исаакович поступил в Московский институт востоковедения на монгольское отделение, который закончил в 1951 г. с красным дипломом). Поэтому естественно речь идет об основных предметах и запомнившихся преподавателях, истории и культуре Монголии и культурном времяпровождении, включая спорт, посещение не только музеев и театров, но и ресторанов. И здесь хотелось бы остановиться на нескольких сюжетах, мимо которых пройти невозможно.

Сюжет первый. Марк Исаакович поступал на индийское отделение. Но сдав «на отлично все вступительные экзамены, с удивлением увидел свою фамилию в списках, зачисленных... на монгольское отделение». И далее «свою роль, видимо, сыграли пресловутая процентная норма и нехороший «пятый пункт» [4, с. 6]. Сегодня, зная реальное положение вещей с «еврейским вопросом» в СССР [8], можно со всей ответственностью сказать, что М. И. Гольману ещё крупно повезло.

Сюжет второй. Часть I монографии начинается словами: «Специалисты, преподававшие нам монгольский язык, относились к разным национальностям, но среди них, к сожалению, не было ни одного монгола» [4, с. 15]. На наш взгляд, это один из наглядных примеров проявления патернализма со стороны СССР по отношению к Монголии как части непродуктивной культуры. По мнению современных политологов, «патернализм российской системы власти воспроизводился во всех областях жизни общества. Он характеризует не только политическую, но и социальную, производственную и личную жизнь» [10]. Это в полной мере относилось и к системе подготовки кадров для Монголии, и в отношении Советского государства к самой Монголии. Полагаю, что именно поэтому в современной монгольской историографии, по мнению В.А. Родионова, «подспудно присутствует мысль о бессмысленности и даже вредности социалистического периода в истории Монголии с точки зрения становления современной монгольской демократии» [9, с. 142]. Именно, поэтому свой монгольский язык автор воспоминаний неоднократно называет «деревяннным» [4, с. 27]. А его попытка в 1966 г. поговорить на монгольском языке с младшим сыном академика Ш. Бира, повергла ребенка в изумление: Марк Исаакович услышал, как он спрашивает отца «на каком языке говорит дядя?» [4, с. 49]. Не случайно в продолжение всей командировки автор воспоминаний берет уроки монгольского языка у Г. Лувсанбалдана и академика Ш. Лувсанвандана [4, с. 242].

Но наиболее полно «непродуктивная культура» проявилась при оценке советских специалистов перспектив подъема монгольского животноводства, полагая, что СССР «выгоднее вывозить сырье в натуральном виде». И хотя М.И. Гольман подчеркивает, что это не отражение реальной политики Советского государства, а лишь личные взгляды некоторых специалистов. Но, на наш взгляд, реальность такова, что не только некоторые специалисты, но и руководство Союза ССР «не учитывали возможности политических и экономических перемен в Монголии» [4, с. 238].

Сюжет третий. М. И. Гольман получал повышенную стипендию, которую выплачивали регулярно, в размере 780 рублей [4, с. 21]. Конечно, это результат отличной учебы. Но, чтобы понять насколько Институт был престижным и привилегированным, следует подчеркнуть, что высшее образование в СССР в рассматриваемый период было платным, а стипендии были исключением из правил. Так, в архи-

ве Ленинградского государственного университета сохранилось заявление, инвалида Великой Отечественной войны, студента исторического факультета Ленинградского государственного университета, а в последующем профессора Бурятского государственного университета Е. Е. Тармаханова декану истфака с просьбой освободить его от оплаты за обучение по причине инвалидности [7, с. 178]. И еще одно отступление: мой папа в 1948 г. окончил Одесское артиллерийское училище, службу проходил в Белорусском военном округе и, будучи лейтенантом, командиром взвода, получал денежное довольствие в размере 600 рублей.

Сюжет четвертый. В 1950 г. Марк Исаакович работал на выставке подарков И.В. Сталину, «где переводил, сначала выборочно, а потом все подряд, поздравления и благопожелания вождю от благодарного монгольского народа», коих набралось 15 томов. И далее следует фраза: «...не умри он, я бы продолжал заниматься этим богоугодным делом до сих пор» [4, с. 7]. То есть фанатичного трепета по отношению к «вождю народов», свойственного его поколению, автор воспоминаний явно не испытывал.

Впервые в Монголии

1950 год стал для М. И. Гольмана годом испытаний.

А начиналось все как в сказке: он впервые покинул пределы Советского государства и оказался за границей, в Монголии. И хотя диплом Института вовсе не сулил «сладкой жизни за рубежом» [4, с. 6], но зато перевод на только что открывшийся новый переводческий факультет сделал эту мечту реальной, ибо «предусматривал языковую практику в изучаемой стране» [4, с. 20]. Вообще во многих сюжетах, о которых нельзя не написать, но не хочется комментировать, воспоминания Марка Исааковича напоминают айсберг, т.е. он описывает лишь то, что находится на поверхности. Так, автор сообщает, что ожидания были долгими и лишь летом 1950 г., после «собеседования в выездной комиссии ЦК КПСС», практиканты отправились в Монголию [4, с. 22]. А вот что это была за комиссия? А была она сродни инквизиции. По количеству документов, которые нужно было оформить; справок, которые нужно было получить в различных инстанциях; проверок, которые нужно было пройти – все это напоминало подготовку нелегала-закордонника. Не случайно этот сегмент истории Советского государства стал предметом специального исследования [11]. Автору же рецензии оказалась интересна сама поездка автора воспоминаний, которого никто не ждал и не встречал, хотя сама поездка была оговорена по линии МИДа. В июне 1977 г., оказавшись на монгольской практике, я столкнулся с такими же проблемами. И хотя практика была не посольская, а партийная, но нас тоже никто не ждал. У меня оказались столь же приятные воспоминания об Улан-Баторе, что и у автора воспоминаний: чистый, уютный и какой-то домашний город, именно таким его запомнил Марк Исаакович [4, с. 24], и даже через 16 лет столица, по определению М. И. Гольмана, оставалась «самобытной» [4, с. 41], чего не скажешь о современном Улан-Баторе. Кроме того, его воспоминания той поры – это калейдоскоп лиц и событий, которые навсегда отложились в памяти: присутствие на торжественном собрании партийного и государственного актива, посвященного 29-й годовщине Монгольской революции 1921 г., где с докладом выступил Х. Чойбалсан (!); встреча и знакомство с тогдашним ректором Монгольского университета, будущим академиком, стоявшим у истоков Монгольской академии наук, Б. Шырендыбом; Надом; монгольская кухня; знакомство с будущим цветом современной монгольской литературы; ну и, конечно, стажировка в Радиокomitee [4, с. 23-27]. Поток информации, новые знакомства, свобода передвижения, бесшабашная молодость – все это вскружило голову и притупило бдительность молодого стажера. И рецидивы 1937 г., когда доносы были нормой жизни, не замедлили проявиться. Докладная записка в консульство о неблагоприятном поведении М.И. Гольмана, после че-

го нашему герою было предложено в кратчайшие сроки покинуть страну пребывания, а затем, в Москве, на собрании монгольского отделения, он был исключен из комсомола и из института [4, с. 29-30], хотя оставалось лишь сдать недостающие государственные экзамены. И только прочитав эти строки, я понял, чем был обусловлен выбор хронологических рамок воспоминаний (60-70-е годы XX в.). Их автор на долгие 16 лет был отлучен от поездок в Монголию. Но через полтора года, отработав по комсомольской путевке на строительстве здания МГУ на Ленинских горах и получив специальность облицовщика 3-го разряда, он смог получить «красный диплом об окончании института» [4, с. 7]. И здесь вновь вершина айсберга, парадокс, который мемуарист никак не комментирует – исключен из комсомола и в то же время послан на великую стройку по комсомольской путевке...

Монголия в 1966 г.

Прежде чем приступить к анализу собственно работы, да и самой жизни Марка Исааковича в Монголии, необходимо сделать отступление, дабы характеризовать воспоминания монголоведа не только по жанровой принадлежности или как исторический источник, но и как «феномен культуры, отражающий общественную активность людей прошлого, стремившихся запечатлеть события так, как они их восприняли и оценили» [1, с. 127]. То есть, фактически речь идет об истории повседневности, чем воспоминания М. И. Гольмана особенно подкупают. Это подробное описание коммунальной квартиры и ее многочисленных обитателей, в которой он проживал в течение обеих командировок в 1966 и в 1971 гг. При этом о каждом из «сожителей», а их был не один десяток, у него находится теплое слово. Хотя есть исключение, касающееся аспирантки из Калмыкии, которую он характеризует как «внешне весьма милостивую, но очень вздорную девицу» [4, с. 35]. Думаю, что нужно было сильно постараться, чтобы заслужить такую характеристику. Тем более, что всех женщин, встречавшихся на его жизненном пути: коллеги по работе из разных институтов и разных стран, жены друзей и их дочери, стюардессы – абсолютно всех он обязательно называет «очаровательными», «милыми» или, в крайнем случае, отмечает «очаровательную улыбку».

С особой теплотой Марк Исаакович вспоминает одного из обитателей коммуналки, в последующем крупного бурятского ученого Бимбу Доржиевича Цибикова, которого московские монголоведы ласково называли «Бимбушей» [4, с. 35]. Этот сюжет как-то сразу же лег мне на душу. Во-первых, потому, что Б.Д. Цибиков автор моей любимой классической монографии «Разгром унгеровщины» [12], опубликованной 72 года назад, и не потерявшей актуальности по сей день. А, во-вторых, потому, что я периодически обращался к нему за помощью, ибо только он мог «оживить» фотографии начала XX в., находящиеся на хранении в Государственном архиве Республики Бурятия. С его уходом неатрибутированные фотодокументы стали просто безымянными памятниками эпохи.

И, конечно же, многочисленные гости этой квартиры, имена которых хочется произносить с придыханием: поэт и филолог М. Цэдэндорж, автор большого «Русско-монгольского словаря», выдающийся языковед А. Лувсадэндэв, монголист-филолог К. Н. Яцковская, патриарх западного монголоведения Оуэн Латтимор, академики Ширендыб-гуай и Дамдинсурэн-гуай и др. [4, с. 45-52]. Причем, совершенно отчетливо видно, что эти незабываемые встречи под грузинский коньяк «КВ» или болгарскую «Плиску» до сих пор греют душу автора воспоминаний.

Специального внимания заслуживают сюжеты о первых встречах и первых впечатлениях [4, с. 38-45], именно потому, что они первые. Конечно же, директор Института истории АН МНР академик Ш. Нацагдорж и президент Академии наук Б. Ширендыб, филолог Ц. Дамдинсурэн, археологи Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, языковед Н. Лувсанвандан. В последующем это встречи с академиком Б. Ринченом и акаде-

миком Ц. Дамдинсурэном [4, с. 125-127]; детским писателем Б.Баастом, чьи рассказы в переводе М. И. Гольмана вышли в издательстве «Детгиз»; настоятелем монастыря Гандан хамбо-лама Гомбожавом; чрезвычайными и полномочными послами СССР в Монголии Л. Н. Соловьевым и С. Н. Щетининым; корреспондентом «Известий» в Монголии и КНДР, автором известных книг о Монголии Л. И. Шинкаревым. Но особенно много впечатлений у автора воспоминаний о Ширендыбе-гуай, теплые отношения с которым и частые встречи по разным поводам продолжались в течение многих лет [4, с. 128-129, 135-138]. Думается, что академик по достоинству оценил не только человеческие качества Марка Исааковича, но, прежде всего, его эрудицию. Не случайно за несколько недель до отъезда автора воспоминаний на родину, Ширендыб-гуай обратился к М. И. Гольману с неожиданной просьбой. Автор воспоминаний пишет: «... пришлось редактировать тексты перспективных планов исследований нескольких академических институтов: географии и мерзлотоведения, физики, математики, биологии, химии, геологии, истории, языка и литературы, экономики. Проекты производили впечатление своей грандиозностью и стремлением охватить все больше, вплоть до использования энергии солнца» [4, с. 249].

Следует подчеркнуть, что как исследователь-историк Марк Исаакович много внимания уделял работе в библиотеке, с рукописями и архивными документами, занятиям по старомонгольской письменности. Но одновременно с этим он настоящий полевик, объехавший все монгольские аймаки, что нашло отражение в его монографии. Однако, это не впечатления туриста, наблюдающего непонятную ему жизнь из окна автобуса. Это записки ученого-востоковеда, которые сродни классическим «путешественным запискам», вполне могущими стать предметом специального изучения. Это и «Надом» [4, с. 53-56], и поездка в Баянхонгор [с. 56-71], которая совпала с реализацией государственного плана «культурного наступления» [4, с. 72-74], поездка в Архангай [4, с. 74-78], по востоку Монголии [4, с. 78-81], посещение родных мест Чингисхана [4, с. 92-98], города Чойбалсан [4, с. 99-105], несколько дней в Гоби [4, с. 115-118]. Особое место в воспоминаниях автора отводится Халхин-Голу, чья героическая история, естественно, не могла оставить его равнодушным [4, с. 81-88]. Именно поездка по местам боев на р. Халхин-Гол убедила М. И. Гольмана в том, что, «во-первых, народ свято чтит память о монгольских и советских воинах, павших в боях на Халхин-Голе, заботливо охраняет памятники, воздвигнутые в честь их мужества и геройства...». Во-вторых, убедила в том, что «на Халхин-Голе все еще полно следов ожесточенных сражений, проходивших в невыносимо тяжелых условиях...». И, в-третьих, он увидел, что «народ с великой любовью относится к героям и ветеранам боев на Халхин-Голе, знает, уважает и всячески почитает их» [4, с. 90].

Отдавая должное героической истории Монголии, ее просторам и красоте природы, достижениям в области экономики, образования и культуры, автор не скрывает своего восторга от повседневных радостей, связанных с потреблением всяких вкусностей: хушуры и буузы [4, с. 26], хорхог [4, с. 46], айрак [4, с. 82], печень в рубашке [4, с. 89], суузэй-чай [4, с. 160], мясо сурка и косули [4, с. 169, 181], урум – взбитые сливки [4, с. 179]. Ну и, конечно, архи [4, с. 153 – 154, 181 и др.]. Причем, в изложении нет ни капли жеманства и тем более ханжества. Однако, при всей жажде познания и желании видеть и попробовать все, что не видел и не пробовал ранее, все таки организм требовал чего-нибудь родного. Так, в Мурэне состоялась новая встреча с В. В. Грайворонским, который вручил М. И. Гольману «драгоценный подарок» - воблу [4, с. 178].

Восхищает аналитический ум М. И. Гольмана и умение видеть не только то, что тебе показывают или хотят показать. Уже тогда, в 1966 г. он смог, «за внешней парадностью и стабильностью» увидеть то, что не желал видеть тогдашний посол

СССР в Монголии Л.Н. Соловьев, характеризовавший политическую ситуацию в МНР как стабильную. По мнению Марка Исааковича, «политическая напряженность в столице ощущалась физически, интуитивно»: «разрыв с Китаем», приведший к сворачиванию строительства промышленных объектов и жилых домов; нехватка традиционных продуктов питания; новые квартиры, заселенные иностранцами; «Военторги», закрытые для монголов; большое количество силовиков на улицах городов, в том числе и в форме Советской армии; «нарастающее брожение в среде интеллигенции и раздражительность среди населения»; наличие в МНР политических заключенных [4, с. 121-122]; оппозиция в МНРП и деструктивная деятельность члена Политбюро, секретаря ЦК МНРП по идеологии Д. Тумур-Очира, направленная на дискредитацию руководства партии и государства [4, с. 132-135]. И еще один интересный факт, приведенный в монографии, который мог и может стать фактором дестабилизации. «В Монголии много смешанных браков», где «жены, особенно жены начальников, играют или пытаются играть определенную роль в формировании взглядов и настроений своих мужей», «кланы родственников многочисленны и могут включать в себя местных китайцев» и «этот канал может быть подвержен определенным влияниям» [4, с. 123].

Монголия в мае 1971 – феврале 1972 гг.

Вторая, более длительная командировка М.И. Гольмана, стала фактически продолжением предыдущей, с теми же научными задачами – сбор материалов о строительстве социализма в сельской местности МНР. Поэтому в монографии довольно подробно описаны поездки в Убсунурский, Баян-Ульгийский, в котором проживало до 60 тысяч казахов; Кобдосский аймаки с его красотами, которые вызвали у автора воспоминаний естественный восторг. Большое внимание уделено производству, достижениям монгольской экономики и новым знакомствам. Поездка Марка Исааковича совпала с приездом выездной приемной комиссии Министерства просвещения. Из 13 отобранных отличников, поступавших в советские вузы (монголы и казахи), несколько человек по квоте направлялись в вузы Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова. Но при этом вузов Казахстана не было, хотя нужда в «кадрах преподавателей казахского языка и литературы» была [4, с. 150]. Автор мемуаров предположил, что это недоработка Министерства просвещения. На наш взгляд, это была осознанная политика со стороны самой Монголии, ибо сравнение Казахстана с Баян-Ульгийским аймаком было бы не в пользу последнего. Подтверждение нашего предположения мы находим в заключительной части монографии, где М.И. Гольман пишет о своих впечатлениях от общения с казахами: «Меня не покидало чувство, возможно ошибочное, что последние несколько обижены на судьбу за то, что живут и работают в МНР, а не в пределах своей великой родины – Казахской ССР» [4, с. 272].

Во время поездки автор воспоминаний услышал подробности скандального визита в Монголию румынского лидера Николае Чаушеску с супругой [4, с. 153]. Неслучайно М. И. Гольман посвятил этому визиту небольшой сюжет своих воспоминаний [4, с. 160-161]. К сожалению, автор не пишет, что стало причиной того, что при открытии 26 ноября 1971 г. Музея революции, среди прочих экспонатов, были и «стенды об отношениях МНР и МНРП со всеми соцстранами, кроме Румынии» [4, с. 248]. Хотя можно предположить, что визит румынского лидера в Улан-Батор стал одной из причин такого положения вещей.

Марк Исаакович отдал должное и юбилейным торжествам, посвященным 50-летию Монгольской революции 1921 г., на празднование которой приехали представители 54 государств, в том числе правительственная делегация СССР во главе с Председателем Совета министров А. Н. Косыгиным. На торжествах «объявились и видные западные монголоеды – Оуэн Латтимор, Ургунге Онон с женой, Питер

Фитце» [4, с. 156]. Тогда же автор монографии встретился со своим коллегой по сектору Монголии в Институте востоковедения АН СССР, первым секретарем посольства СССР в Монголии С. К. Рошиным. Для нас же важен тот факт, что М. И. Гольман был приглашен на торжественное собрание, на котором выступил Ю. Цеденбал; наблюдал парад и праздничную демонстрацию на правительственной трибуне; а день завершил у себя в коммуналке чаепитием с коллегой по сектору Монголии В.В. Грайворонским, работавшем в тот период «референтом на советской юбилейной выставке достижений народного хозяйства СССР, развернутой в Улан-Баторе в честь юбилея» [4, с. 157, 158].

Положительные впечатления у М. И. Гольмана остались и от этнографической экспедиции во главе с крупнейшим этнографом-монголоведом Н. Л. Жуковской, которая пригласила принять в ней участие Марка Исааковича Гольмана и Галину Ивановну Слесарчук [4, с. 162-164]. Именно здесь путешественники увидели воочию, как реализуется программа правительства Монголии о «переводе цатанов (кочевники-оленоводы) на оседлость» [4, с. 164]. Затем, перейдя на собственный маршрут, М. И. Гольман с коллегой посетили рыбзавод [4, 167-172], осуществили поездку на озеро Хувсугул, где встретились с экспедицией Иркутского государственного университета [4, с. 173-178]. Затем был Улясутай – центр Звханского аймака [4, с. 198-202] и Гоби-Алтайский аймак [4, с. 202-211]. И везде новые знакомства, подробный анализ социально-экономического состояния аймака, обязательно уровень оснащённости школ и медицинских учреждений, состояние краеведческих музеев, жилого фонда, внешний вид населенных пунктов. А главное – это умение М.И. Гольмана расположить к себе новых знакомых и умение разговаривать собеседника. И наградой ему за это были чудесные рассказы его новых знакомых, которые хочется читать и перечитывать. Подводя итоги своего знакомства с художником за период с 3 июля по 17 сентября 1971 г., исследователь подчеркнул: «Проехал по суше около 5 тыс. км, по воде – 450, по воздуху – около 2 тыс., верхом – 100 км; побывал в 6 аймаках, 9 сомонных центрах – СХО, сведения о которых записал в полевые тетради» [4, с. 225].

Подводя итоги «путешественных записок» о Монголии, М. И. Гольман выделяет все основные достижения монгольского общества, указывая на «явный прогресс во всех областях жизни», в результате чего «произошла стабилизация внутриполитического положения» [4, с. 262]. Вместе с тем, он не скрывает и недостатки, имевшие место в экономике, образовании, культуре и национальной политике. Но самое важное наблюдение и выводы ученого касаются деятельности советских специалистов, которые хотелось бы привести дословно: «Работа в Монголии, особенно в художестве, в полевых условиях предполагала готовность к любым неожиданностям. Необходим был осторожный подход к решению даже мелких организационных вопросов, скажем просьбы о получении транспортных средств, нужна была выдержка и политический такт, а присущая монголам обостренная чувствительность, их мнительность и уязвимость при удивительной способности подмечать все вплоть до мелочей – требовали уважения к их национальным традициям, жилищу, пище, утвари. Любая иная линия поведения способна была вызвать и вызывала отчуждение, раздражение и недовольство» [4, с. 276].

Все ещё впереди: место заключения

Подводя итоги прочитанному, хочется просто озвучить два вывода профессионального монголиста М. И. Гольмана, сделать собственный вывод рецензента и высказать одно сожаление.

Вывод первый о Монголии: «Основной вектор перемен в Монголии, при социализме, свидетелем которых мне довелось быть, состоял, по-моему, в неуклонном процессе модернизации и европеизации, в становлении Монголии как равноправно-

го и активного члена мирового сообщества» [4, с. 11]. И это объективная реальность: не прибавить, не убавить...

Вывод второй о самом авторе, страдающем излишней скромностью: монгольские награды, титулы и звания, а также премии дают «право считать, что трудился я не зря, какой-то вклад в науку о Монголии все-таки внес и, можно сказать, что дело моей жизни уже почти сделано» [4, с. 10]. На наш взгляд, ключевым словом здесь является слово «почти». И потому есть твердое убеждение, что у Марка Исааковича, как пел Марк Бернес: «Все ещё впереди».

И, наконец, вывод собственный: так, как написал Марк Исаакович о Монголии и монголах, может написать только человек влюбленный и он не скрывает своих чувств: «... я впервые почувствовал и полюбил Монголию, её столицу Улан-Батор и художон, народ и природу страны» [4, с. 140].

А сожаление выражается в том, что монография М.И. Гольмана – это воспоминания – ностальгия и перед нашими глазами предстала Монголия, которая уже никогда не вернется. Монголия, которую мы потеряли...

Примечания

1. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2012. № 1. С. 126-138.

2. Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе XIII-XX вв. М. : Наука, 1988. 218 с.

3. Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общество) 50-80 гг. XX в. М. : ИВ РАН, 2004. 333 с.

4. Гольман М. И. Монголия глазами монголоведа (60-70-е годы XX века) / отв. ред. К. В. Орлова ; Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2019. 288 с.

5. Гольман М. И. Проблемы новейшей истории Монголии в американской буржуазной историографии. М. : Наука, 1970. 180 с.

6. Гольман М. И. Современная Монголия в оценках авторов. М. : ИВ РАН, 2009. 192 с.

7. Дорогой мой человек : к 95-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Тармаханова Ефрема Егоровича (1922-2016) / сост., отв. ред. Л. В. Курас. Иркутск : Оттиск, 2017. 376 с.

8. Костырченко Г. В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачёва : в 2 ч. М. : Междунар. отношения, 2019.

9. Родионов В. А. Политическая трансформация Монголии в социалистический период: от традиции к модерну // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 142-147.

10. Снегова М. Патернализм как часть непродуктивной культуры // Ведомости. 2015. 15 апр.

11. Чистиков А. Н. «Разрешите выезд...». Деятельность комиссии по выездам за границу в 1949-1962 гг. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 100-119.

12. Цибилов Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1947. 160 с.

References

1. Georgieva N. G. Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskij istochnik [Memoirs as phenomenon of culture and historical source] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istorija Rossii [Bulletin of the Russian University of People's Friendship. Series History of Russia]. 2012. № 1. Pp. 126-138 [In Russ.].

2. Golman M. I. Izuchenije istorii Mongolii na Zapade XIII-XX vv. [Studying the history of Mongolia in the West in the XIIIrd-XXth centuries]. M., 1988. 218 p. [In Russ.].
3. Golman M. I. Mongolovedenije na Zapade (tsentry, kadry, obshchestvo) 50-80 gg. XX v. [Mongolian studies at the West (centers, staff, society in the 50-80s of the XXth century)]. M., 2004. 333 p. [In Russ.].
4. Golman M. I. Mongolija glazami mongoloveda (60-70 gody XX veka) [Mongolia through the eyes of the Mongolian researcher (60-70s of the XXth century) / chief editor K.V. Orlov ; Institute of Oriental studies of the RAS. M., 2019. 288 p. [In Russ.].
5. Golman M. I. Problemy novejshej istorii Mongolii v amerikanskoj burzhuaznoj istoriografii [Problems of the recent history of Mongolia in the American bourgeois historiography]. M., 1970. 180 p. [In Russ.].
6. Golman M. I. Sovremennaja Mongolija v ocenках avtorov [Modern Mongolia in the authors' assessments]. M., 2009. 192 p.
7. Dorogoj moj chelovek : k 95-letiju so dnja rozhdenija doktora istoricheskikh nauk, professora Tarmakhanova Efrema Egorovicha (1922-2016) [My dear person. To the 95th birthday of the Doctor of sciences in History, professor Tarmakhanov Efrem Yegorovich / comp. by the chief editor L.V. Kuras. Irkutsk, 2017. 376 p. [In Russ.].
8. Kostyrchenko G.V. Tajnaja politika: Ot Brezhneva do Gorbacheva (Secret politics: from Brezhnev to Gorbachev). In 2 parts. M., 2019 [In Russ.].
9. Rodionov V. A. Politicheskaja transformacija Mongolii v socialisticheskij period: ot tradicii k modernu [Political transformation of Mongolia in the socialist period: from tradition to modern] // Teorija i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2014. № 17. Pp. 142-147.
10. Snegova M. Paternalism kak chast' neproduktivnoj kul'tury [Paternalism as part of unproductive culture] // Vedomosti [Vedomosti]. 2015. 15 April.
11. Chistikov A. N. «Razreshite vjezd...». Dejatelnost' komissii po vyezdam za granicu v 1949-1962 gg. ["Allow to leave...". The commission activity in charge of going abroad in 1949-1962] // Peterburgskij istoricheskij zhurnal [Petersburg historical journal]. 2017. № 4. Pp. 100-119 [In Russ.].
12. Tsibikov B. D. Razgrom ungernovshchiny [Defeat of ungernovism]. Ulan-Ude, 1947. 160 p. [In Russ.].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Амгаланова Мария Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
2. Аюшеева Марина Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
3. Базаров Борис Ванданович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
4. Базаров Виктор Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
5. Батуева Эвелина Батуевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
6. Бату-Цыренова Ирина Доржиевна, магистрант курса 2 курса направления подготовки 51.04.02 «Народная художественная культура» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
7. Бураев Алексей Игнатьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
8. Бураева Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
9. Воронцова Любовь Сергеевна, доцент кафедры дизайна ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
10. Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
11. Дандарон Мэдэгма Бидияевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
12. Дикий Ярослав Витальевич, лаборант-исследователь Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
13. Добрынин Сергей Александрович, профессор, декан факультета искусств ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
14. Доржсурэн Уранчимэг, заведующий отделом фондов музея изобразительных искусств им. Г. Занабазара (г. Улан-Батор, Монголия).
15. Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
16. Каржаубаева Аралтай Исаевна, доцент кафедры хореографического искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
17. Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
18. Лощенков Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).
19. Миронова Людмила Валериевна, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).
20. Нимаева Ирина Бальжинимаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

21. Нолев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

22. Отгонтуул Тогтохын, Ph.D., преподаватель, доцент кафедры монгольского языка и языкознания Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия).

23. Плеханова Анна Максимовна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

24. Протасова Лариса Иннокентьевна, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой хореографического искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

25. Русинова Ольга Артемовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры хорового дирижирования, звукорежиссуры и вокального искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

26. Санжиева Лариса Николаевна, доцент кафедры хорового дирижирования, звукорежиссуры и вокального искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

27. Солнцева Галина Николаевна, доцент кафедры дизайна ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

28. Степанова Светлана Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета музыкального и хореографического искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

29. Хомяков Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

30. Цыденова Арюна Дамбаевна, магистрант 2 курса направления подготовки 51.04.02 «Народная художественная культура» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

31. Цыпилова Снежана Сергеевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

32. Цыренов Чингис Цыбыкдоржиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

33. Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Amagalanova Mariya Viktorovna, Ph.D. in Culturology, associate professor of the department of culturology and art history, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

2. Ayusheeva Marina Vasilyevna, Ph.D. in History, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

3. Bazarov Boris Vandanovich, D.Sc. in History, academician of the RAS, professor, director, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

4. Bazarov Viktor Borisovich, Ph.D. in History, researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

5. Batueva Evelina Batuevna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

6. Batu-Tsyrenova Irina Dorzhievna, a 2nd-year magistrate, specialization 51.04.02 «Folk art culture», profile «Culture of the peoples of the Asian-Pacific region», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

7. Buraev Alexey Ignatyevich, Ph.D. in History, associate professor, researcher of the department of history and culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

8. Burayeva Svetlana Valeryevna, Sc.D. in History, associate professor, leading researcher of the Center of Oriental manuscripts and xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

9. Vorontsova Lubov Sergeevna, associate professor of the department of design, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

10. Gombozhapov Alexandr Dmitriyevich, Ph.D. in History, leading researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

11. Dandaron Medegma Bidiyaevna, Sc.D. in Philosophy, professor of the department of history and philosophy, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

12. Dikiy Yaroslav Vitalyevich, laboratory researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

13. Dobrynin Sergey Alexandrovich, professor, dean of the faculty of arts, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

14. Donzhsuren Uranchimeg, chief of the funds department of the fine arts museum named after G. Zanabazar (Ulaanbaatar, Mongolia)

15. Ezova Svetlana Andreevna, Ph.D. in Pedagogy, professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

16. Karzhaubaeva Araltai Isaevna, associate professor of the department of choreographic art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

17. Kuras Leonid Vladimirovich, D. Sc. in History, professor, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

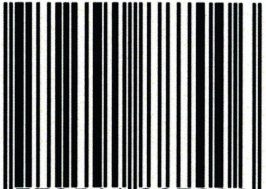
18. Loshenkov Alexey Vyacheslavovich, Ph.D. in History, junior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

19. Mironova Lyudmila Valeryevna, senior teacher of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

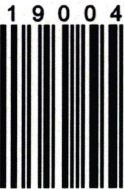
20. Nimaeva Irina Balzhinimaevna, Ph.D. on Pedagogy, associate professor of the department of literature and linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

21. Nolev Evgeniy Vladimirovich, Ph.D. in History, researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).
22. Otgontuul Togtokh, Ph.D., associate professor of the department of the Mongolian Language and Linguistics, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
23. Plekhanova Anna Maximovna, Sc.D. in History, associate professor, deputy director in charge of scientific work, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).
24. Protasova Larisa Innokentyevna, Ph.D. in Art History, professor, chief of the department of choreographic art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).
25. Rusinova Olga Artyemovna, Ph.D. in History, associate professor of the department of conducting, sound directing and vocal art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).
26. Sanzhieva Larisa Nikolaevna, associate professor of the department of conducting, sound directing and vocal art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).
27. Solntseva Galina Nikolaevna, associate professor of the department of design, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).
28. Stepanova Svetlana Gennadyevna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor, dean of the faculty of musical and choreographic art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).
29. Khomyakov Sergey Vasilyevich, Ph.D. in History, junior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).
30. Tsydenova Aryuna Dambaevna, a 2nd-year magistrate, specialization 51.04.02 «Folk art culture», profile «Culture of the peoples of the Asian-Pacific region», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).
31. Tsybilova Snezhana Sergeevna, Ph.D. in History, junior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).
32. Tsyrenov Chingis Tsybikdorzhievich, Ph.D. in History, researcher, the Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).
33. Chimitdorzhieva Gunsema Nimbuevna, Ph.D. in Philology, leading researcher, academic secretary, the Institute for Mongolian, Buddhist, Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude city).

ISSN 2541-8874

9 772541 887006

19004

>